

ХОЗЯЙКА СЕРЕБРЯНОГО ОЗЕРА

Анна Веселова

Annotation

Много сказок сложено о Хозяйках Серебряного озера. Вот только правды в них капля да маленько. А хорошо бы сочинить хоть одну честную. Таковую, в которой рассказывалось бы о том, как тяжело быть сильными, независимыми женщинами, не потерявшими способность сострадать, помогать слабым, искать и находить свою любовь.

Только кому будет нужна такая неправильная сказка? Может быть вам, мои дорогие, самые любимые читатели?

Юная Софи приезжает в столицу, чтобы закончить образование в Академии Магии. Но так ли это? Возможно, она преследует другие цели? К примеру, ищет отца для будущей наследницы рода? А может она собирается вскружить головы самым достойным магам королевства? Или, чем черт не шутит, когда Пресветлая спит, втереться в доверие к самому брату короля — могущественному герцогу Ингарскому?

Ответы на все эти вопросы вы найдете в этой книге. А так же (как, впрочем, и всегда в моих историях) в ассортименте розовые сопли на сиропе, любовь и магия.

-
- [Хозяйка серебряного озера. Книга 1](#)
    - [ПРОЛОГ](#)
    - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
    - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
    - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
    - [эпилог](#)
    - [Глоссарий](#)

Хозяйка серебряного озера. Книга 1
Янина Веселова

ПРОЛОГ

Северное лето коротко. Кавалерийской лавой проносится оно над землями Дагании, оставляя по себе лишь воспоминания. И вот уже кажется, что никогда не было ни белых ночей, насквозь пропитанных ароматом цветущего шиповника, не пел своих песен соловей, лиловый вересковый ковер, гудящий от тружениц пчел, попросту привиделся. Не склоняли до земли ветви, отягощенные налитыми плодами, яблони... Впрочем, нет. Яблоки в этом году как раз удались. И вообще урожай порадовал. Погреба и кладовки наполнены под завязку.

Так что не страшны становятся проливные дожди, и нудная серая морось. Не пронять им даганцев. Просто немного жаль ушедшего тепла, да щемит иногда сердце по ласковому теплому солнышку.

Понапрасну старается осень, поливает горькими слезами землю, наводит тоску печаль. А, как устанет она, захочет уйти, заступает на вахту злобная старуха зима. Прилетает она на крыльях метелей и буранов, укрывает весь мир белым ледяным саваном, воет, злится, не выпускает на улицу, норовит засыпать снегом дома по самые крыши. И хоть недолог век злодейки, он страшен.

Но не отчаиваются люди. Есть у них спасение не только от холода и голода, но и от грусти, скуки и тоски. Жарко растапливают даганцы печи и камины, собираются рядом с ними всей семьей, пьют горячее вино с медом и пряностями, чай, сдобренный ягодным соком, а то и грог, благоухающий привезенным из заморских колоний ромом и лимонами. Они никуда не торопятся, смакуют по глоточку, жмурятся от удовольствия.

И конечно же рассказывают сказки... Разными бывают они: веселыми и грустными, печальными и ужасающими, но обязательно волшебными.

И нестрашна становится непогода, уходит скука. И хочется жить. И ждать весну, точно зная, что за ней придет лето.

***

Освещенная мягким светом свечей кухня казалась удивительно уютной. Просторная обставленная добротной резной мебелью, она была самой любимой комнатой хозяев дома. Вот и сейчас все они собрались вокруг, накрытого к чаю стола, прислушиваясь к тишине, нарушаемой частым стуком дождя по крыше, тиканьем ходиков да потрескиванием поленьев в печи.

— Разгулялась нынче непогода, — хозяин дома, подслеповато жмурясь посмотрел в окно. — Задвинь, милая, шторы, надоело дождем любоваться, — попросил он внучку.

Черноволосая егоза тут же вскочила на ноги.

— Стул не переверни, — остерегла бойкую внучку хозяйка, всего на секундочку отвлекаясь от приготовления пышек. — Стрекозка моя.

— Не волнуйся, бабуль, — засмеялась та.

— Ага, бабуль, — поддержал сестру парнишка чуть постарше. — И не отвлекайся, а то пышки пригорят.

— Когда такое было?! — бабушка грозно замахнулась лопаткой на мальчишку.

— Никогда, — моргнул бесстыжими серыми глазищами тот. — И начинать нечего. Вот!

— Вот же поганец вырос! Весь в отца. Просто как с него лепили! И, главное не промолчит никогда!

— Мамуль, ну чего ты? — спасая доброе имя мужа и спокойствие сегодняшнего вечера, на ноги поднялась глубоко беременная молодка. — Марин тебя очень уважает, даже любит.

— В глубине души, — подмигнула девочка.

— Где-то ооочень глубоко, — согласился с сестрой сорванец. Хорошо еще, что ему достало ума понизить голос, а то подзатыльника не миновать.

— В родном доме, про родного зятя уже и слова сказать нельзя, — шваркнув очередную порцию пышек в раскаленное масло, возмутилась бабуля.

— Можно, мамочка, можно. Только...

— Деда, — подал голос самый младший, похожий на вороненка мальчишка, до этого тихо читавший книгу, — расскажи сказку.

— А давай, — легко согласился тот. — Вспомнилась мне одна забавная история...

Словно по волшебству воцарилась тишина. Домашние заинтересованно замолчали. Внучата заинтересованно вытянули шеи, молодка, успокоившись, опустилась на стул, погладила круглый свой живот, умостила на нем руки и облегченно выдохнула. Даже дождь за окошком притих, изготовился собирался подслушивать. Только пышки упрямо шкворчали, но им простительно. Они за бабулю переживали.

— Правда это или нет, не знаю, а только дело было так, — усевшись поудобнее, начал рассказчик. — Велика и могуча наша Дагания. На зависть соседям, — назидательно поднял палец он. — Населяют ее честные труженики, и неважно маги они или воины, крестьяне или купцы. Потому и выделяет нас Пресветлая, посылая всяческие чудеса. Сегодня я расскажу вам об одном из них.

На берегу глубокого холодного озера стоит прекрасный замок. Сильным чародейством скрыт он. Необыкновенным. Невиданным. Если пройдет мимо него человек плохой завистливый жадный да ленивый, а хуже того чужой, то увидит он лишь древние развалины. Обветшалые стены, увитые плющом, черные провалы окон, приземистую лишенную крыши башню, что гнилым зубом торчит посреди заброшенного двора. Даже озеро обернется для такого человека процветшим прудом.

В гостиной пробили часы, заставив присутствующих вздрогнуть.

— Восемь по полудни, — посчитала хозяйка, — а, зятек мой где-то шляется, домой не спешит, — она с сердцем бухнула на стол блюдо с румяными пышками.

— Цыц! — осадил ее дед, бросив тревожный взгляд на дочь. — Ишь, взяла моду перебивать меня. Скоро Марин явится, я чую.

— Да тьфу на тебя, — уперла руки в бока старая. — Полюбуйтесь на него! Всю жизнь сказочником был, а ноне еще и в предсказатели подался.

— Баба, — взмолился вороненок, — не ругайся, дай послушать! Интересно же.

— Молчу, солнышко, — не умея отказать внуку, чмокнула мальчика в смоляную макушку и отвернулась к плите.

— Всю сказочную атмосферу мне нарушила, — попенял дед, отхлебывая из кружки. — Балаболка старая. Хоть по новой сказывай. Эх... И, главное, всю жизнь такой была! — сердито покосился на жену.

Та не прониклась, позволив перебранке стихнуть.

— Продолжаю, — откашлялся рассказчик. — Не показывается, стало быть, чужому человеку заветный замок, потому как скрывает он от худых людей редкостное сокровище — свою хозяйку. Стан ее тонок, волосы белы. Серебрятся они словно лунная дорожка, что ложится на воды священного озера Данаан. Глаза... Глядя в них не враз догадаешься какого они цвета: то вроде синие, а то зеленью отливают. Моргнет Хозяйка Серебряного озера, и очи ее голубеют словно небушко весеннее, иногда и серыми становятся...

— Погоди, папуль, — очнулась от полудремы беременная. — Разве такое бывает? Цвет глаз ведь указывает на магические способности. Зеленые глаза — магия земли, голубой — воздух, синий — вода, серый — боевая, карий — огонь, а сиреневый — магия разума.

— Правильно.

— Значит не может меняться цвет глаз?

— А вот и может, — отложил пышку младшенький. — Это же сказка, мама! Ну как ты не понимаешь!

— Наяву такое тоже сплошь и рядом случается, — заметила бабушка, разливая чай. — Детки все синеглазенькими рождаются, а после глазенки цвет меняют. Масть чаще всего тоже. Эта ваша хозяйка небось тоже не сразу серебряные волосы заимела.

— Скорее всего, — согласился дед. — Мне про то ничего неизвестно. Зато о магии, дарованной Хозяйке, сказать могу. Дана сей чародейке способность договариваться с минералами всякими, чаровать их, наделяя волшебными свойствами. Огромной силы артефакты делают из таких камней: родовые кольца, охранные и лечебные амулеты, много всего. И все чудесное.

— Она сама делает, штоль? — поднял голову присмиривший было постреленок. — Для того и магия разная?

— Не угадал, — растрепал ему волосы дедушка. — Вокруг замка целое селение имеется. Проживают в нем ювелиры да гранильщики. Все из себя сильнейшие мастера. Их имена по всему королевству гремят. Но не это главное. Может Хозяйка жемчуг растить в своем озере. Да не ту мелочь, что в наших холодных реках добыть можно. У нее-то перлы крупные отборные, словно из-за моря привезенные, из далеких стран.

— Из колоний?

— Ага, но у Хозяйки жемчуг волшебный. Приносит он здоровье, иной раз даже смерть отогнать может, потому как великой силой обладает.

— Вот это да! — восхитился вороненок. — Нам бы такую жемчужинку.

— Жаль, что это только сказка, — мечтательно вздохнула его сестренка. Видно, примеряла уже в мыслях жемчужный убор.

— Жаль, — эхом откликнулась бабушка, украдкой покосившись на дочь. Слишком уж тяжело давалась ей нынешняя беременность. А всему виной зятек загулявший! Не может штаны на замке держать. Кобелюка озабоченный!

— А вот и не сказка! — прозвучало от двери веселое. — И не жаль совсем.

Крупный сильный, но смертельно усталый мужчина прислонился к притолоке, не сводя глаз с жены.

— Марин! — обрадовалась та. — А мы не слышали, как ты вошел!

— Явился, не запылится, — скривилась теща. — Натоптал небось, грязи нанес.

— Папа, папочка, где ты был? — вразнобой загомонили дети.

А он все молчал и глядел на любимую. А потом улыбнулся светло-светло, шагнул к ней.

— Тебе, зоренька, — сказал негромко и выложил на стол крупную серо-сизо-голубую дивной красоты жемчужину на сверкающей серебром цепочке. — Хозяйка передала с пожеланием здоровья.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— До чего ж не хочется уезжать из дому, Нэнни, — в который уже раз вздохнула Софи, отодвинула от себя чашку чая с молоком и пригорюнилась.

— Глупости какие! — нарочито громко всплеснула руками та и решительно придвинула чашку поближе к своей воспитаннице. — Другие-то девицы небось впереди кареты готовы в столицу скакать. Ведь не куда-нибудь, а в самую академию магическую! — Нэнни многозначительно воздела палец к потолку. — Да еще и на последний курс сразу!

— Я не все, — напомнила очевидное Софи и брезгливо заглянула в чашку. — Вели убрать эту гадость.

— Нормальный чаек, — уверила женщина и даже сделала несколько глотков то ли, желая доказать свою правоту, то ли мечтая успокоить ненаглядную свою Софьюшку, — вкусненький...

— Фу...

— Ну выпей тогда с лимончиком, — взмолилась Нэнни, — и булочку скушай. Нельзя в дорогу голодной. Укачает.

— И пусть! Ничего не хочу, — на кончиках длиннющих ресниц Софи повисли слезинки.

— А и ладно, — согласилась нянюшка. — Не ешь, детка, не пей ничего, плачь побольше. Ослабнешь, опозоришься перед чужими, а они, чтоб ты знала, только этого и ждут. Род опозоришь, предков... И нас заодно. О вассалах да арендаторах всегда по хозяевам судят.

— Нэнни! Ты как бабушка прям!

— Куда уж мне до покойной лэры, — покачала головой та. — Второй такой свет не родил. Хотя... Ты, милая, со временем с ней вровень станешь. Ей-ей Пресветлая!

— Правда? — не торопилась верить Софи.

— Истинная, — уверила нянюшка. — Только случится это, если ты как следует кушать начнешь.

— Нэнни, — Софи укоризненно покачала головой, — опять ты за свое.

— На том стоим и стоять будем, — с готовностью согласилась нянюшка. — Так вот о бабушке твоей, пусть земля ей будет пухом... Покойная лэра никогда не пренебрегала завтраком. Яйца, сосиски, бекон, грибы, бобы в томате, кровяная колбаса по дагански и картофельные лепешки ежедневно оказывались у нее в тарелке, и это еще не говоря о тостах с джемом и чашечке чая, — не теряя времени достойная женщина заполнила вышеуказанными яствами тарелку и торжественно поставила ее перед своей воспитанницей. — А все почему?

— Почему? — послушно повторила Софи, с ужасом разглядывая предложенное ей продуктивное изобилие.

— А потому, девочка моя, что лэра Карр была женщиной ответственной. Она прекрасно понимала, сколько энергии расходуется магом, особенно такого уровня. Так что ешь и не спорь. И не беспокойся! — повысила голос Нэнни, видя, что ее дорогая девочка собралась что-то сказать.

Софи ничего не оставалось кроме как сдаться. Со вздохом она вооружилась ножом и вилкой, подцепила жареный грибок и принялась с самым мученическим видом жевать.

— Умница, — похвалила нянюшка, умильно наблюдая за своим ненаглядным чадушкой. — А в ААМ (аргайлская академия магии) за тобой поганки присмотрят, никого чужого не подпустят и в обиду не дадут. Хотя, я бы с удовольствием глянула на того идиота, который рискнул бы обидеть мою горлинку нежную, — она мечтательно прижмурилась. — Ты уж там пожалей убогих магиков, не разноси к демонам рогатым старейшее в королевстве учебное заведение.

— Нэнни! — Софи чуть не подавилась сосиской.

— Ну а что? Нрав у тебя ого-го какой, силища немереная, девать ее на учебе некуда будет. Пока маги это поймут, ты таких делов понаделать можешь. Мама не горюй!

— Я, между прочим, никогда дома себе ничего плохого не позволяла, — не на шутку обиделась лэри Карр.

— Дома тебе есть чем заняться, солнышко. К тому же здесь все тебя любят. А там по-другому будет. Но ты держись, не нервничай, копи силы на выходные...

— Значит, удалось договориться, чтобы меня отпускали к вам? — уловила главное для себя Софи.

— Да, милая. У нас получилось. Конец недели будешь проводить дома.

— Ну хоть какая-то радость.

— Попробовали бы они запретить тебя в академии, — впервые за утро голос Нэнни похолодел, превращая добрую нянюшку в родовитую дворянку лэру Нэлианну Марию Каррлайл. Ту самую, к мнению которой прислушивался даже всемогущий Совет Матерей Дагании. Вдову. Мать. Тетку. Суровую немногословную женщину, отдавшую всю себя служению семье Карр да своим девочкам: Софи, Эдме и Фионе. Их она любила безмерно, с ними шутила и улыбалась, остальным такой милости не доставалось.

Судьба лэри Нэлианны не была простой и легкой, но она никогда не жаловалась и не плакала. Последний раз ее слезы видели лет восемнадцать назад. На похоронах мужа. А потом как-то не сложилось с этим. Может характер не позволил, а может времени не хватало. Да что там времени? Даже и возможности подобной лэре Нэлианне не представлялось.

Судите сами. Овдовев, она сразу же затеяла менять фамилию, потому как возвращение во взрастивший ее род полагала делом первостепенным. Одновременно с этим ей пришлось хлопотать об опеке над осиротевшей племянницей, родители которой сгорели в ядовитом огне серой лихорадки.

Жуткая хворь в тот год сняла огромную жатву. Она не пощадила ни бедных, ни богатых. Промчалась смрадным вихрем над землями Дагании, Леории и Парлама, сея смерть, выкашивая жителей могучих королевств словно трудолюбивый жнец ячменное поле. От нее невозможно было спрятаться за могучими стенами родовых мэноров и замков. Все были равны перед лихорадкой: рожденные в порфире, черноногие сервы, жречество, маги, шлюхи и воины... Стоило только заболеть — все, спасения не жди, готовься к встрече с Великой Неназываемой Госпожой.

Сладить с серой лихорадкой могли, пожалуй, только маги жизни, но слишком уж редко посылала их Пресветлая на землю. Существовало и еще одно средство против заразы — жемчужные талисманы семьи Карр — рода владительниц Серебряного озера. В тот год за них были готовы убивать. И убивали...

Всю осень буйствовала зараза, убравшись только зимой. Не по нраву ей пришлись едреные даганские холода.

Жителям Леории, климат в которой был не в пример мягче, не говоря уж о жарком Парламе, оставалось лишь завидовать северным соседям да уповать на милость Пресветлой, моля ее о прекращении мора. И чудо свершилось. Бравый генерал Мороз победным маршем прошелся по землям южных королевств, уничтожая заразу. Рея на крыльях северного ветра, хохотал он над засыпанными снегом виноградниками и оливковыми рощами. И люди с радостью вторили ему. Пожалуй, никогда до этого ледящий холод не был благословением божьим.

Именно с тех пор стала цениться человеческая жизнь, особенно детская. Над своими наследниками тряслись и в хижинах, и во дворцах. Даже мода на беременность появилась. Женские платья шились с завышенной талией, драпировались на животе, позволяя особам надевшим их казаться в тягости. Некоторые кокетки даже накладные животики умудрялись носить, но это уже перебор, право слово. К счастью такая мода быстро сошла на нет.

А еще в народ пошли сказки о справедливых и добрых Хозяйках Серебряного озера. Так-то...

Ну, а лэра Нэлианна осталась молодой вдовой с двумя девочками на руках, а если по-честному, то и с тремя. Ведь лишившаяся матери София тоже нуждалась в присмотре. Отца у нее отродясь не было, а бабушка... Сиятельная лэра Карр была слишком занята делами поместья, да и тяжело ей было видеть внучку, служившую напоминанием об умершей дочери.

А вот Нэлианне девочка пришлась по сердцу, потому и согласилась она на должность гувернантки наследницы великого рода Хозяек Серебряного озера — Маргарет Софии Анжелики Карр или попросту Софи. И покатила жизнь лэры Каррлайл. Смыслом ее стали девочки: дочка Эдме, племянница Фиона и ненаглядная воспитанница, отрада сердца Софьюшка.

— Все, больше не могу, Нэнни, — Софи очистила тарелку почти наполовину и ожидала заслуженной похвалы.

— Умница! — вынырнула из невеселых воспоминаний лэра. — Иди, одевайся. Марта тебя заждалась. Сейчас поедем.

— Ты же меня проводишь?

— Обязательно, — заверила нянюшка. — Заодно повидеюсь с поганками и побеседую с ректором. Мне есть что ему сказать, правда и ему тоже... Ну, не стой столбом малышка, беги же.

***

День его величества не заладился с самого утра, а если быть честным, то и со вчерашнего вечера. И началось это аккуратно в тот момент, когда драгоценнейшая Анна Мария — возлюбленная супруга, мать детей и свет жизни Бартимеуса VII с треском и грохотом захлопнула двери в опочивальню прямо перед его носом.

Жестоко обломавшемся величеству только и оставалось, что вздохнуть, крикнуть с досады и отправиться к себе, чтобы в одиночестве поразмыслить о том, как он дошел до жизни такой.

А она, в смысле жизнь, не радовала. Леория подняла цены на вино, шелк и оливковое масло, Парлам за спиной соседей вел переговоры с вольным морским братством, в колониях было беспокойно, дочке приспичило замуж, жена ее всячески поддерживала в этом желании, а младший брат... вот с ним было хуже всего. Александр все никак не мог оправиться после покушения: был слаб как ребенок, страдал провалами в памяти. Сейчас-то, слава Пресветлой, еще получше, а сразу после ранения даже не узнавал никого.

— Охо-хо, — устало потерев покрасневшие от недосыпания глаза, Барти седьмой дернул за сонетку звонка. — Кофе подай, — велел он заглянувшему в кабинет обер- секретарю и решительно подвинул к себе документацию по Парламу. Стоило поразмыслить о возможности брака тамошнего младшего ненаследного принца и любимой доченьки, которая сделалась невыносимой после того, как была разорвана ее помолвка с леорийским дофином.

Ох, и разразился же тогда скандал. Если бы не помощь тогда еще здорового Александра, то войны было бы не миновать, а теперь он... Мысли его величества, сделав круг, снова вернулись к младшему брату. Он нужен был Барти здоровым и в своем уме, а значит придется идти на уступки северным ведьмам.

— Ваш кофе, — в кабинет просочился лэрд Дави Грир, который вместе с бодрящим напитком притащил очередную пухлую папку с документами.

— Вот что, — с неудовольствием глядя на обер-секретаря, распорядился Бартимеус, — Пригласи ко мне ректора ААМ и декана кафедры Земли. Срочно. Все другие дела отмени, и будь наготове. Ты мне нужен.

***

— Сегодня в академию прибудет необычная студентка, — едва дождавшись, когда приглашенные займут свои места, его величество сразу перешел к делу. — Надеюсь вы помните об этом, господа маги?

Присутствующие в кабинете мужчины дружно, словно репетировали, кивнули и застыли, ожидая приказаний своего сюзерена.

— Я говорю о Маргарет Софии Анжелике Карр. Лэри должна в полной мере оценить наше гостеприимство и насладиться комфортом и дружеской атмосферой в ААМ. Максимальным комфортом, я подчеркиваю это. Никаких нападков от преподавателей и студентов в сторону лэри Карр, никаких шуточек! Ничего! Северная ведьма должна быть счастливой! — Бартимеус раздраженно отстучал костяшками пальцев по столешнице нечто напоминающее дробь утренней побудки в казармах доблестных даганийских гвардейских полков. — Головой отвечаете.

— Будет исполнено, ваше величество, — умудренный жизнью ректор академии склонил убеленную сединами голову. — Для студентки Карр уже выделены отдельные апартаменты. Они расположены по соседству с комнатами ее дальних родственников. Так же нами достигнуты определенные договоренности с опекуной лэри, а именно — студентка будет проводить выходные и праздничные дни вне стен ААМ. Это вызвано тем, что у наследницы рода Карр имеются постоянные обязанности на территории домена. Беседа с преподавательским составом проведена, профессура проинструктирована.

— А со студентами работа проводится?

— Не думаю, что будет хорошей идеей уведомлять адептов о настроении власть предержащих в отношении лэри Карр. Подобное обернется против нее. Однозначно. Лучше действовать в рамках педагогического состава, включая кураторов аспирантов и дежурных по общежитию. Дипломатично, так сказать...

— Ну если дипломатично, то действуйте, — согласился король.

— Кстати, насчет студентов... — подал голос обер-секретарь. — Насколько я понял лэри понадобится защитник, возможно даже поклонник. Этаким защитный вал между нею и остальными. Кто-нибудь постарше нее, но не преподаватель.

— Конкретизируй, — потребовал Бартимеус.

— Вы ведь не хотите, чтобы наследница графинь Северных нахваталась всякого. — невозмутимо пояснил лэрд Грир и сделал неопределенный жест холеной рукой, позволяя присутствующим осознать весь возможный спектр воздействия на нежную лэри со стороны разбитной светской молодежи.

— Ты имеешь в виду?.. — поторопил король.

— Я говорю, что в аспирантуре проходят обучение несколько достойных молодых людей, безмерно преданных вашему величеству, — твердо закончил Дави Грир.

— Не слишком ли это... — заколебался владыка Дагании. — Недостойно молодым дворянам намеренно кружить голову девушке тем более, что брака в итоге подобных отношений не предвидится.

— Кто говорит о таком? — натурально удивился благородный лэрд, игнорируя пренебрежительные гримасы на лицах представителей ААМ. — Молодой человек будет рыцарем, защитой, опорой и буфером между лэри Карр и возмущенными ее привилегированным положением студентками, не говоря уж о заинтересованных в обогащении студентов мужчин.

— Если посмотреть на проблему с такой стороны... — задумался король.

— Только с такой, сир, — с самым честным видом уверил обер-секретарь.

— Тогда я не возражаю, — одобрил монарх. — Скажу больше, я уже знаю подходящую кандидатуру. Думаю, ваш младший брат, — Бартимеус посмотрел на секретаря, — прекрасно справится с ролью

благородного рыцаря. Пора ему применять на практике полученные в дипломатическом корпусе навыки.

Лэрд Грир согласно склонил голову, признавая выбор короля достойным.

— А вы что имеете сказать по поводу студентки Карр? — внимание его величества переключилось на декана факультета Земли, до этого времени хранившего молчание.

— Умная девочка, талантливая, если судить по результатам экзаменов и проверочных работ, предоставляемых студенткой Карр. Несмотря на то, что лэри училась удаленно, могу с уверенностью сказать — она одна из лучших моих учениц, вся в мать, — ответил лысый, смахивающий на разбойника с большой дороги, а не профессора элитного учебного заведения, великан. — И для всех было бы лучше, если бы и последние полгода студентка провела на домашнем обучении, — он смело посмотрел на короля.

— Не вам об этом судить, — оборвал мага тот.

— Очень жаль, — не смирился магистр. — Хорошего от этой затеи не ждите. Попомните мое слово: наплачетесь вы из-за этого. Обидите Хозяйку Серебряного озера — сами себе не простите. Все локти искусаете!

— Лэрд Брюс, не забываетесь! — громыхнул самодержец. — Помните свое место! — жестом отпуская остальных.

— Помню, не забыл, — воздвигся во весь рост великан, едва за ушедшими закрылась дверь. — Мало я тебя лупил в детстве, Барти! Надо было больше!

— Она мне нужна, Рэйли, — из короля будто выпустили весь воздух. — И твоя помощь тоже. Алекс совсем плох...

— Как был ты засранцем и вруном, так и остался, — не поверил человек-гора. — Захотел на жемчуг лапу наложить? К чудесам примазаться? Если бы ты только об Алексе радел, то просто попросил бы...

— Я обо всем королевстве радею, идиот малахольный! — рев Барти седьмого не уступал великанскому. — И самостоятельность северных ведьм мне вот где, — он рубанул по горлу рукой. — Слишком много воли у них.

— Хозяйки выше власти, выше интриг, им не нужно ничего из того, что ты можешь предложить им. Оставь девочку и ее семью в

покое, послушай моего доброго совета.

— Не могу, Рэйли. Не теперь. Пойми, старый друг.

— Как знаешь, потом не жалуйся, величество, — лэрд Брюс однокашника понимать отказывался. — Пойду я. Дел невпроворот.

— Иди и языком не болтай, — отпустил король. — Папочка всеобщий, моралист хренов, — высказался Барти оставшись в одиночестве и полез в стол за коньячком.

***

Карета, запряженная шестериком серебристо-вороных лошадей, остановилась перед главными воротами Аргайлской Академии Магии, привлекая к себе всеобщее внимание. Слишком уж редкой была масть антрацитово-черных потряхивающих серебристыми гривами красавцев, слишком известна была эта порода лошадей в Дагании.

Праздные зеваки, уличные торговцы, студенты и конечно же мимопроходящие жители столицы всех возрастов и сословий, едва завидев роскошную упряжку, позабыли о обо всех делах, вытаращились на роскошный выезд и принялись гадать, кому он принадлежит, не забывая делиться впечатлениями от увиденного.

— Северные в столицу пожаловали, — глядя на нарядную карету, мечтательно вздыхала румяная молодка.

— Говорят они масть лошадиную по себя подбирают, — не понижая голоса, делилась с окружающими другая. — Сами все седые с детства и лошадям гривы выбеливают.

— Дура, — сплюнул пожилой хорошо одетый дядька. — Это порода такая. Даганская северная. Исконная наша, между прочим. Серебряная красотень!

— Седеют в северных землях только графини, — уверенно заявлял студент естественник. — Зато уж они прямо с колыбели. Доминантный признак! Или рецессивный?.. Потом вспомню. Главное, что остальные не седеют совершенно.

— Ну ты и брехун, — хмыкнул разносчик горячего вина, который, пользуясь тем, что перед воротами собралась преизрядная толпа, развернул бойкую торговлю. — Нешто в академиях такому бреду учат? Бабка моя из северных, потому доподлинно знаю, что все там такие же

как и на юге — нормальные даганцы, разве что поздоровее остальных будут. И сидят как и все. Только графинюшки у них особенные, потому как хозяйки они заветного озера. Серебряного. И сами тоже как чистое серебро. И красивые страсть!

— Мама, мама, — переживала подпрыгивающая в санках малышка, — а мы увидим красивую тетю?

— Обязательно, милая.

— Может, она страшна как смертный грех, — шмыгнула носом продрогшая студенточка, жадно разглядывая экипаж.

— Типун тебе на язык, неблагодарная девка, — погрозила ей клюкой уличная нищенка.

— А как по мне, богатеи некрасивыми не бывают, — признался выглянувший на шум приказчик из магазина писчих принадлежностей. — И чем обеспеченнее дама, тем она красивее.

Тем временем ни о чем не подозревающие пассажиры подали знак кучеру, давая понять, что ночевать в карете не останутся. Заслушавшийся сплетников солидный усатый дядька тут же вспомнил о своих обязанностях, слез с облучка, обошел карету, придирчиво оглядывая вверенное его заботам транспортное средство, крикнул, сдернул с поседевших кудрей добротную каракулевую шапку, отряхнул с нее снег и сунул за пояс, после чего открыл дверцу возка, опустил кованный порожек и поклонился.

— Приехали, ваши милости! — торжественно провозгласил он. — Благоволите видеть — чародейская академия!

— Руку подай, экскурсовод, — послышался глубокий женский голос из теплого нутра кареты, после чего на расчищенную от наледи мостовую ступила статная нарядная дама средних лет.

Зеваки жадно качнулись вперед и тут же разочарованно отступили. Ничего необычного в приезжей не было. Лэра, как лэра, может быть слегка чем-то недовольная, но и только.

Ну и пока они он глазели друг на друга и на сердитую лэру, из возка выпорхнула еще одна без сомнения богатая и знатная особа. Вот она то и удостоилась особого внимания.

— Ну и краля, — присвистнул кто-то в толпе при виде юной девушки. Она и впрямь была диво как хороша. Настолько, что даже нахмуренные брови и не улыбочивые губы не смогли уменьшить ее красоту. Ведь брови те были соболиными. Прекрасного рисунка губы

манили свежестью Точеный носик был настолько соразмерен... А глаза... Впрочем, их цвет издали разглядеть никак не удавалось, но и без того всем было понятно, что приехавшая в академию девушка — настоящая красавица.

— Думай, что говоришь, охальник! — одернула свистуна давешняя бабуля. — И о ком. Не приведи Пресветлая, придется за помощью обратиться к Хозяйке Серебряного озера.

— Не заливай, мать, — засмеялся тот, — не рассказывай сказочек. Я из них уже вырос.

— А ума не нажил, видать. Идиет, — с жалостью глянула на него бабка и заковыляла к карете.

— Волосы у нее словно свежесвыпавший снег, — потянулся за ней разбирающийся в лошадях дядька. — И сияют также.

— Это драгоценности в них искрятся, — уточнила дотошная молодка и потопала следом, вздыхая и завидуя. При этом она что-то тихо бормотала о жемчуге, мехах и прочей роскошности, которые достаются, увы, не всем.

— Мамуль, мне не видно тетю, — жаловалась малышка в санках. — Давай поближе подъедем.

— Лучше подождем немножко, — умудренная жизнью родительница посторонилась, пропуская зевак вперед. Рваться, толкаться, пихаться, и бежать к карете как прочие, она не собиралась. — Я тебе сейчас опишу лэри. Волосы у нее собраны в корону. Они серебряные... Это и правда очень красиво.

— Значит она без шапки? — услышал главное ребенок. — В мороз?

— И без шапки, и без рукавичек, — согласилась мать. — Ручки у графини крошечные. — И сейчас она... Куда ты, Мири? Остановись! Стой! Затопчут!

Девочка не оглянулась, не замедлила бега. Ей почему-то очень важно было оказаться рядом с чудесной серебряной лэри. Вот просто до зарезу. А потому, не разбирая дороги, малышка неслась вперед. Туда, где, окруженная людьми стояла прекрасная фея. И все тянули руки к ней, и вразнобой просили о чем-то. Получив это самое непонятно что, кланялись низко, светлели лицом и уходили кто куда.

А лэри оставалась на месте, словно ждала маленькую Мири.

— Тетя! — позвала девочка, боясь, что ее не услышат. И напрасно. Серебряная головка тут же качнулась в ее сторону.

— Привет малышка, — озарилось нежной улыбкой прекрасное лицо. — Тебе чего?

— Нужно, — запыхалась та. — Подарок хочу тебе сделать.

— Мне? — удивилась незнакомка и шагнула навстречу.

— Да, — серьезно ответила Мири. — Мама сказала, а теперь я и сама вижу, что ты без шапки и рукавичек. А это нельзя. Потому что зима. Холодно. Шапку я тебе отдать не могу, сильно заболею. А рукавички вот, держи, а то озябнешь.

— Спасибо, солнышко, — обрадовалась леди. — А хочешь, и я тебе что-нибудь подарю?

— Неа, — отказалась Мири. — У меня все есть, а варежки мама новые свяжет. Ты главное не мерзни. И не хворай.

— Теперь ни за что не замерзну, — пообещала серебряная фея, поцеловала Мири в лоб и подарила ей сияющую розово-золотую жемчужину, вздетую на простой кожаный шнурок. — А ты больше не будешь простужаться. Вырастешь здоровой и красивой на радость маме с папой.

***

— Что она делает? — слабым голосом в который уже раз спрашивал лэрд Вульф, не сводя глаз с творящегося за окном безобразия.

— Жемчуг раздает, — жизнерадостно отвечал ему мэтр Брюс, с удовольствием наблюдая за своей новой студенткой. — Я б от такой жемчужинки тоже не отказался. Может из моих оболтусов, кто дотумкает у Хозяйки благодати почерпнуть.

— Ты издеваешься? — догадался ректор.

— Самую малость, — добродушно усмехнулся великан. — Не, ну какова плутовка. Ишь чего устроила. Наглядно показала, почему графини Северные ведут замкнутую жизнь. Изящная месть.

— Мне-то за что мстить? — стонал лэрд Вульф. — Ехала бы ко дворцу и раздавала благодать там, а не тут представления устраивала. Не позорила бы учебное заведение... Погляди, что творится. Они

кланяются... А если какой-нибудь идиот в ноги бухнется, что ж тогда начнется? И что с нами сделает король?

— Поживем — увидим, — пожал могучими плечами Рэйли Брюс и подумал, что Барти ради здоровья брата и на колени рухнуть запросто мог бы. Если бы королевская спесь позволила. Может и придется еще... А пока он решительно настроен прибрать к рукам графинь Северных, лишить их вольностей и привилегий, недоступных остальному дворянству. — Зря величество это затеял. Глупец, — задумавшись, декан кафедры Земли озвучил свои мысли вслух. Хорошо еще, что начальству было не до того, чтоб прислушиваться.

— Ты что-то сказал? — Гай Вульф и правда не расслышал крамолу на его величество.

— Говорю, что пора мне, — решил откланяться лэрд Брюс. — Дел невпроворот.

— Идите, — ректор мало-помалу приходил в себя, определив линию поведения с проблемной студенткой, а потому возвращался к обычной своей вежливо-отстраненной манере общения. — И передайте секретарю, чтоб пригласил ко мне лэри Карр.

***

— Все-таки ты — авантюристка, детка, — с улыбкой попеняла воспитаннице лэра Нэлианна. — И, как всегда, вьешь из меня веревки.

— Полно, Нэнни, — Софи покрепче взяла нянюшку под руку. — Признайся, что тебе понравилось.

— В том-то и ужас, — со вздохом согласилась та.

— Зато сейчас пообщаемся с лэрдом ректором, наверняка ему уже донесли.

— Определенно, — опять не нашла слов возражения лэра Каррлайл. — Насколько я знаю лэрда Вульфа, он сейчас в бешенстве. Так дадим же ему немного времени остыть, — достойная дама задорно подмигнула Софи. — Как ты относишься к маленькой экскурсии по ААМ, солнышко?

— Крайне положительно, — захлопала в ладони та, поняв, что нянюшка включилась в игру. Пусть посланцы ректора напрасно ищут новую студентку. Найдется она только тогда, когда этого захочет лэра

Нэлианна. Мало кто лучше нее ориентировался в академии. — Ты покажешь мне тайные ходы, Нэнни?

— Обязательно, — заверила та.

И довольные собой и друг другом дамы поспешили прочь от главного здания ААМ.

— У нас с тобой пара часов, так что особо задерживаться нигде не будем, — лэра Каррлайл остановилась рядом с массивной приземистой башней. Богато украшенная лепниной и мрамором башенка кокетливо прикрыла макушку позеленевшим от времени медным куполом, приладила к балконам обнаженных яшмовых кариатид, украсила пилоны мозаикой. Она походила на солидную знающую себе цену матрону, роскошный внешний вид которой прозрачно намекал на внутреннюю красоту. — Полюбуйся, милая, на здание старейшей в Дагании библиотеки. Здешнее собрание книг и поныне считается богатейшим в нашем королевстве, но прежде, чем мы войдем под священные для каждого книгочея своды, предлагаю обернуться назад. Да, так. Вид на главное здание университета отсюда открывается потрясающий, — глядя в искрящиеся восторгом и предвкушением глаза воспитанницы, Нэнни тоже улыбалась.

— Опуская ненужные в данный момент сведения о времени постройки, стиле и архитектурных особенностях отдельных строений, хочу обратить твое внимание, что они представляют из себя великолепный на редкость гармоничный ансамбль. Открытый свету знаний и свету солнца. Радостно встречающий студентов. Словно бы раскрывший объятия...

— Знаешь, а ты права, — подхватила Софи. — Когда мы стояли там, посреди двора, — она указала на площадь перед центральным входом, — казалось, что кто-то большой заботливо обнимает тебя, гладит по плечам, заглядывает в душу стрельчатыми глазами окон, шепчет, зовет куда-то... ввысь... И хочется довериться, раскинуть руки и взлететь!..

— Я знала, что ты почувствуешь это, девочка, — прослезилась Нэнни. Стрельчатые башни академии расплылись от непролитых слез. — Потому и радовалась в глубине души, что хотя бы полгода проведешь здесь. Да и за поганками присмотр нужен.

— Ты же говорила, что это они будут присматривать за мной? — Софи полезла по карманам в поисках платка для нянюшки.

— Думаю, что процесс будет взаимным, — туманно ответила лэра Нэлианна, принимая кружевной платочек и поднося его к глазам. — А теперь настало время насладиться уникальными фресками библиотечного купола. Хочу обратить твое внимание на то, что каждый владыка Дагании вносит свою лепту в стенную роспись, вплетая...

Софи представился его величество и почему-то с малярной кистью в руках. Вдохновенное лицо. Пара взмахов августейшей длани. И в вышине появляется огненная надпись: "Здесь был Барти" Тишина взрывается восторженными возгласами подданных. Монарх раскланивается.

— Что смешного ты нашла в моем рассказе? — слегка обиделась Нэнни, но тут же сменила гнев на милость, стоило юной графине прошептать ей на ушко несколько покаянных слов. — Ну... — губы лэри дрогнули, складываясь в лукавую улыбку. — Где-то как-то ты права. Тем более, нужно увидеть подобные шедевры древнего и современного искусства. Идем же.

— Да, — хихикнула Софи. — Но о тайных ходах тоже забывать не стоит.

— Склерозом пока не страдаю, — поджала губы Нэнни. — И обещания нарушать не имею привычки.

— Не обижайся, — Софи прижалась к нянюшке. — Я тебя люблю! И очень-очень хочу посмотреть на легендарные фрески и августейшие автографы. И те, и другие поистине бесценны.

***

Прозвучавший пару часов спустя гулкий удар колокола прервал экскурсию на самом интересном месте. Дамы как раз забралась на одну из угловых башен, обосновались на обзорной площадке и наслаждались открывающимися видами, свежим воздухом, легким морозцем, а также обществом друг друга.

— Что это за набат, Нэнни? — от неожиданности Софи аж подпрыгнула и чуть не грянулась вниз, на припорошенный снегом двор. Хорошо, что резные каменные перильца и нянюшкина рука оказались одинаково крепкими.

— Занятия закончились, — ностальгически вздохнула та. — Сейчас коридоры заполнятся студентами...

— Словно муравейник муравьями, — понятливо покивала лэри Карр.

— Можно и так сказать, — у Нэлианны было на редкость мирное настроение.

— Так, значит, я могу увидеться с Эдме и Фионой? — студенты Софи не интересовали в принципе, но вот по своим кузинам она успела соскучиться.

— Сначала повидаемся с лэрдом Вульфом, а то, чувствую я, что он скоро начнет икру метать, — Нэнни не скрывала злорадства. Видно много крови попортил ей ректор за те пять лет, что поганки провели в стенах академии. Теперь настала очередь лэры Карлайл. — Запоминай, солнышко, спускаемся вниз на три пролета, ищем барельеф с изображением грифона, держащего в лапах щит, нажимаем ему на клюв... Вуаля — проход открывается. Кстати, это относится со всем изображениям такого типа.

— Это понятно, — Софи с интересом заглядывала в темноту тайного хода. — Начистил рыльце грифону, дверка и открылась. А как понять куда какой коридор ведет.

— Куда хочешь, в том-то и дело. Просто представь, куда тебе надо, закрой глаза, как можно подробнее представляя нужное место, и иди. Дюжина шагов, и ты на месте.

— С закрытыми глазами идти? — деловито уточнила Софи. — Или как?

— Как Пресветлая на душу положит, — нянюшка зажгла на ладони маленький огонек, освещая узкий сводчатый коридор. — Ладно, пошутили и хватит. Теперь делай серьезное лицо и готовься к неприятной беседе с лэрдом Вульфом.

— Всегда готова, — вытянулась в струночку расшалившаяся девушка. — Не волнуйся, Нэнни, я все помню и не подведу. Выслушаю положенные нотации, получу выговор за раздачу жемчуга...

— И строгий запрет на будущие акции, — подхватила лэра Каррлайл.

— Строжайший, — Софи сегодня была в ударе. — После чего я взбрыкну, заявив, что не нуждаюсь в обучении и готова сдать экзамены хоть завтра. И нечего тут командовать.

— А многоуважаемый лэрд Гай напомнит тебе о поганках. Они как на грех успехами не блистают. Выпороть их что ли? — отвлеклась от проработки плана Нэнни. Слабая успеваемость дочери и племянницы не давала ей покоя все пять лет учебы. — Позанималась бы ты с ними, детка. А то ведь завалят экзамены весной.

— Все сделаю, не волнуйся. Закончат наши поганочки ААМ.

— Твоими бы устами... Ладно, что там у нас дальше по плану?

— Дальше я соглашаюсь сидеть тихо, жемчуг никому не раздавать, заказы на артефакты не принимать, хорошо учиться и присматривать за сестрами. И самое главное, я свое обещание беспрекословно исполняю.

— И все желающие прикормятся за твой счет остаются с носом, — повеселела лэра Нэлианна. Пусть удовлетворяют свои запросы через глав родов, а не напрямую. Нечего. Одно дело помочь нуждающимся, и совсем другое исполнять капризы богатых наследников.

— Вот именно. Пойдем уже получать запрет, выговор и выволочку, а то я проголодалась как волк. Надеюсь, что лэрд Вульф с нами быстро управится.

***

Лэрд Вульф не подвел. Доведенный до белого каления он бушевал как летний ураган, раз за разом обрушивая громы и молнии на склоненные головки графинь Северных. Бурные потоки нравоучений наводнили просторный кабинет. Напоминания о традициях и долге перед магией бурлили водоворотами. Частыми холодными градинами сыпались укоры.

Даже тайное свое оружие не поленился применить ректор — упоминание о нежной дружбе с покойной бабушкой Софи, чем вызвал насмешливое фырканье лэры Нэлианны и исполненный любопытства взгляд ее подопечной.

— Ну... кхм... — закрутился лэрд Гай, чувствуя, что вступает на зыбкую почву. — Можете идти, студентка. Надеюсь, что на ваше благоразумие.

— Я постараюсь, — увенчанная короной из кос головка лэри Карр вновь склонилась. — Тем более, что вы такой близкий нашей семье человек, почти родственник, — нежный голосок дрогнул. — Это так много значит для меня...

— Прекрасно, прекрасно — ректор десять раз успел проклясть свой длинный язык. Вот зачем он ляпнул эту глупость, ведь был едва знаком с красавицей Катариной. А теперь ее внучка могла вообразить себе неизвестно что. "Как бы еще в дедушки не записала" — такая перспектива откровенно пугала. "Нет, не может быть, — с трудом сдерживаясь, чтоб не смахнуть со лба холодный пот, думал он. — Уж эти-то распутницы точно знают с кем и когда роднились"

Скомкав разговор, лэрд Вульф отпустил дам, даже от намеченной беседы об отвратительной успеваемости студенток Эдме и Фионы Каррлайл удержался. А, оставшись в одиночестве, без сил опустился в кресло.

Он облажался, опозорился, уронил авторитет... Вопрос: почему? Из-за чего опытный администратор, могущественный маг болтал глупости, делал недостойные намеки? Неужели это влияние непонятных северных ведьм? Или нервишки шалят? А может сердце чувствует грядущие неприятности?

— Нет, не может быть, — простонал лэрд Гай. — Прояви всегдашнее здравомыслие, — приказал себе он, — вспомни все о Хозяйках Серебряного озера, проанализируй, вычлени важное и пойми, что ничего страшного не произошло. А главное, закажи обед. На пустой желудок плохо думается.

Сырный суп, легкое овощное суфле и курочка в сливочном соусе смогли поднять настроение ректора до приемлемого уровня, а уж кофе и нежно любимые хрустящие трубочки с ореховым кремом довершили дело, приведя издерганного мужчину в благодушное настроение.

Налив себе вторую чашечку сваренного из благородных зерен ароматного напитка и закулив сигару, он принялся вспоминать.

Графини Северные с юности интересовали Гая Вульфа. Слишком уж непохожими на остальных они были, просто не женщины из плоти и крови, а волшебные снежные феи, холодные и прекрасные. Начать с того, что наследницами в роду Карр издревле становились девицы. Глава рода — женщина, такой вот нонсенс, небылица, пердюмонокль... Назовите, как хотите. Но только мужчин в роду Карр

не было. Вообще. При дворе даже шептались, что северные шлюхи избавляются от мальчишек, стравливая нежеланный плод, или отдавали ненужных отпрысков на воспитание своим вассалам.

Лэрд Гай знал, что это не так, специально наводил справки через верных людей, просадил уйму денег, но зато с уверенностью мог сказать, что графини Карр рожают только девочек. И только вне брака. Больше того, они выкупают малышей у отцов, делают так, чтобы те не имели на дочерей никаких прав.

И все это с полного одобрения Совета Матерей.

Самое удивительное, благородные лэрды из тех, что были выбраны быками производителями, все как один соглашались, получают горсть золотого волшебного жемчуга и даже особой тайны из этого не делают. стыдно им? Больно? Все равно? А может они гордятся?.. Не хотел бы Гай Вульф оказаться на их месте.

***

Стоило Софи и лэре Нэлианне покинуть кабинет ректора, как они попали в объятия высоких статных темноволосых привлекательных студенток.

— Мамочка! Сестренка! — чуть громче чем это принято в приличном обществе радовались девушки. Да и сами они немного, но все же выходили за общепринятые рамки. Ростом, весом, статью, голосом, превосходя заморенных по последней моде дворянок. Они сроду не брали в рот популярные нынче пророщенные злаки, не хлебали настоящий на травах заговоренный яблочный уксус, не вздыхали напоказ, изображая бледную немочь. Зато при случае могли и врезать. Характер и воспитание позволяли. А потому имели славу опасных сумасбродок. Сокурсницы их сторонились, впрочем, как и сокурсники... Никто не рисковал связываться с ненормальными северными ведьмами, пусть и не самыми главными в их запутанной колдовской иерархии.

— Девочки мои, красавицы, — радовалась лэра Нэлианна, попеременно обнимая то дочь, то племянницу. — Как вы тут?

— Хорошо, мамочка! — воскликнула Эдме.

— А с приездом Софи будет еще лучше, тетушка! — заверила Фиона.

— Вы, наверное, устали с дороги? — Эдме.

— И проголодались? — Фиона.

— Так пошли скорее! — не дожидаясь ответа, хором выпалили они. Переглянулись, засмеялись и потащили долгожданных гостей в общежитие. При этом поганки, не умолкали ни на минуту, успели задать полтора десятка вопросов и даже удосужились выслушать парочку ответов.

— Ну, вот тут мы теперь и живем, — остановившись перед новенькой дверью, навешенной почему-то в конце коридора, в самом его тупике, хором объявили девицы и посмотрели друг на друга.

— Теперь? — удивилась Софи.

— Ага, — зазвенела ключами Эдме.

— Нас на прошлой неделе переселили сюда, — объяснила Фиона. — До этого наша комната на первом этаже была, а теперь на третий лезть приходится.

— На повышение пошли, — справилась с замком первая тараторка. — Нам полезно. Проходите, гости дорогие, — она посторонилась, пропуская мать с сестрой в крошечную прихожую.

— Апартаменты, — хихикнула, протиснувшись мимо нее, Фиона. — Королевские покои по местным меркам.

— В тесноте да не в обиде, — Эдме со всей тщательностью заперла дверь. — Чтоб никто не вперся, — объяснила она. — Любопытных полно. А уж сейчас... — она расстроено взмахнула рукой.

— Надоели? — участливо поинтересовалась Софи.

— Не то слово.

— Зато теперь у нас три комнаты!

— И ванная, а не только душ.

— Две спальни, гостиная и ванная комната.

— А гостинцы вы привезли?

— А багаж ваш где?

— А про завтрашний бал вы не забыли?

Вопросы из поганок посыпались с новой силой.

— Девочки, — не выдержала Нэнни, может все-таки пройдем в комнаты? Тут тесновато, не находите? — с этими словами она,

наконец, покинула прихожую.

— Ой, правда, — хором согласились хозяйки и ломанулись в комнаты.

— Отвыкла я от них, — шепнула Нэнни на ухо своей любимице. — Хоть и скучаю безмерно.

— А мне очень не хватало девочек, — Софи нерешительно заглянула в гостиную.

— А сейчас так хорошо стало. Если бы еще ты могла остаться.

— Ну-ну, детка, — Нэнни старательно прятала грусть от предстоящего расставания, — увидишь, разлука пойдет нам впрок. Да и недолгой она будет.

— Мам, ну вы где? — послышался голос Эдме.

— Потерялись в трех углах? — вторила ей Фиона.

— В трех углах? — переспросила первая. — Это вместо трех сосен? Надо записать, а то забудем.

— Думаешь, мой каламбурчик пригодится?

— Обязательно.

— Опять они за свое, — слабым голосом пожаловалась лэра Нэлианна, сделала несколько шагов и опустилась в кресло.

— Зря ты так, Нэнни. Поганки у нас жутко талантливые и ранимые, а потому нуждаются в поддержке близких.

— Ага, — сил спорить не было, а соглашаться совесть не позволяла.

— Ничего ты не понимаешь в женской романтической прозе, — Софи ласково поглядела на нянюшку, поцеловала ее в нежную пахнущую розовым маслом щечку и упорхнула в спальню, из которой слышались оживленные голоса писательниц. — Девочки, вы начали новый роман?! Как интересно! А прошлый? Я так хотела его дочитать!

— Маленькие мои, — лэре Нэлианне только и оставалось, что вздыхать. Ведь в увлечении поганок она сама сыграла не последнюю роль.

Нужно было слушать покойную патронессу, которая считала, что Эдме и Фиона должны усиленно заниматься учебной премудростями ведения домашнего хозяйства и рукоделием. Именно так прежняя Хозяйка Серебряного озера воспитывала внучку, вернее издали следила за тем, как это делают другие.

— Благородная лэри, — повторяла она не раз, — это вам не только гонор и куртуазная любовь, это в первую очередь управляющий, фуражир и интендант.

Жалея Софи, а может, действуя в противовес, Нэнни гораздо больше, чем следовало, давала воли дочери и племяннице. Эдме и Фиона играли с детьми арендаторов, целыми днями то бегали взапуски, то лазили по деревьям, то таскали книги из библиотеки, чтобы прочесть их украдкой. Поганки обожали читать по ночам при свете магических светляков, делясь впечатлениями и мечтая. Вот и дочитались.

Слава Пресветлой, что при таком воспитании, а вернее при полном его отсутствии, девочки выросли добрыми и отзывчивыми, а еще любящими. В этом они полностью удались в мать, ведь привязаны они только к ней да к Софи, а больше никто им в целом свете нужен не был. Всегда неразлучные поганки, даже в академии отказались от отдельных комнат.

— Не оставь, Пресветлая, моих девочек, — попросила Нэнни, прислушиваясь к взрывам смеха, доносящимся из спальни. — Пусть у них все будет хорошо.

Сказала так и засуетилась. Дел предстояло великое множество: нужно было проверить, как устроились Эдме и Фиона, осмотреть спальню Софи, разобрать багаж, пообедать привезенными припасами, составить список необходимых покупок и возможно даже, при условии, что останется время, посетить королевскую оперу.

— Да, это было бы прекрасно, — определилась с планом действий лэра Нэлианна.

***

— Дикон, рада тебя видеть, дорогой, — лэра Урсула Лилианна Грир, именно Урсула Лилианна сокращать свое имя она не позволяла, обрадованно встала навстречу младшему сыну.

— Матушка, — склонился тот, нежно целуя утонувшие в своих ладонях ручки.

— Красавец мой, дай хоть нагляжусь на тебя, — растрогалась лэра. — Даже эта ужасная борода тебя не портит.

— Полностью с вами согласен, но увы... Мода неумолима, — притворно вздохнул только-только покинувший цирюльню Ричард, которому битый час эту самую бороду стригли, придавая изысканную форму и наилучшую длину, умащивали специальными маслами, призванными придать ей блеск и густоту.

— А прическа? — не унималась матушка.

— Что за львиная грива? Тебе больше подошел бы сдержанный, я бы сказала изысканный вариант. Короткая стрижка — и ты похож на молодого человека из приличной семьи.

— Увы, — виновато опустил глаза почтительный сын, — но мой куратор с вами не согласится. У него, видите ли, свой взгляд на то, как должны выглядеть студенты его группы. Учитывая, что он готовит нас к работе в Парламе...

— Ах, не продолжай! — раздосадованно воскликнула лэра Урсула Лирианна. — Слышать ничего не хочу о твоей службе. Дипломатический корпус, династия Грир... Понимаю, что ты пошел по стопам отца и деда, но из-за этого я так редко буду видеть тебя. Лучше бы ты брал пример с брата. Дави почти не покидает столицу, постоянно находится подле его величества, — она рассеянно обернулась к мирно сидящему на диване старшему сыну. — Что может быть лучше? И, кстати, он коротко стрижен.

— Рад, что вы, наконец-то, вспомнили обо мне, — откликнулся тот, отрываясь от книги.

— Дорогой, ты же знаешь, что все мои мысли только о вас с Диконом.

— Конечно, матушка, — позволил себе улыбнуться он.

— Так что позволь тебе не поверить, — лэра уже потеряла интерес к первенцу, переключая все внимание на Ричарда. — Это я о прическах, — сочла необходимым пояснить она. — Пока ты в Дагании, изволь выглядеть как даганец...

Понимая, что мать оседлала любимого конька, и лекция на тему соответствия внешнего вида занимаемому положению может затянуться, Дик бросил умоляющий взгляд на брата. Тот скривился, закатил глаза, но все-таки решил прийти на помощь младшему.

— Матушка, позвольте мне украсть у вас Дикона ненадолго.

— Что? — растерялась лэра Грир. — Зачем?

— Дела службы, — коротко и весомо ответил матери уже не милый, домашний Дави, а облеченный властью обер-секретарь.

— В самом деле? — не нашлась с возражениями она. — Общайтесь, раз такое дело. Только не забудьте, что через четверть часа обед. Оставляю вас.

— Что вы, матушка, не стоит, — остановил ее Дави. — Мы побеседуем в кабинете.

— Как угодно, мальчики, — согласилась лэра.

Опустившись на покинутый сыном диванчик, она взяла позабытую Дави книгу, удивленно покрутила ее в руках.

— За пределом, — озадаченно прочла тисненное золотом название любовного романа, авторства сестер Северных. — Вот уж не думала, что у моего сына вкус к подобному чтиву. А, впрочем, что-то же он нашел в этой низкопробной писанине... — лэра зашуршала страничками.

***

— Садись, Дикон, нам нужно поговорить, — едва войдя в кабинет, предложил Дави?

— Поговорить? О чем? — беспечно откликнулся тот. — Я думал, что ты просто спасаешь меня от матушки.

— Вот еще, — нанимая место за монументальным столом, хмыкнул старший. — У меня к тебе дело.

— Какое? — Ричард подошел к окну, отодвинул тяжелую бархатную штору и выглянул в сад. — Как метет! — восхитился он. — Еще час назад небо было ясным, а теперь метель воеет словно северная ведьма.

— Как раз о ней я и собираюсь с тобой поговорить, — Дави поморщился, оглядывая знакомый до последней финтифлюшки кабинет деда. "Вот как можно работать в подобной комнате? Это же смесь музея изящных искусств и антикварной лавки. Все эти статуэтки из слоновой кости, коллекции фарфора, монет, насекомых, наконец, — передернулся он. — Наверное это старость"

— О метели? — удивился Ричард.

— Что? — мысль о том, что казавшийся вечным дед может постареть и, не приведи Пресветлая, умереть оказалась на редкость болезненной и неприятной. Она вытеснила причину сегодняшнего разговора с братом, наполнила душу тревогой...

— Ты собираешься беседовать со мной о погоде?

— О северной ведьме, болван — отрезал Дави.

— Не замечал в тебе любви к сказкам, — пропустил мимо ушей грубость младший.

— При чем тут сказки? — поморщился старший. — В Аргайл прибыла графиня Северная. Она будет проходить обучение в академии.

— Да ты что?! — всплеснул руками Дикон. — Я в восторге от полученной информации, вот только никак не могу взять в толк, для чего она мне, — перестал дурачиться он.

— Не узнаю своего братишку, — Дави не удержался и отодвинул подальше от себя фарфоровую вазочку, на пузатом боку которой предавались порочной страсти две нимфы. — Фу, гадость какая. Тебе не кажется, что дед переувлекся своими коллекциями?

— Где? — потянулся взглянуть тот. — Милая вещица. Прекрасный парламский фарфор, прошлый век, нетривиальный сюжет...

— К демонам Парлам со всеми его извращениями! — вспыхнул лэрд Грир. — Корона заинтересована в лояльности северных ведьм, а потому ты должен будешь держаться рядом с молоденькой лэри Карр!

— С какой это стати? — голос младшего похолодел. — За кого вы с его величеством принимаете меня?

— За волокиту и юбочника, — предельно честно ответил Дави. — Ты и так приударил бы за среброволосой провинциалочкой, не упустил бы красотку. А она хороша, уж поверь мне.

— Ты совсем сдурел на королевской службе?

— Это ты зажрался, перебирая девок. В общем выбирай, или красиво ухаживаешь за лэри Карр, или женишься на очередной поверившей твоим сладким речам дурочке. И я не шучу!

— Ты мне не отец! Только он вправе распоряжаться моей судьбой!

— Ой, ли? А как же воля нашего августейшего величества? Она для тебя ничего не значит?

— Ну ты и сволочь! — заорал выведенный из себя Ричард.

— Это значит нет? — успокоился Дави.

— Это значит да! — грянул по столу кулаком младший Грир.

Несчастные парламские нимфы скатились на пол, в последний раз слились в страстных объятиях и разлучились навсегда, распались на жалкие осколки.

— Я верил в твою рассудительность, Дикон. Теперь и пообедать можно, — под каблуками Дави жалобно хрупнул фарфор. — Матушка ждет нас за столом.

— Да пошел ты! — отшатнулся от брата как от прокаженного Ричард. — Я с тобой не то, что за стол, под один куст не сяду!

С этими словами он вылетел из комнаты.

— Скажите, пожалуйста, какие мы нежные, — смахнул с рукава мундира несуществующую пылинку Дави Грир. — Трепетные просто, а девок окучиваем только в путь.

В два шага мужчина дошел до двери, почти пробежал по коридору, пугая горничных, на лестнице свесился через перила, чтобы увидеть уходящего брата.

— Отправляйся в оперу, чистоплюй демонов, там конечно нет кустов, зато полно северных ведьм! Особенно сегодня, понял?

— Иди ты! — огрызнулся Ричард.

— Отличная идея. Увидимся там. Говорят, сегодня дают "Лунную деву"

Ответом ему послужил грохот захлопывающейся двери.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Вечер в опере, что может быть лучше? — неунывающие поганки подпрыгивали на сиденьях кареты.

— Как хорошо, матушка, что вы все-таки выкроили время для посещения театра, — чуть не хором тараторили они. Да так слаженно, что в сумраке экипажа непонятно было кто говорит: Эдме или Фиона.

Шустрые девицы болтали без умолку, то и дело переглядывались, задорно улыбались и словно невзначай покачивали головами, заставляя колыхаться роскошные плюмажи из перьев, украшающих одинаковые бархатные береты. Как выяснилось сегодня, они вообще взяли моду одинаково одеваться, чем ужасно шокировали столичное общество ну и Нэнни заодно. Ведь надевать разные туалеты поганки отказались наотрез. Так и заявили, облачившись фиолетовые бархатные платья, которые повторяли друг друга в каждой мелочи. Одинаковая отделка парламским кружевом обегала довольно глубокий v-образный вырез, роскошными лентами спускалась до самого пола, завышенная талия, подчеркнутая строгим поясом, пышные рукава, струящиеся складки юбки... И конечно же береты, украшенные нежными перьями цапель и бархотки с барочными жемчужинами на лилейных шейках...

Эдме и Фиона были бы очаровательны, если бы не их скандальная одинаковость и доходящая до крайней степени упертость.

Напрасно Нэнни угрожала бесстыдницам домашним арестом и урезанием карманных денег. Она добилась только одного — уверения, что лишает дочь и племянницу блестящего писательского будущего.

— Как ты не понимаешь, — горячились они, — секрет успеха сестер Северных в их необычном имидже! Талантливых писателей много, но мы еще и экстравагантные, а это привлекает людей!

— Секрет вашего успеха в неслыханном нахальстве и деньгах Софи, которые она выкинула на публикацию ваших романчиков! — нервно одергивала манжеты элегантного цвета жженой амбры (темно-коричневый) платья, заявила Нэнни.

— Спасибо! — обиделась Фиона.

— И ее же имени! — горячилась лэра Нэлианна, поправляя пену золотистого жабо на все еще высокой груди. — Только интерес к Хозяйке Серебряного озера привлекает у вас читателей!

— Неправда! — топнула ногой Эдме.

— Сами знаете, что я права. Девушкам не пристало изображать из себя посмешище, если, конечно, они не собираются опозорить свою семью, полить ее несмываемым позором и навек остаться в девках!

— Этим у нас никого не напугаешь, — из ванной комнаты вышла Софи. Тонкие стены общежития были слишком слабой преградой для сильных хорошо поставленных голосов ее родственниц. — Мне, к примеру, даже и мечтать о замужестве заказано. А девочки как хотят... Только, Нэнни, не обижай их. Не надо. Ты сама потом пожалеешь об этом. А что касается денег на публикации... Неужели мне не дозволено иметь ни единой слабости?.. — она замолчала, не договорив.

Но и без того все было понятно.

Поганки и Нэнни бросились к плачущей Софи.

Набирающая обороты ссора была моментально смыта бурным потоком слез, задушена крепкими объятиями, изничтожена словами искреннего раскаяния.

Все плохое было забыто. Пусть и на время.

Все плохое было забыто. Пусть и на время. Тем более, что нужно было поторапливаться, если, конечно, северные ведьмы хотели попасть в театр к началу спектакля. А они таки хотели, и тут, идя, наперекор моде, которая диктовала, что приличнее задержаться и явиться к середине первого акта, а то и к антракту.

Многие столичные жители так и поступали, делая исключения только для премьер да спектаклей, на которых присутствовали августейшие особы. К слову сказать, некоторые лэрды и вовсе ограничивали свое посещение оперы исключительно рекреацией и буфетом, оставляя своим спутницам возможность в одиночестве наслаждаться ариями, дуэтами, каватинами и прочими кабалеттами.

В результате Софи одевали в три пары рук.

— Тише, задушите, — умоляла она, в тот момент, когда утягивали корсет.

— Осторожнее! Прическа, — напоминала вошедшим в раж родственницам, запутавшись в кружевных оборках нижних юбок.

— А можно мне другие туфельки? — просила, с ужасом глядя на сафьяновый кошмар на высоченном каблуке. — Я же с них свалюсь и убьюсь напрочь.

— Никаких украшений кроме бабушкиного кольца, — сказала, как отрезала, достав из резного ларчика бесценное кольцо с жемчугом и надев его на безымянный палец правой руки, и замерла перед зеркалом.

Из загадочной хрустальной глубины на Софи смотрела хрупкая одетая в розовато серое бархатное платье девушка. Такой цвет еще называют пеплом розы. Он мало кому идет, но лэри Карр была из тех немногих счастливиц, который этот нежный пудровый оттенок украшал особенно в сочетании с затканым жемчугом лифом из нежного палевого шелка.

— Вообще-то, — поправляя длинные в цвет платья перчатки, задумчиво сказала Софи, — напрасно ты, Нэнни, ругала девочек.

— Угу, — хором согласились поганки.

— Почему это? — удивилась нянюшка.

— Потому, что мой наряд почти так же скандален, как и их. Только на свой лад. Взять хотя бы фасон, напоминающий древние парламские хитоны, короткий рукав, перчатки опять же... И это я еще молчу о манто из меха полярных лис, которое ты велела мне надеть.

— Зато... — не сразу нашлась лэра Нэлианна. — Зато ты будешь единственной в своем роде. И не спорь! И вообще, мы опаздываем. Вот.

***

Они конечно же успели. Более того прибыли на четверть часа раньше. Войдя в ложу бельэтажа, юные лери сопровождающая их лэра Нэлианна получили возможность оглядеться и собраться с мыслями перед тем, как начнется представление.

— Мамочка, — едва опустившись на оббитое красным плюшем креслице, затарахтела Эдме, — если бы ты только знала как мы с Фионой благодарны за то, что и в этом сезоне ложа оплачена.

— Да, да, да! — восторженно подхватила вторая болтушка. — Мы каждую неделю бываем в опере, так что можем не только

наслаждаться музыкой, но и наблюдать за людьми.

— А это очень важно для писательниц, — Эдме энергично качнула головой, заставив перья цапли качнуться. — Не зря же их, то есть нас называют знатоками человеческих душ.

— Ах, вот как? — недоверчиво улыбнулась Нэнни. Большого, увы, лэра Каррлайл не могла себе позволить, понимая, что сотни глаз сейчас неотрывно наблюдают за ней и девочками.

Жадные взгляды присутствующих ощущались почти физически. Это было... неприятно. Настолько, что хотелось вскочить и задернуть тяжелые бархатные шторы ложи, отгородиться от назойливого любопытства. Спрятаться самой и спрятать девочек, как делала это всегда. Жаль, что такой возможности у Нэнни больше не было. Малышки выросли, пришла пора отпускать их во взрослую жизнь.

Одинаково тревожно было и за задуривших поганок, и за непривычную к столичной суете Софи. Лэре Нэлианне было кристально ясно, что первые прячут свою неуверенность и ранимость за нарочитой веселостью, бравадой и непохожестью на других, а вторая... Нет, со своей уникальностью Софи свыклась уже давно да и к постоянному нахождению в фокусе человеческого внимания привыкла. Спасибо за это арендаторам и вассалам, считающих свою юную госпожу чуть ли не живым воплощением Пресветлой.

Не по годам мудрая Софьюшка только улыбалась на это, прекрасно понимая, что за судьба уготована ей. Понимать понимала, а принять никак не могла. И за это Нэнни винила себя отдельно. Может стоило пойти на поводу у покойной патронессы и позволить вырастить из Софи холодную равнодушную Хозяйку Серебряного озера — ледяную лэри. Женщину, которую волнует лишь долг перед родом, независимость и свобода.

А теперь на девочку начнется настоящая охота. Благородные лэрды уже изготовились. Рога трубят, кони роют копытами дерн, псы заходятся нетерпеливым лаем...

Не подозревающая о демонах, воющих в душе нянюшки, юная наследница рода Карр украдкой оглядывалась по сторонам. Шутка ли попасть в Аргайлскую оперу? Да, Софи об этом мечтала все последние четыре с лишним года. Слушала сестер или читала их письма и представляла себя на их месте. Вот где жизнь! Театр, королевская

опера, музей изящных искусств и галерея герцогов Ингарских — так хотелось побывать там. И вот мечта осуществилась.

Нет, дома тоже хорошо, и уезжать оттуда не хотелось... Но все-таки лучше иметь возможность возвращаться туда. Еще бы Нэнни была рядом... Поплотнее закутавшись в бесценный палантин, лэра Карр отогнала неприятные мысли. Да и сколько можно гонять их по кругу?

"Это от усталости, — поняла она. — Все-таки Аргайл это вам не захолустный Слайм, в котором из достопримечательностей только конный памятник Бартимеуса II завоевателя да лавка колониальных товаров нэра Крайтона. И народу тут слишком много. Зато опера..."

Словно услышав ее последнюю мысль, Эдме и Фиона взялись пересказывать последние театральные новости. Они сыпали именами солистов и примадонн, тихим таинственным шепотом называли имена их покровителей, мечтательно рассказывали о безумствах, совершаемых ими...

— Стоп, стоп, стоп, девочки, — опомнилась Нэнни. — Подобные разговоры не пристали нежным лэри. — Лучше поговорим... поговорим... — она задумалась.

— Давай мы расскажем тебе о ложах, — предложила Эдме.

— Театральных ложах, — тут же уточнила Фиона, бросив укоризненный взгляд на сестру.

Софи сдержала улыбку при виде вытянувшегося лица нянюшки и приготовилась слушать.

— Вот, знаешь, где появились первые ложи? — тряхнула буйными выбившимися из-под берета кудрями Эдме.

— В Дагании! — торжествующе ответила Фиона, как будто это ее спрашивали. — А знаешь, почему?

— От жадности! — никому не дала открыть рот Эдме. — И от желания заработать!

— Чьего желания? — подначила Софи.

— Администрации театра и, — Фиона таинственно понизила голос, — даганской аристократии. Ведь у нас родовитым лэрдам не стыдно заниматься делом, приносящим прибыль, зарабатывать на нем.

— В этом основное отличие между даганцами и леорийцами, — деловито дополнила Эдме.

— Нет, основное в том, что у них многомужество. Нам тут мужчин не хватает, а в Леории на каждую крокодилицу по два-три красавца!.. — высказалась о наболевшем Фиона.

— Девочки! — воскликнула Нэнни, возвращая беседу в приличное русло.

— Кхм... Да... — для вида смутились поганки и продолжили рассказ.

Прежде чем в зале погас свет, обожающие смущать мать красотки успели рассказать о том, что коренные жители столицы издавна имеют наследственные театральные ложи, которые с упоением обставляют, вернее обставляли, дорогостоящей мебелью и предметами искусства.

— Пожар, приключившийся лет двадцать назад, свел на нет все их ухищрения, — хихикали девицы. — И его величество Бартимеус VI, батюшка нашего короля, даже принял закон, предусматривающие единообразие в украшении театральных интерьеров. А вообще, ложи вошли в моду настолько, что для того, чтобы заполучить их в свое распоряжение парламские и леорийские дипломаты по-настоящему интриговали. Даже письма градоначальнику писали.

Сохранилось одно забавное послание парламского посланника по особым поручениям, который слезно просил герцога Ингарского помочь ему заполучить ложу: я, умолял несчастный, музыку терпеть не могу, однако же нужно оберегать почет своего звания.

И дело тут не только в удобстве и уединенности хотя, возможность под звуки музыки и оперного пения в личной отгороженной от посторонних глаз ложе невозбранно болтать, ужинать, играть в карты, кокетничать и кружить головы. Главное это комфорт.

Тут поганки снова переглянулись, потупились и даже покраснели, но не замолчали. По их словам выходило, что в прежние времена благородные лэры даже блудили и справляли нужду в театральных ложах. А что делать, если до пожара уборных в королевской опере не было. Вот и выставляли их светлости в коридор фарфоровые ночные вазы, на крышках и боках которых были весьма искусно изображены сцены из самых известных музыкальных спектаклей.

Нэнни снова разобрал кашель, а Софи смех. Слава Пресветлой, что в этот момент в зале медленно потух свет. Огромная многоярусная хрустальная люстра, словно устав светить, погасла. Зрительный зал

погрузился в темному, нарушаемую лишь слабыми огоньками, поблескивающими в оркестровой яме.

При большом желании можно было разобрать, как высоких худощавый человек постучал палочкой по дирижерскому пульта, привлекая внимание музыкантов. А после выпрямился в струнку, взмахнул руками словно птица крыльями, качнул головой, подавая команду...

Раздались чарующие звуки увертюры. Одновременно с ними загорелись огни рампы, дрогнул и поплыл в стороны занавес. Спектакль начался.

Позабыв обо всем, графини северные отдались музыке. Смеясь, плача и сопереживая всем сердцем, следили они за историей Лунной девы. В общем, конец первого акта застал их врасплох.

— Антракт подкрался незаметно, — морщась от разгорающегося света, посетовала Фиона.

— Это нам провинциалкам незаметно, — Эдме недовольно посмотрела на люстру, — А столичные жители только того и ждут.

— Чего, того? — не поняла Софи.

— И при чем тут провинциалки? — поддержала ее Нэнни.

— Отвечаю по порядку, — Эдме словно бы в задумчивости полюбовалась на себя в крошечное зеркальце, которое носила на поясе. Что-то ей там не понравилось, так как вместо того, чтобы отвечать, поганка принялась поправлять прическу.

— Ну, начинается, — поведение сестры порядком насмешило Фиону. — Ты еще губки подкрась и мушку прилепи, — ехидно посоветовала она.

— Обязательно, — с готовностью согласилась та. — И тебе тоже советую привести себя в порядок. Хотя это и невыполнимая задача.

— Да я!..

— Девочки! — остановила начинающуюся ссору Нэнни. — Мы все еще ждем ответов.

— Ой, да все очень просто. Провинциалки мы потому, что ходим в оперу, чтобы слушать музыку, которая напрочь не сдалась благородным аргайлцам, — оставила в покое сестру Фиона.

— Столичные жители, — Эдме бросила на себя еще один взгляд в зеркало, не нашла никаких недостатков, а потому решила ответить на

вопросы матери, — в оперу приходят общаться. А какое время подходит для этого лучше всего?

— Конечно же антракт, — догадалась Софи.

— Какое счастье, что у нас мало знакомых в столице, — Нэнни с облегчением откинулась на спинку креслица.

— Ну это как сказать, — скромненько опустила глаза Фиона, словно давала понять, что она-то как раз успела обзавестись обширными знакомствами.

— Говори прямо, — не выдержали нервы Нэнни.

— Взять хотя бы... — уверенный стук в двери аванложи — небольшой темной прихожей, в которой посетители могли оставить одежду, отдохнуть, да мало ли что. Поганки, к примеру, имели обыкновение лакомиться в аванложе пирожными. В основном эклерами и трубочками со взбитыми сливками. Поедая их, поганки чувствовали себя взрослыми и немного порочными. Они томно прикрывали глаза, стонали от удовольствия, облизывались и облизывали испачканные в креме пальчики... Ах...

— Кого еще там несет? — лэра Каррлайл гостей не ждала, но поскольку деваться было некуда, взяла себя в руки и приятно улыбнулась. — Войдите, — пропела не хуже оперной дивы она.

Дверь тут же распахнулась, пропуская лэрда Вульфа в сопровождении двоих разряженных хлыщей вполне себе благородного происхождения. О этом ясно говорили их породистые физиономии, одежда по последней моде и, конечно, аура власти, словно плащ окутывающая незнакомцев. Всякому понимающему человеку сразу было видно, что они сильный маги, судя по холодному серому цвету глаз — боевые.

Вечер в опере совершенно преобразил ректора. Он радостно улыбался, припадал к ручкам прекрасных дам...

"Вот она — волшебная сила искусства"! — наблюдая за лэрдом Гаем, думала Софи. "Он уже не рычит как давеча, не лает, не кусает, а завлекает. Понять бы еще в какую трясину. Впрочем, ничего удивительного. Кажется, вульф по-стародагански — болотная куропатка" — девушка с интересом ждала, когда же подсадная "болотная курочка" приступит к знакомству дичи с охотниками.

И лэрд Вульф не подвел. Рассыпавшись в самых изысканных выражениях, он представил прекрасным дамам братьев Грир.

Старшего Эдварда (Я таки переименовала Дави. Пусть побудет Эдвардом, сокращенно Нэдом.) и младшего Ричарда, после чего с чувством выполненного долга уселся в одно из пустующих кресел и, кажется, собрался вздремнуть.

Тем временем в знакомство шло полным ходом, ведь молодые лэрды в отличии от своего престарелого спутника спать не собирались. Они смеялись, шутили, угощали прекрасных дам фруктами и пирожными, поили соком, от легкого вина, принесенного расторопным капельдинером, лэра Нэлианна отказалась.

Порядком уставшая за день Софи ограничила свое участие в общей беседе словами вежливости и теперь с легкой улыбкой наблюдала за присутствующими, завидовала придремавшему лэрду Вульффу и думала. Ей было совершенно ясно, зачем явились в ложу бельэтажа братья Гриры. Правда немного раздражал их напор, но может в столице так принято. Как там говорили древние? Пришел, увидел, победил. Насчет пришел и увидел, Софи была согласна, но вот победа всегда оставалась за графинями Северными. И нарушать эту традицию она не собиралась.

И все же братья Гриры заслуживали особого внимания. Ведь они возглавляли один очень интересный список имен, оставленный в наследство лэрой Катариной своей внучке. Несколько фамилий в столбик. Те, кто по мнению покойной бабушки могли претендовать на особую благосклонность лэри Карр.

Так что именно к этим охотникам на слабую провинциальную дичь присмотреться стоило особо пристально. Пусть не сейчас, а в отдаленной перспективе один из них вполне мог бы стать отцом следующей Хозяйки Серебряного озера.

Были еще и другие достойные лэрды, но эти... Роды Грир и Карр несмотря на свою древность ни разу не пересекались. Это очень сильный аргумент, даже не принимая во внимание приятную внешность и великолепный магический потенциал возможных кандидатов в отцы. Пусть и немного не той направленности, которая была нужна...

Софи еще раз, теперь уже оценивая, посмотрела на братьев. Красавцы. Высокие, широкоплечие, черноволосые, сероглазые и... бородатые. Тьфу, гадость какая. Растительность на лице лэри просто терпеть не могла, полностью соглашаясь с горничной Мартой. Та,

убедившись, что никто кроме молодой госпожи ее не слышит, говорила, что лица бородачей более всего похожи на задницу в кустах, такие же нелепые и беззащитные.

— Хотя щекочется приятно, — мечтательно добавляла хорошенькая Марта, заставляя Софи смеяться и грозить, что в следующий раз обязательно заставит бесстыдницу вымыть рот с мылом.

— Вы, кажется, тяготитесь нашим визитом, лэри, — привлек к себе внимание старший Грир.

Небрежно облокотившись на парапет ложи, он стоял вполоборота к Софи. "Серьезный, немногословный в отличии от младшего брата. Очень умен. К тому же занимает место обер-секретаря при его величестве" — вспомнилась информация, приложенная к бабулиному списку.

— Ну, что вы, лэрд Грир, — уверила нежданного гостя девушка, — я, наоборот, очень рада.

— Рада наоборот? — вздернул угольно черную бровь тот. — Настолько, что ни вы, ни ваши сестры даже не притронулись к угощению?

"Что ж ты такой умный, зараза?" — перестала улыбаться Софи. Вместо этого она посмотрела на поганок. Обожающие сладкое девицы и впрямь ничего не ели.

— Может быть послать капельдинера за мороженым? — не дождавшись ответа, предложил Эдвард.

— Не стоит, — отказалась она. — Тем более, что антракт скоро закончится.

— Приглашаете нас остаться на второй акт или выгоняете прочь? — кажется, лэрда Грир и вправду обидел отказ от предложенного угощения.

— Там приворотное? — пальчиком, на котором сверкало бесценное кольцо рода, Софи указала на пирожные.

— Что? — подавился воздухом обер-секретарь.

— Я говорю, лэрд Грир, — как ни в чем не бывало заявила плутовка, — что вон та корзиночка с ягодами кажется весьма соблазнительной. Не соблаговолите ли вы угостить... А, впрочем, после. Уже гаснет свет. Начинается второе отделение.

— В самом деле, — вынужден был согласиться лэрд Грир, занимая свободное кресло.

***

Второй акт был в разгаре. На сцене вот-вот должна была развернуться главная любовная сцена нынешнего спектакля. Во всяком случае самая громкая. Эдвард был в этом уверен, ведь окаянную "Лунную деву" он слушал, наверное, раз в десятый.

Она не понравилась рациональному до полной циничности обер-секретарю его величества Бартимеусу VII во время премьеры, что уж говорить о дальнейших просмотрах. "Избитый сюжет, толстая прима, еще более толстый писклявый премьер, слишком громкая музыка, неразборчивое пение, от которого у нормального человека начинается мигрень" — вот и все, что мог бы сказать Нэд Грир об опере в целом и сегодняшнем представлении в частности.

Хорошо еще, что в первом ряду ложи не оказалось свободных мест, так что появилась возможность устроиться во втором, вытянуть ноги, чуть прикрыть уставшие за день глаза и понаблюдать за очаровательной лэри Карр и ее родственницами. Очень, ну просто очень интересные ведьмы. Внешне совсем непохожие друг на друга и в то же время одинаковые.

Цельные, сильные и похоже злопамятные, а главное себе на уме.

Нэд припомнил признание брата, сделанное им у самых дверей заветной ложи бельэтажа.

— Все-таки зря ты выбрал мою кандидатуру для общения с северянками, — очаровательно улыбнулся Ричард.

— Не умничай, просто будь собой, — посоветовал ему Эдвард.

— Да запросто. Но имей в виду, что толстушки Каррлайл не слишком-то меня любят. Даже и не знаю почему.

— Зато я знаю, потому что ты — редкостный придурок, — прошипел обер-секретарь. — Впрочем, как и остальные твои дружки. Думаешь, я не в курсе вашего поведения? Ошибаешься. Просто выбирать особо не из кого.

— Ясно, — отозвался Ричард, и по всему было видно, что он что-то задумал.

— Не советую затевать свою игру. Делай, что велено и будь милым, — еще успел предупредить младшего брата Нэд, прежде чем пришла пора знакомиться с окаянными северянками.

А тем временем на сцене разворачивались нешуточные страсти: толстый тенор оказался подлецом и прямо сейчас бросал соблазненную им приму меццо-сопрано. Несчастливая уже не дева очень громко горевала и грозилась покончить с собой. Ведь жизнь без ветреного возлюбленного была ей ни к чему.

"Скоро антракт, — с облегчением понял лэрд Грир. — Сейчас, слава Пресветлой, несчастная престарелая нимфа кинется со скалы, и наступит блаженная тишина. Главное не радоваться этому слишком уж явно и не забыть заказать мороженое, чтобы утешить лэри Карр. Очень уж близко к сердцу она принимает все эти музыкальные глупости. Лучше бы уделила внимание гостям"

***

Второй антракт показался Софи гораздо длиннее первого. И незваные гости были тут почти ни при чем. В конце концов их визит был даже полезен юной графине. Во-первых, это нужное знакомство, особенно принимая грядущий бал в академии. Не так-то приятно оказаться на нем, будучи знакомой только с кузинами. А во-вторых, и главных не стоило забывать о бабушкином списке.

Просто было немного досадно, из-за того, что приходилось отрываться от удивительного спектакля. И пусть история о Лунной деве была знакома с детства история каждому даганцу. Она не оставляла равнодушным никого или почти никого. Но вот Софи она захватила, хотелось досмотреть оперу до конца, не прерываясь на глупые разговоры и поедание мороженого, которое, как и все остальные сладости лэри Карр терпеть не могла. Зная об этом, поганки даже подарили ей на прошлый день рождения огромный мясной торт. И не прогадали. Ветчинно-паштетный трех ярусный великан, украшенный маслинками, помидорками черри и изысканными розочками из копченой колбасы пришелся по вкусу имениннице.

А мороженое? Да кому оно нужно? Точно не Софи. И не поганкам. Как оказалось. Что-то не слишком ласково поглядывали они

на младшего Грира.

Но зато все столичные сплетники развлеклись по полной. Явление Хозяйки Серебряного озера не осталось незамеченным. Причем даже сложно было сказать, кто впечатлился больше: дамы или кавалеры. Пожалуй, что одинаково. Просто их интерес был разнонаправленным. Мужская часть смотрела одобрительно. Женская негодовала. И тех, и других можно было понять.

Мужчины в зависимости от возраста любовались юной лэри Карр чисто умозрительно или с охотничьим интересом. Женщины же были единомышленны. Графиня Северная — потомственная блудница! И никак иначе! Думали они.

— Они смотрят на каждого мужчину оценивающе, прикидывают, годится ли он на племя, — не хуже змей шипели матери семейств, забывая, что сами тоже не отдают своих дочерей первому встречному поперечному, а обращаются за советом и подсказкой к Совету Матерей. Но то они, а то распутные северянки.

Достойных даганок можно было понять. Кому приятно осознавать, что есть в их королевстве особы, которые не подчиняются воле отца, брата, а впоследствии и мужа. Вот и не любили они вольных северных ведьм, презирали их, ненавидели и завидовали. Отчаянно и безнадежно.

Но, как бы то ни было, сегодня и сейчас Маргарет София Анжелика Карр была главной сенсацией дня.

***

Утро для Софи началось неласково. Оно ворвалось в ее спальню с топотом и гамом. Хорошо еще, что пробуждение благоухало кофе, свежей сдобой и сосисками. Это хоть как-то примиряло юную графиню с жестокой реальностью.

— Ты только посмотри на нее, — шумело утро голосом Фионы. — Наша красавица даже не думает просыпаться.

— А вот и нет! — теперь утро хохотало бодрим голосом Эдны. — Софочка проснулась. Видишь, как потягивается и крутит носиком? Только глаза открывать ленится.

— Точно!

— Что я вам выхухоль? — обиделась Софи.

— Ты сама это сказала, — на два голоса обрадовались сестрицы. — Вставай, завтрак готов.

— Поганки, — Софи вздохнула, нашарила тапочки и поплелась умываться.

— Мы все слышим, — полетело ей вслед.

— Просто прощаем.

— Относимся с пониманием.

— Как к редкому представителю семейства серебристых выхухольей.

Тренировали красноречие неприлично бодрые сестрицы.

— Тьфу на вас, — миролюбиво откликнулась Софи, умываясь.

— Поторапливайся, соня, а то мы сами весь завтрак съедим, — скреблись в дверь вредные поганки.

— Тьфу на вас еще раз, — зевала та. Есть не хотелось, манила теплая мягкая кровать, пуховое одеяло звало в свои невесомые объятия. — У вас и есть небось нечего.

— Неблагодарная полярная выхухоль, — Эдме уселась за сервированный к завтраку стол в гостиной. — Иди и погляди, как мы расстарались для тебя.

— Договорились с нэрой Агатой.

— Я тронута, — бессовестно соврала Софи, проходя мимо. — А кто это, кстати? — усевшись перед зеркалом, она открыла инкрустированную янтарем шкатулку, выпуская на волю зачарованные янтарные же гребешки.

Те выпорхнули на волю и словно маленькие деловитые птички принялись порхать вокруг головы своей хозяйки.

— Когда она сидит вот так, — поганки наблюдали за сестрой, завтракали и делились впечатлениями, — то представляет собой довольно-таки inferнальное зрелище, — глумилась одна.

— Да, есть что-то роковое в этой бледности и закрытых глазах, — подхватывала вторая.

— И хрупкой фигурке, бессильно замершей перед зеркалом...

— А хищные гребни...

— Кажется, что они в руках невидимой таинственной фигуры...

— И развеваются серебряные локоны...

— Напрасно они стараются защитить свою доверчивую хозяйку...

Эдме и Фиона явно вошли во вкус.

— Сейчас злобный призрак закончит свою работу...

— Увенчает головку несчастной доверчивой красавицы короной из кос...

— И она превратится...

— Превратится...

— В выхухоль!

Не в силах сдержаться, поганки зловеще расхохотались.

— Ну все, как всегда, — Софи, как только прическа была готова, откинула крышку шкатулки, и гребешки покорно улеглись на темный шелк дна. — Лишь бы хохотать, а я-то подумала, что вы трагедию пишете. Или роман про вампиров. Можно подумать, что я сама могу наплести на голове весь этот ритуальный кошмар.

— Зря ты так, — перестала смеяться Эдме. — На самом деле очень красиво.

— И тебе идет, — согласилась Фиона. — А хочешь, мы на бал тоже накрутим себе... — она пошевелила пальцами над головой, — такое же роскошество.

— И будем еще более одинаковыми, — приняла идею сестры на ура Эдме.

— Нет уж, — передернулась от испуга Софи. — Ни за что! Лучше скажите, кто такая нэра Агата, к которой вы обращались.

— Старшая по общежитию, — поганки сделали вид, что уступили, но судя по хитрым лицам от идеи насчет одинаковых причесок не отказались.

— Она готова подработать горничной.

— Ну и так по-мелкому...

— А теперь иди есть!

— И не кривись, а то на завтра мы закажем настоящий завтрак бабушки Катарины!

Перед такой страшной угрозой Софи была бессильна, а потому покорно положила себе на тарелку пару сосисок и приступила к завтраку.

— Что у тебя с расписанием? — промокнув губы салфеткой, Эдме поднялась из-за стола.

— Пока ничего, — Софи с готовностью отложила столовые приборы. — Сегодня я должна буду провести день на кафедре Земли,

познакомиться с деканом лично, так сказать. Он-то и определит график занятий.

— Лэрд Рэйли Брюс — отличный дядька, — Фиона положила на тарелку сестры пару сырников. — Ешь, а то вареньем их полью, — пригрозила строго.

— Правильно! — одобрила Эдме. — И сливок в кофе ей добавь.

— Вы хуже бабушки, честное слово, — горестно вздохнула Софи. — Мучительницы.

Сестрицы расцвели словно услышали лучший комплимент в своей жизни.

— Мы о тебе заботимся, — хором заявили они.

— Спасибо, — глядя в их счастливые лица, лэри Карр решила не оставаться в долгу. Ну в самом деле родня она поганкам или нет? — Девочки, а почему это вы вчера так упорно от сладкого отказывались? На диету сели?

— Потому что Гриры — козлы! — вспыхнула Фиона.

— Строго говоря, мы можем судить только о младшем из братьев, — Эдме всегда была более уравновешенной и справедливой.

— Да ладно тебе! — Фиона не унималась. — Все они тут сплошь высокородные козлы! Только и знают, что насмехаться! Не такие мы! Не сякие! И толстые! И страшные! И так четыре с лишним года.

— Зато вчера Ричард Грир пел совсем по-другому, — поддержала сестру Эдме. — Просто соловьем разливался. Дипломат демонов!

— Как будто, так и надо. Лицемер, — припечатала Фиона.

— Ну так вчера лэрд на работе был, — Софи нахмурилась и сурово ткнула сырник вилкой, словно это он во всем был виноват. Лично. — Вернее оба брата были на работе...

— Тебе, что понравился старший? — испугалась Эдме. — Ну его, милая.

— Он страшный человек, — сделала большие глаза Фиона.

— Я и сама страшная, сами знаете. Просто обидно... — юная графиня ожесточенно сражалась с сырником. — Эта его небрежность просто оскорбительна. Как можно было тащиться ко мне с братом хамом и мороженым наперевес? Ничего не узнав ни о вкусах, ни о пристрастиях, а?

Поганки затаились и не перебивали сестру. Родня или нет, а только Хозяйка Серебряного озера в гневе и правда была страшна.

Сила, обычно дремавшая в юной графине, просыпалась, плащом окутывала хозяйку и давила... давила... И тяжело становилось дышать.

— Что это Грир вообще себе думает?! А, впрочем... Так даже лучше, — лэри Карр остыла так же быстро, как и вспыхнула. — Просто будем считать, что первый пункт бабушкиного списка мы отработали и вычеркнули. Дураки нам не нужны.

— Он все равно не отстанет, — перевела дух Эдме.

— Он так на тебя смотрел, — Фиона, как всегда, была согласна с сестрой.

— На меня все смотрели, — недовольно дернула плечом Софи. — Как на серебристую выхухоль... Ладно, плевать... Что вы там говорили про лэрда Брюса?

— Ооо! — оживились поганки, засмеялись, засверкали глазами.

— Колоритнейшая личность!

— Матерый человечиче!

— Человек гора!

— Котиков любит!

— А в целом? — Софи победила таки творожники и теперь пила кофе.

— Наш декан — настоящий мужчина, — заверила Эдме.

— Своих в обиду не дает, — сверкнула зелеными глазами Фиона.

— Мы за ним как за каменной стеной.

— Вот и славно, — подвела итог беседе Софи. — Поможете мне надеть форменное платье?

— Барыня.

— Белоручка.

Для порядка поворчали поганки, а потом переглянулись, безмолвно советуясь...

— Сонь, — тихонько позвала Эдме, мы знаем, что ты нас любишь...

— И если ты из-за нас отказалась от Нэда Грира...

— То не надо...

— Хоть раз подумай о себе...

— И можешь не отвечать...

— Нам это ни к чему.

— Спасибо, девочки, — обняла сестер Софи. — Но рожать от напыщенного дурака я не буду. Долг перед родом не велит. Лучше познакомлюсь с пунктом вторым...

— О! — всплеснула руками Эдме.

— А кто этот счастливец? — Фиона подталкивала сестер в сторону спальни, время приближалось к девяти, скоро начнутся занятия, а они еще не одеты.

— На второй строчке... — торжественно начала Софи, — их несколько, — не удержалась и захихикала она, глядя на вытянувшиеся лица поганок. — Там сыновья нашего декана. Бабуля их скопом записала.

— Кх-кх, — закашлялась Фиона, не ожидавшая от покойной лэры Катарины такой подлянки.

— Водички попей, — переполошилась Эдме и в нервах принялась стучать сестре по спине.

— Убьешь, — прохрипела несчастная, но кашлять перестала, а тут еще Софи водички принесла, и стало совсем хорошо.

— Да, рука у меня тяжелая, — покаялась Эдме.

— Я так понимаю, что с сыновьями лэрда Брюса не все в порядке, — достойная наследница своей бабули подозрительно прищурилась.

Прежде чем ответить, вспомнившие о времени поганки развернули бурную деятельность: они одевались сами и при этом умудрялись помогать сестрице.

— Начать с того, что их пятеро, — сопела одна.

— И все они живы здоровы, — пыхтела другая.

— Только двое старших не в столице, а младшие совсем сопляки... — смутилась Фиона.

— В смысле четвертый и пятый сопляки, — смешалась Эдме.

— Что-то вы меня совсем заморочили нумерацией сыновей нашего декана. И сдается, вся эта занимательная математика из-за номера третьего, — допытывалась Софи. — Что с ним не так?

— Он... — смущенные поганки никак не могли подобрать нужное слово.

— Козел? — проявила понимание Сонечка.

— Это само собой, — непонятно на что рассердилась Фиона. — Но Бен Брюс к тому же...

— Художник. Из этих... — помогла ей сестра. При этом она зачем-то энергично двигала бровями и подмигивала.

— Не кривляйся, морщины будут, — одернула ее Софи. — Я все еще ничего не понимаю, — призналась она.

— Извращенец он, — плюнула на деликатность Эдме.

— Мужеложец, — Фиона покаянно склонила голову, словно это она была виновата в нетрадиционной ориентации Бернарда Брюса.

— И всего-то? — изволила удивиться лэри Карр. — Вычеркиваем вырожденца, и всех делов.

— Всю вторую строчку?

— Да.

— Ну и правильно. А третий по списку? Скажешь, кто это? — оживились девицы, но тут раздался звон колокола, возвещающий о том, что до занятий осталось четверть часа.

— Опоздаем, и декан нас убьет — поняли поганки и с писком кинулись одеваться.

***

Девы Каррлайл словно в воду глядели. Несмотря на то, что они не опоздали, декан был в бешенстве. Кто его так разозлил не стоило и гадать. Ясное дело, что без Бернарда тут не обошлось.

— А я говорю, ты на ней женишься, поганец! — рев лэрда Брюса был слышен издалека.

Сестры северные услышали его еще с галереи и прибавили шаг.

— Как скажете, — устало соглашался почтительный сын. — Только не ждите внуков, батюшка. В силу своей природы...

Несмотря на то, что Бен говорил вроде бы негромко, слышно его было прекрасно. Даже стук каблучков торопящихся на занятия лэри не помешал им расслышать все в подробностях.

— Пресветлая тебя не оставит, а я помогу! — разорвался родитель, прекрасно понимая, что понапрасну сотрясает воздух.

Тем временем поганки и поспешающая за ними Софи почти достигли заветного кабинета. По сути, они были уже на месте. Оставалось только завернуть за угол и пересечь небольшой вестибюль, в котором обычно и дожидались лэрда Брюса студенты.

И тут перед девами во весь рост встала практически неразрешимая дилемма: идти к ректору или нет. С одной стороны опаздывать было, мягко говоря, нежелательно, а с другой выйти из-за угла — показать невоспитанность или того хуже — неделикатность. Да и невместно благородным лэри подслушивать. Пусть даже конфликтующие стороны орут как баньши на погосте. Не положено, и все!

Поэтому кузины, не сговариваясь, приняли компромиссное решение. Осторожненько высунулись из-за угла и осмотрелись.

Их глазам предстала занимательная картина. Видимо декан назначил нынче встречу не только северным ведьмочкам. В вестибюле уже присутствовали две девицы — студентки судя по форменным платьям и мантиям.

— Обе из нашей группы, — шепнула на ухо Софи Эдме.

— Овцы высокородные, — добавила Фиона. — Ты только глянь, что творят.

— Подслушивают, — прокомментировала увиденное Эдме. — А потом слухи по академии распускать начнут.

— Нигде нет спасения от слухов, — сморщила носик Софи, наблюдая за приникшими к приоткрытой двери студентками. — А потому... — она решительно направилась к кабинету лэрда Брюса.

— Куда тебя понесло, выхухоль ты серебристая?! — шепотом заорали поганки и, сдерживая желание бежать прочь, не разбирая дороги, пошли следом.

— Стыдно, батюшка, — не подозревая о страстях, разворачивающихся в коридоре, нарывался на грубость отпрыск великого рода. — Уж вы как никто должны понимать, что против природы не попрешь! Или...

Софи потеснила, пискнувших от неожиданности любопытных девиц и закрыла дверь кабинета. Шум скандала словно ножом отрезало.

— Что?.. — студентки подпрыгнули на месте. — Мы нечаянно! — моментально начали канючить они, предчувствуя неприятные разборки.

Наверняка преподаватель, поймавший их на горячем в бешенстве. А значит, сейчас начнутся нравоучения, нотации, за ними последуют угрозы об отчислении и блокировке дара. К тому же об

отвратительном поведении обязательно сообщат родителям. И уж после этого Зимнего бала провинившимся студенткам не видать, как своих собственных ушей. Эти или примерно такие мысли пронеслись в головках очаровательных, но слишком уж любопытных лэри за те мгновения, которые потребовались на то, чтобы повернуться.

— Ты кто? — возмутилась первая, увидев вместо грозного профессора хрупкую словно фарфоровая статуэтка Софи.

— Думаешь, Хозяйкам позволено больше других? — вторая дурында, если и была поумнее своей подружки, то ненамного. То есть узнать лэри Карр, она узнала, но промолчать не сумела.

Софи, хотя нет. Нежная смешливая Софочка пропала, будто не было. Вместо нее в рекреации кафедры Земли стояла гордая и неприступная лэри Маргарет София Анжелика Карр, графиня Фриз, хозяйка Разрушенного замка и Серебряного озера в придачу. Холодно оглядев скандалисток, властительница одного из крупнейших доменов Дагании поманила к себе Эдме и что-то шепнула той на ухо.

— Ее светлость хотела бы, — невозмутимо пояснила лэри Каррлайл, — чтобы вы представились.

— Что? — девы такого явно не ожидали. Они даже рты приоткрыли от удивления и глазами захлопали.

Красивыми, кстати, глазами. У одной из них, той, что оказалась более наблюдательной, глаза были светло зеленого цвета. Холодные, зимние, мертвые. Дар этой волшебницы был таким же безжизненным, зато чрезвычайно полезным. Самые лучшие рудознатцы могли похвастаться таким цветом глаз. Вот только он больше подходил мужчинам и вряд ли порадовал магианну. Ведь всякому известно, что на рудниках да в экспедициях женщинам, да еще таким привлекательным делать нечего. Так что скорее всего это дар в ней перегорит, если конечно не перейдет к детям.

Зато красотой ее Пресветлая не обидела. Только доброты не дала. Настоящая снежная девочка стояла перед Соней. Такая же ледяная равнодушная интересующаяся только собой. Настолько зациклена на себе, что и не скрывает этого.

Внешность второй особы была куда как проще. И глаза-то у нее были серо-зелеными, мутноватыми словно с поволокою, что говорило о слабом даре, и внешность попроще, и фигура... Зато платье роскошное, вроде и форменное, а материал дорогий. Тяжелые

золотые серьги оттягивали ушки, перстни с самоцветными камнями унизывали пальчики, золотые браслеты обнимали запястья лэри. В общем, некрасивая богатая, обычная. Но было в ней что-то. Было. Софи даже пообещала себе присмотреться попристальнее к этой магичке.

— Дело в том, что графиня Фриз в недоумении, — как пописаному принялась чесать Фиона. — Ее светлость знает, что в стенах академии обучаются особы благородного происхождения, но то, чему она стала свидетельницей сейчас...

— Да эти толстухи со своей сестрицей над нами издеваются, — дошло до девушек. — Сейчас мы быстро разъясним новенькой правила поведения в ААМ.

— Иными словами вы желаете, оскорбить ее светлость? — деловито уточнила Эдме, словно невзначай оттесняя хрупкую кузину.

— Словами или действием, позвольте полюбопытствовать, — рядом с ней встала Фиона.

— А вам какое дело? — сонные серо-зеленые глаза той девицы, что была одета побогаче на какое-то мгновение налились изумрудной зеленью. — В охрану нанялись? Теперь вместо пошлых романчиков будете северную... — получив острым подружкиным локотком в бок, она замолчала, только заморгала удивленно.

— Позвольте представиться: Силия Сайл, — сумела взять себя в руки первая, даже книксен сделала и улыбнулась приятно, а в глазах, что интересно, холод и ненависть.

— Миранда Долэг, — после еще одного тычка, правила хорошего тона просыпаются сами собой.

— Ее светлости очень приятно, — чопорно кивнула Эдме, по-прежнему загораживая собой сестру.

Софи, как и в чем не бывало, кивнула и кончиком пальца постучала Фиону по спине. Поганка понятливо обернулась, чтобы выслушать загадочный шепот северянки.

— Графиня Фриз надеется, что лэри, — Фиона невозмутимо посмотрела на сокурсниц, — как и обещали, расскажут о правилах поведения, принятых в ААМ.

Сонечка, на которой скрестились все взгляды кивнула вдругорядь.

— Думаю, что ваши сопровождающие, лэри, — скрипнула зубами Силия. — За четыре года наверняка сами выучили...

Софи закашлялась, и Эдме моментально перевела.

— Ее светлость настаивает. Категорически.

— Не, ну это уж слишком, — не выдержала Миранда. — Мало того, что эта фифа командует, так еще и через других. С нами говорить брезгует что ли? За кого нас принимает эта северная шлюха?!

— Сказать, или сама догадаешься? — светски оскалилась Фиона.

— Не здесь и не сейчас, Миранда, — остановила подругу Силия. — Не видишь что ли, нас провоцируют. Передайте ее светлости, — она в упор посмотрела на Софи, — что она еще пожалеет. Над нами смеяться нельзя.

— И не вздумайте рассказать о нас декану.

— Графине уже жаль. Вас, — не дожидаясь реакции Софи, сказала Фиона.

— Она вообще слишком сердобольная, — пожаловалась Эдме. — Учим ее, учим... И все напрасно, эх...

— Они издеваются, — догадалась Миранда, подступая к северянкам, но тут дверь кабинета мэтра Брюса распахнулась, прерывая столь увлекательную беседу.

***

Бернард Брюс очень любил своих родителей и братьев. И чувство это не прошло с годами. Да, оно сильно видоизменилось, но не умерло... еще не совсем... Еще жгло в груди от их непонимания и неприятия, еще тянуло увидиться, поговорить, еще мечталось услышать похвалу... И ничего. Только недовольство, брезгливость, постоянные требования измениться и стыд. Да, они его стыдились. И мать, и отец, и братья.

А еще они боролись, прикладывая недюжинные усилия, чтобы он — Бен Брюс стал другим.

Это началось еще с детства, с того самого момента, когда выяснилось, что глаза маленького Бернарда останутся голубыми, не станут зелеными. Ой, что было! В роду, где все от века и до наших дней владеют магией земли, родился воздушник. Позор да и только!

Тогда еще живая бабушка даже водила тогда еще молодую матушку Бена к самой что ни на есть дикой ведьме, хотела убедиться

не нагуляла ли невестка голубоглазого пащенка.

Магия крови доказала чистоту лэры Эзабеллы, но осадочек, как говорится, остался. Причем у всех. Тем более, что виновник неприятностей никуда не делся: хорошо кушал, сладко спал, исправно пачкал пеленки, громко орал, случись что и умилительно моргал лазоревыми в длиннющих черных ресницах глазками.

Вот тогда-то и началась борьба. Весь род был делегирован по библиотекам и книгохранилищам. Необходимо было найти один забытый в наше время ритуал, с помощью которого меняли магическую направляющую. Стоит ли упоминать, что столь необходимая информация была найдена в кратчайшие сроки? И конечно же проведен ритуал. И даже не один. И все напрасно. Бернард остался воздушником, более того, его потенциал сильно увеличился, вопреки прогнозам.

Но и эта беда была еще невелика. Маленький голубоглазый маг и правда оказался мелким — пошел ростом и сложением в мать, да и гонором уродился тоже в ее прославленную на всю Даганию породу. С малолетства Бен не признавал никаких дутых авторитетов. Его нельзя было заставить делать что-либо. Уговорить, убедить, но не принудить. Даже с помощью розог.

Всегда открытый к диалогу мальчик становился сущим демоном, стоило ему получить приказ, особенно необоснованный. Зато он любил рисовать и имел к этому талант. Очень много времени Бен стал проводить около мольберта лет с десяти, когдахватило ума не только почувствовать, но и осознать свою инаковость.

Вот тогда-то Бернард Брюс и перестал навязывать свое общество отцу, матери и братьям, поровну деля свободное время между рисованием и фехтованием. Так и вырос на особицу. А незарастающая рана в груди и напрасное желание быть любимым... Что ж, и без того люди живут. Вот и Бен приспособился.

Хуже стало, когда отец объявил о том, что нашел ему невесту и даже провел переговоры с ее семьей. Правда он при этом почему-то много шутил и все отводил глаза... Впрочем, это стало понятно, когда лэрд Брюс назвал имя нареченной — Силия Сайл. Услышав его, Бен даже онемел. Даже в самом страшном сне не думал он, что станет мужем сучки Сайл.

— Что ты ежишься как плешистый баран от утреннего холода? — уже чувствуя, что сейчас разразится гроза, наседавал на сына лэрл Рэйли. — Лэри Силия подойдет тебе как никто. Она сможет родить детей с даром Земли...

Он говорил еще что-то, приводил какие-то, наверное, умные доводы. А перед глазами Бена стояла Силия как она есть: завистливая, хитрая, эгоистичная сплетница с мертвыми глазами цвета патины. И с этой женщиной он должен бок о бок пройти весь жизненный путь? Ну нет!

И тогда пришло решение, которое навсегда изменило его жизнь.

— Я не люблю женщин, и не могу быть с ними, — четко и спокойно сказал Беннард отцу.

— Эээ... — растерялся тот, потеряв мысль.

— Увы, но это так, — обмирая от собственной наглости, продолжил он.

— В смысле?.. — все никак не мог понять сына лэрл Брюс.

— В прямом, — Бен понимал, что сейчас его скорее всего отлучат от рода, но, раз приняв решение, стоял на своем. — Меня привлекают мужчины.

Слово прозвучало, деля жизнь на "до" и "после".

Еще можно было отступить, сказать, что пошутил и готов искупить, а потом стать мужем очаровательной для кого-то, но не для него, лэри. Ну и что, что ты ее с детства терпеть не можешь. Неважно, что презираешь заносчивую эгоистку Сайл. Сам-то тоже небось не апостол Пресветлой. И не беда, что, женившись на Силии, ты предашь свою мечту о настоящей семье, такой, где любишь ты, и любят тебя. Другие-то живут и не жалуется, приносят свое счастье в жертву во имя интересов рода и не ноют, а преумножают магию, продолжают себя в детях. Они сознают свой и выполняют свой долг...

"Я так не смогу" — со всей отчетливостью понял Бен и повторил, глядя в глаза отца: "Меня привлекают мужчины"

С той поры прошел почти год. К удивлению Беннарда из рода отец его так и не изгнал, да и семья не отвернулась. Наоборот, они еще больше сплотились и продолжили борьбу за своего нетрадиционного сына и брата. Практически в едином порыве, направляя его на путь истинный. В какой-то момент Бен даже надумал вернуться в лоно

семьи, в смысле сдаться... Но очередная встреча с нареченной вновь обратила его в сторону мужской любви.

Тем более, что в Дагании подобное не то чтобы поощрялось, скорее принималось как данность, особенно среди богемы, к которой относился и молодой, но безусловно талантливый живописец Бернард Брюс.

Вот и сегодня отец вновь завел разговор о Селии. И опять вышла ссора, скандал и всеобщее расстройство. Одно порадовало Бена: вылетая из кабинета, он крайне удачно поддал дверью под зад невестушке и ее дурочке подружке. Их испуганный писк прозвучал для взбешенного Бернарда музыкой небесной, успокаивая и даря хорошее настроение.

Даже силы появились вежливо распрощаться с отцом, раскланяться с толстушками Каррлайл и примкнувшей к ним очаровательной незнакомкой, похожей на снежную королеву. "Обязательно уговорю ее позировать для портрета" — пообещал себе Бен и поспешил удалиться.

***

Декан Брюс произвел на Софи колоссальное впечатление. Как там говорили поганки? Масштабный человечище! И они таки были правы, описывая как внешность, так и внутреннюю суть лэрда Рэйли.

Он и правда оказался огромным и страшным.

"Здоровенный, лысый, злой, рычит и бьет копытом. Ой, куда-то меня не туда понесло" — невольно отступая назад при виде разгневанного педагога, думала Софи. Копыт у мэтра конечно не было да и рычал он не так уж громко, но темпераментом и комплекцией напоминал все же сильно быка Гаура, особенно если на лысую башку даганского лэрда приладить острые изогнутые рога.

Но и без рогов мэтр Брюс сумел напустить на студенток страху. Встал в дверях, склонил этак задумчиво голову к левому плечу, глаза мечут молнии, желваки играют. Ужас короче.

Девы, позабыв про вражду, застыли испуганными сусликами. Ждут. Соня за их спинами тоже затаилась. Интересно же. Понятно, что

прямо сейчас декан их есть не будет, но если сообразит, что его разговор с сыном подслушали... В общем, мало не покажется никому.

— Ну, — нарушил тревожную тишину декан, — что скажете лэри?

— Доброе утро, лэрд Брюс, — ответила за всех Софи.

— Лэри Карр, как я понимаю? — сделав студенткам знак расступиться, человек-гора пристально посмотрел на Софи.

— Рада познакомиться с вами воочию, — откликнулась та.

— И как вам тут? — светски поинтересовался лэрд Рэйли, по-прежнему стоя в дверях. — Как оно вообще все?

— Суетливо, — подумав, ответила Софи. — Но в целом неплохо.

— Рад, очень рад, — сказал декан и как будто даже успокоился. — Таби! Позвал он и прищелкнул пальцами.

Тут же какой-то маленький черно-белый лохматик с громким писком свалился ему на плечи, и оказался миниатюрной обезьянкой самого потешного вида. Толстенькое ее тело покрывала черная с серым подпалом шерсть, неожиданно длинный хвост был тощим и рыжим. А еще у нее были усы! Да какие! Густые, белые, длинные, заливчатски закрученные! Прямо таки генеральские усищи!

— Таби, девочка моя, — как ребенок обрадовался лэрд Рэйли. — Я уж думал не свидимся, а вон оно как.

При этом он нежно поглаживал обезьянку по спинке, почесывал ей брюшко, щекотал бородку, а она обнимала его в ответ, стрекотала по-своему и, кажется, плакала.

— Будет, будет, — дрогнул голос грозного декана. — После поговорим, малышка. Сейчас другие дела.

Такое предложение Таби не устроило. Она возмущенно подпрыгнула и заверещала обиженно.

— Ладно уж, только минутку, — сдался лэрд Рэйли, который, по-видимому, обезьянку прекрасно понимал.

Та заурчала довольно, ухватила маленькой почти человеческой ручкой деканское ухо и зашептала что-то.

— Да ты что? — дернулся лэрд Брюс и взвыл — крошка держала крепко. — А дальше?

Таби продолжила рассказ, то и дело обличающе тыкая пальчиком в притихших студенток.

"Ябедничает мелочь усатая" — догадалась Софи. И не только она, но и остальные девушки, а также сообразили, чем грозят откровения Таби. Силия и Миранда страшно побледнели, а поганки благоразумно спрятались за спину сестры. "Ну и правильно" — с трудом сдержала улыбку лэри Карр, представив, какое комичное зрелище их троица сейчас представляет.

А Таби все никак не унималась, говорила и говорила, словно до долго была лишена такой возможности. Наконец, она замолчала. Молчал и декан. Только смотрел задумчиво да почесывал покрасневшее ухо. Потом, придя к какому-то решению, отошел от двери и сделал приглашающий жест.

Студенткам ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Словно на казнь или в логово людоеда брели они в кабинет лэрда Брюса, все кроме Софи. Она за собой никакой вины не чувствовала, а потому шла смело. А, войдя, остолбенела. Слишком уж знакомой показалась ей комната. Почти такой же, представляющий собой нечто среднее между оранжереей, гротом и библиотекой, кабинет унаследовала она от своей бабушки. Застекленный потолок, обилие растений, дикий камень стен, прудик, фонтанчик и конечно же уникальные чары, соединяющие воедино несовместимое...

Помнится лэра Катарина рассказывала, что второй такой комнаты в мире нет. Получается бабушка ошиблась? Как же так?

А лэрд Рэйли тем временем подсадил Таби на одно из произрастающих в кабинете деревьев и уселся за монументальный письменный стол.

— Так, — многозначительно сказал он, складывая руки на столешнице. — Не буду разводить туры на колесах, незачем. Морали читать тоже не стану. Но предупредить, что ваши родители будут вызваны в ААМ для серьезного разговора, просто обязан. Готовьтесь к неприятностям, лэри.

— За Эдме и Фиону Каррлайл могу выступить я, — Софи сделала шаг вперед. — Как глава рода.

— Отлично, — хищно улыбнулся декан. — Так и поступим. — Прошу вас садиться, лэри Карр, — он указал на одно из кресел. Остальных я не задерживаю.

Уговаривать студенток не пришлось. Раз, и их словно ветром сдуло.

— Испарились как туман поутру, — покачал головой лэрд Брюс. — Иной раз я подозреваю в них способности к магии воздуха. Да... — он с силой потер богатырский загривок. — Ох, уж эта мне магия воздуха, — пожаловался неожиданно. — А вы, лэри, что думаете?

— Мне воздушная стихия неподвластна, — честно ответила Софи. — Иное дело магия воды или менталистика.

— Да, да, я в курсе ваших способностей. Они удивляют. Особенно возможность мысленных приказов простейшим живым организмам.

— Исключительно моллюскам...

— И это поразительно! Они ведь отдают вам жемчуг. И остаются живыми. Даже моллюски Конк, а это является настоящим чудом. Хотя, что я говорю? Чудо уже то, что в вашем северном озере живут жемчужницы-южанки. В природе, насколько я помню, эти моллюски обитают исключительно в южных морях.

— Мы умеем договариваться с водой, — скромно опустила глаза Софи.

— Помню, но не устаю поражаться. Собственно, об этом я и собирался поговорить с вами, — признался декан.

— А как же беседа, касающаяся поведения моих кузин?

— Ах, это... Ну, что ж... Студентки Каррлайл талантливы, но ленивы, — лэрд Брюс никогда не разочаровывал женщин. Просто не имел такой привычки. Очаровательная ведьмочка желает поговорить о своих скандально известных всей академии сестрах? Извольте. — Они едва справляются с нагрузкой, а всему виной лень и завиральные идеи, с которыми лэри носятся как дурочки с писаной торбой. Поэтому вы, как глава рода и безусловно талантливая магианна должны будете подтянуть уровень подготовки кузин до приемлемого. И не спорьте, — добавил металла в голос он. — Все равно вам от этого не отвертеться, лэри. Даже не пытайтесь. Тем более, — тут декан подмигнул опешившей Сонечке, — заниматься вам в академии, по сути, нечем. К экзаменам готовы небось?

— Да, — заторможенно кивнула она. — Могу сдать хоть сейчас.

— Не сомневаюсь. Но! — мэтр многозначительно поднял палец. — Повторение, как известно, мать учения! Позанимайтесь с сестрами вам и, тем более, им это будет полезно. Кроме того, у меня есть одно предложение для вас, лэри Карр.

— Какое? — осторожно поинтересовалась Софи.

Прежде чем ответить, лэрд Брюс прищелкнул пальцами, подзывая Таби, дождался, когда малышка вскочит на стол, некоторое время гладил ее, потом угостил орешками и поднял глаза на терпеливо ожидающую северную ведьмочку.

— Поражаюсь вашей выдержке, лэри.

Сонечка подобралась в кресле. Откровенных разговоров с незнакомыми людьми она не любила, а тут ожидался именно такой.

— И отсутствию любопытства, — закинул еще одну удочку декан.

Она только плечами пожала. На здоровье, мол.

— А знаете, лэри Карр, вы очень похожи на свою...

— Мать? — не выдержала Софи, которая терпеть не могла таких сравнений.

— Простите, если обидел, но я говорил о лэре Катарине — вашей бабушке, а с Лавинией у вас, обратно извиняюсь, ничего общего считай и нет, — развел ручищами декан. — Разве что кровь одна. И магия. Внешность тоже... И все же, вы — вылитая бабка. Да.

— Не думаю, — Соня в себе ничего общего кроме фамилии со строгой и холодной бабушкой не находила.

— Со стороны виднее, — засмеялся упертый мэтр и одобрительно защелкала Таби. — Я ведь с матушкой вашей хорошо знаком был. Кто, вы думаете, мне это кабинет обустроить помог?

— Мама? — голос Софи дрогнул. — Вы с ней?..

— Дружили, — последовал быстрый ответ. — Только дружили и работали над одним совместным проектом. Вот над этим, — мэтр Брюс посадил на ладонь Таби. Бились над возможностью призыва иномирных существей фамильяров. И их привязки.

— Да не бойтесь вы, я знаю имена своих папочки, дедушки и даже прадедушки.

И прекрасно помню их имена и родословную до тридцатого колена, — хотела сказать Софи, но только кусала губы.

— Так Таби у меня и появилась, — все внимание мэтра было направлено на усатую малышку. — Да, девочка моя? Красавица какая, — он влюбленно глядел на мохнатую ябеду, а та млела, даже глазки прикрыла довольно.

Так они и сидели: декан с мартышкой и Соня с кучей незадаанных вопросов.

— Ну, — не выдержал первым лэрд Рэйли, — спрашивай уже!

— Таби, — подумав, сказала Софи.

— Таби? — переспросил ректор удивленно. — А хотя... Пожалуй ты права, девочка. Это самый главный вопрос.

— Мне показалось, или вы и правда не чаяли ее увидеть? Тогда почему позвали?

— Скажем так, я надеялся. Дело в том, что хоть матушка ваша помладше меня будет, была...

— Давайте уж на ты, — предложила ведьмочка. — И не стоит меня щадить, проявляя излишнюю деликатность.

Маму я не помню. Совсем. Потому и горевать по ней не умею особо. К тому же у меня есть Нэнни, то есть лэра Нэлианна, — смутилась Софи. — Вообще-то обычно ни с кем кроме самых близких людей девушка не откровенничала. Но, во-первых, никаких тайн ректору она открывать не собирались, во-вторых, само существование кабинета, в который мама вложила магию... В этом нужно было разобраться. Ну и, наконец, лэрд Брюс вызвал у Софи симпатию, а этим мало кто мог похвастаться. — Да, уже твердо закончила она, — у меня есть Нэнни и поганки!

— Ты про девиц Каррлайл? — качнулся к Софи человек-гора. — Подходит, очень подходит к ним сие именование! — он раскатисто расхохотался. — А с чего это вы это их так, стесняюсь спросить?

Сонечка покраснела, открыла рот, потом закрыла его и помотала головой.

— Это личное, — пролепетала она, всерьез смутившись. — Не настаивайте, прошу.

— Ладно уж, — посмеиваясь, согласился декан. — Но знай, девочка, что меня будет всякий раз глодать любопытство при виде твоих кузин.

Софи молча проклинала свою не вовремя проснувшуюся болтливость, но рассказывать малоприличную историю о том, как пятнадцатилетние Эдме и Фиона обзавелись магическими татуировками.

До сих пор она не знала плакать, смеяться или винить в случившемся покойную бабулю. Лэра Катарина была женщиной суровой к себе и другим. Она была строга к старательной тихоне внучке, а уж шумные беспечные Эдме и Фиона и вовсе казались ей

беспольными, слабыми и никчемными ведьмами. О чем достойная женщина однажды и сообщила во всеуслышание.

Скандала конечно в тот раз не получилось. Все-таки властительница земель была в своем праве, но осадочек остался у всех: и у Софи, обиженной за сестер, и у Нэнни, и тем более у поганок, которые фактически уже поганкам являлись, но технически стали ими спустя два месяца.

И случилось это после того, как шустрые девицы сбежали из дому и отправились к дикой ведьме. Та жила неподалеку от Серебряного озера и была уже очень стара. Посетителей Сельма, так звали дикую, принимала редко, а уж помощь оказывала и того реже. Но для девочек Каррлайл почему-то сделала исключение.

Поначалу она долго-долго гадала, вглядываясь подслеповатыми почти утратившими цвет глазами в узор трещинок на бараньей лопатке. Так и этак крутила она вынутую из огня кость, звала духов и требовала у них ответа. А потом макала тонкую серебряную иглу в заговоренную краску и чуть повыше копчика колола девам изображения ядерных мухоморов. Колола и приговаривала...

— Когда-то давно в Парламе грибы считались воплощением высшей власти. Их изображения, нанесенные на правое предплечье, помогали людям в исполнении самых заветных желаний. В Леории нателное изображение гриба до сей поры воспринимается как талисман, приносящий удачу. Боровики, опята и прочие сыроежки красуются на телах глупых иноземцев. Смешно! Тело того, кто по-настоящему разбирается в этом вопросе, украшает мухомор! Он и для гадалок хорош, и дар магический усиливает. А вам с божьей и моей помощью мужа найти поможет!

Софи не была уверена насчет мужей, но вот сидеть после получения нателных мухоморов кузины долго не могли — потерявшая терпение Нэнни собственноручно выпорола их. Хотя сейчас уже была не столь категорична в данном вопросе.

— Знаешь, милая, — как-то сказала она, — я поняла, что мухоморы это благо для нас. Сама посуди. И рисунок-то необычный, и сюжет, а уж месторасположение... Такое не покажешь случайному любовнику из страха, что он может поделиться столь пикантной подробностью со всей академией. И не красней так, не делай страшные глаза. Благородное происхождение студентов ААМ не

делает из по-настоящему благородными. И еще... Детка, не заблуждайся относительно мужчин, помни, что больших сплетников в мире нет. Нам — женщинам за ними не угнаться.

Софи не стала спорить с нянюшкой, та знала жизнь. И все же... Поганки, что бы не думали о них окружающие, были самыми чистыми и романтичными особами. В отличие от нее самой они надеялись на любовь и хранили чистоту для суженых. Юная Хозяйка Серебряного озера не сомневалась в этом ни секунды.

— Что-то ты примолкла, девочка, — напомнил о себе лэрд Брюс. — Я даже предполагать боюсь в какие дебри микологии (наука о грибах) ты забралась. Особенно интригует румянец на нежных щечках.

— Мэтр! — возмутилась Сонечка.

— Молчу-молчу, — примирительно поднял руки тот. — Вернее рассказываю о Таби. Как ты уже поняла, малышка призвана из другого мира. Она удивительная. Да, красавица? — нежно проворковал человек-гора, поглаживая усатую любимицу. — Самая умная, самая преданная, самая разумная и самая необычная. Дело в том, что Таби нуждается не только в обычной пище. Для полноценной жизни ей требуется магия. А поскольку вызывали и привязывали мы ее с Лавинией на пару... Нет, перед ее отъездом из академии мы создали артефакт, питающий Таби магией твоей мамы, но после ее кончины он иссяк.

— И Таби?.. — Софи так и не решилась произнести слово "умерла," но лэрд Брюс и так ее понял.

— Нет, только утратила материальность. Ведь она лишилась одного из якорей. Зато с твоим появлением в стенах академии артефакт ожил, а потом и заработал на полную. Вот я и решил позвать Таби, и она услышала.

— Но это ужасно! — воскликнула Софи. — Я хочу сказать, что надо как-то переделать этот ваш артефакт. Привязать его на кровь. Да! Именно так... Или... В общем, надо подумать...

— Подумаем, — широко улыбнулся лэрд Рэйли. — И обязательно что-нибудь придумаем, — пообещал он. — Это и есть то самое предложение, которое я хотел сделать тебе.

— Спасти Таби?

— Смотри на вещи шире, девочка. Я предлагаю тебе заняться артефакторикой. Что скажешь?

Конечно же она согласилась. Иначе и быть не могло. От открывающихся перед юной Хозяйкой Серебряного озера перспектив шла кругом голова. По уверениям мэтра Брюса выходило, что она сможет научиться работе не только с жемчугом, но и с другими камнями, а возможно и с металлами, вплетать в них заклинания, заговаривать... Это конечно же безумно сложно, но ведь мама же могла... Значит и у дочери получится. Только нужно очень постараться.

***

— Ну что? Ну как? — волновались поганки после занятий. — Мы ждем и ждем, а тебя все нет и нет! А в столовой, между прочим, обед уже почти закончился.

— Есть я, есть, — засмеялась усталая, но довольная Софи. — Девочки, мне бы в библиотеку сначала, — она помахала внушительный список литературы словно парламентар белым флагом.

— Начинается, — понимающе вздохнула Эдме.

— Мы в общем-то даже и не сомневались почти, — согласилась с ней Фиона.

— Пицца духовная для нашей Сонечки всегда на первом месте.

— Тогда пусть она не ругается за то, что мы питаемся всухомятку.

— И догоняемся пироженками и печеньками.

— Вообще-то это вы меня сегодня насильно завтраком кормили, — обомлела от такой несправедливости Софи.

— Это не мы, это нэра Агата, — переглянулись поганки. — Про нее-то мы и забыли. Не оголодаем теперь.

— Тогда в библиотеку?

— Так уж и быть, выхухоль ты наша, — согласилась Фиона. — Только...

— Что еще? — насторожилась Софи.

— Ты сейчас самая популярная студентка в ААМ, — осторожно сказала Эдме. — Сама понимаешь.

— На кафедру Земли после утреннего происшествия никто не полезет, нрав декана хорошо известен. Но за ее пределами... —

сделала большие глаза Фиона.

— В общем, готовься.

— Будут знакомиться.

— Все подряд.

— Переживем, — решила Софи. — Показывайте дорогу, девочки.

Через пару часов она уже не была столь благодушна. Всегда спокойная до полной флегматичности лэри Карр пребывала в состоянии едва контролируемого бешенства. На нее пялились! Все встречные и поперечные! Буквально! Не смотрели украдкой, будто бы невзначай, а просто глаз не сводили. Хорошо еще, что пальцами вслед не тыкали. Зато перешептывались, делясь впечатлениями, только так. Причем голос особенно не понижали.

Создавалось впечатление, что студенты разом растеряли все понятия о благородном воспитании и правилах хорошего тона. А ведь манеры иной раз и розгами вбивались в те самые места, которые у поганок были украшены нательной живописью. Какая-то во всем этом была ненормальность, возможно даже тайна. И Софи была намерена ее разгадать.

И как будто всего этого было мало, в библиотеке северным ведьмочкам встретился вчерашний лохмато-бородатый Ричард Грир, который на правах доброго знакомого и почти друга стал самым бессовестным образом клеиться к голодной, а потому сильно злой Сонечке.

— Самоубийца, — хихикали довольные поганки, следя за закипающей сестрой.

— Давай посоветуем ей пощадить красавчика Грира, он может принести пользу.

— И донести книги до общежития.

— Тем более, что его от Сони палкой не отгонишь.

— А может быть лучше, чтобы выхухоль выпустила пар?

— Откуда?

— Оттуда... Недаром говорят, что все болезни от нервов. А я что-то плохо себя чувствую...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Свечи напрасно старались разогнать царящий в комнате мрак. Их света едва хватало на то, чтобы отвоевать у темноты массивную кровать с резным изголовьем да кусок пестрого ковра перед нею. Но что это была за кровать? Настоящий кроватный монстр возвышался посреди моря тьмы. Он был покрыт искусной, местами неприличной резьбой, позолочен и дополнен колоннами, чьи витые капители перекрещивались где-то в высоте, скрытые от глаз все тем же наполненным ароматами пачули и сандала непроглядным мраком.

А может и не монстр... Просто это было ложе достойно короля. Или королевы. Да, пожалуй, что так. И пусть лежащая на нем королевой не была, она ни в чем не уступала ей. А по скромному мнению Эдварда Грира превосходила всем: и красотой, и юным возрастом, и влажным аквамаринным взглядом, а, главное, короной из серебряных усыпанных бесценным жемчугом кос.

Так и хотелось прикоснуться к этому сверкающему чуду, отбросить в сторону ненужные мертвые перлы и выпустить на волю собранную в косы красоту, чтобы погрузить в нее пальцы, пропуская прядь за прядью, и почувствовать себя счастливецом и богачом. И лишь, дождавшись одобрительного стога, прикоснуться губами к нежной перламутровой коже на шее, лизнуть бьющуюся голубую жилку...

А потом можно скользнуть губами ниже — прямо к высоким острым грудям, увенчанным розовыми пиками сосков. Главное не поторопиться, не испугать хрупкую красавицу, доверившую ему свою чистоту и невинность. Ведь, если все сделать правильно, то почувствовав смелую ласку мужских губ и языка, она вздрогнет и вздохнет удивленно, словно не веря, распахнет невозможные глаза... А потом выгнется парламским луком, желая продолжения, требуя его.

И тогда главное не сплеховать! И помнить, что среброволосая королева пуглива как все девственницы. И быть терпеливым, уверенным и единственным для нее.

Все эти мысли промелькнули и исчезли, растворившись во мраке ночи. Остались только Хозяйка Серебряного озера и он, стоящий перед ней на коленях...

— Ваша милость, пора вставать, — волшебную тишину нарушил возмутительно бодрый голос камердинера Базиля.

— Пшел вон! — прорычал Эдвард... и проснулся. — Сооон, — простонал он, впервые не желая расставаться с грезой и одновременно боясь ее.

— Так мне того... Уходить штоль? — верный Базиль хоть и обиделся, но покидать хозяина не собирался, так и топтался у кровати, не выпуская из рук груженого яствами подноса. — А кофеек как же? А насчет побриться? Ваша милость?..

— Ладно уж, — повел носом Нэд, сдаваясь утру и камердинеру, — оставайся, жаворонок хренов.

— Правильно, — обрадовался Базиль, вручая хозяину чашечку благородного напитка. — А то я уж напугался, что вы заболеть изволили.

— Типун тебе на язык, — делая первый самый волшебный глоток крепчайшего черного кофе, посулил Эдвард. — Здоров я.

— Чрезвычайно я рад этим обстоятельством, — камердинер дождался, когда крошечная на три глотка чашка опустеет, и наполнил ее вновь. — Так может и ванну спроворить? Времени-то до службы прорва еще.

— Ограничимся душем, — отказался Нэд. — Иди пока... Нет, стой. Что ты там насчет бритья говорил?

— Аааа! — с готовностью остановился тот. — Сон мне сегодня был, ваша милость.

— Вот как?

— Ага, — приготовился к долгому рассказу обстоятельный Базиль. — Мне, изволите ли видеть, приснилась ноне дева невиданной красоты. Изысканнейшая особа, должен я вам сказать. Розанчик! Истинный розанчик! Клянусь Пресветлой! Такая вся воздушная, взор лазоревый, уста сахарные, перси...

— Перси? — Эдвард удивленно приподнял бровь.

— Виноват, увлекся, — тут же склонил голову камердинер. — Никакого похабства во сне не было. Просто дева сребровласая приснилась. Поглядела она на меня строго, нахмурилась и велела передать хозяину, чтоб он бороду сбрил. Так и говорит: "Передай лэрду Гриру, что я бородатых не люблю. И пока он не побреется, нипочем целоваться с ним не стану!"

— Что? — кофе, который Нэд неосмотрительно глотнул, пошел ему не в то горло. — Да не трожь меня, дурак, дальше рассказывай!

— Говорить особо не о чем, — насупился Базиль. — Просто дева та на редкость убедительна была, вот я и подумал, а ну как этот сон вещий? И сбреете вы это, прости Пресветлая, новомодное безобразие?

— И не мечтай, — рассмеялся Эдвард, не желая показать, насколько его поразил Базилев сон.

Это что же получается? Северная ведьма насылает видения и грезы? Околдовывает? Да ну, не может быть. Она вчера и говорила-то нехотя, и смотрела исключительно на толстого тенора, к угощению не притронулась, согласие на танец и то нехотя дала. Словно милость оказала. А сама значит уже привораживать начала? Плести ледяную паутину? Сделала выбор? Так быстро?

Даже не спросив?

И тут же вспомнил, что сам-то он никогда никого не спрашивал о таком. Да и чуял с первой встречи, с первого взгляда будет он с женщиной или нет. Но то он — мужчина, охотник. По нему сходят с ума, его встреч ищут... И что, он превратился в дичь? Ой, да не смешите! Не бывать этому!

"Хе-хе, кто ж тебя спросит, дурачка такого? Поманит хозяйка, и побежишь впереди себя" — Нэду послышалось старушечье хихиканье да такое отчетливое, что он даже головой затряс, вдругорядь пугая Базиля.

А еще вспомнился ему подслушанный давным-давно разговор о северных ведьмах. Об их коварстве, подлости и развратности.

— Мало им просто любовнику отдаться, — блестела глазами подвыпившая по случаю какого-то праздника мать. — Распутницам непременно нужно мужчину в себя влюбить, — под возбужденное оханье подружек, распалаясь она. — Только тогда и сможет понести проклятая ведьма.

— Ужас! А как же нам тогда быть? — пугались дамы. — Ведь Хозяйки всегда лучших выбирают!

— Берегите мужей, — советовала матушка. — И детей! Костьюми ложитесь, но не отдавайте своих мужчин распутным гадинам. Защищайте их во снах и наяву, ибо нет для слабых мужских сердец защиты от проклятых Пресветлой Хозяек Серебряного Озера.

У Нэда тогда мороз пошел по коже, да и сейчас как-то зябко стало.

— Базиль, — передернувшись, сказал он, — заруби на своем носу, что бороду сбрить меня никто и ничто не заставит. И вообще, мундир подавай!

— А в душ? — робко напомнил камердинер.

— Некогда, — отрезал лэрд, хотя в горячую водичку хотелось.

По дороге на службу настроение лэрда Грира значительно улучшилось. Особенно после того, как он принял твердое решение свести общение с графиней Северной до минимума. Во избежание, так сказать. И чтоб не разбить невзначай сердце наивной провинциалочке.

Вот только подарит ей тур вальса на зимнем балу в академии и довольно. Не по чину обер-секретарю его величества волочиться за студентками. Да! Именно так! Не по чину и недосуг!

***

Еще один день в ААМ промелькнул совершенно незаметно для Софи. Вот, кажется, только встала, а уж на кафедре Земли пора бежать. Едва приступила к занятиям, а время к обеду. Перекусила, чем Пресветлая послала, нужно на бал собираться, чтоб ему ни дна, ни покрышки! Ведь опять все будут пялиться как на говорящего кальмара. И не спрячешься от них за спинами кузин, не ускользнешь тайным ходом. А впрочем... Пусть смотрят, им же хуже! У Софи, хвала богине, характер имеется. И внешность. И положение в обществе. Пусть шушукаются за спиной, в глаза-то небось ничего сказать не посмеют. А еще пусть завидуют пока не облезут.

И все же подготовка к балу это ого-го сколько дел и забот. Особенно после учебы да без помощи верной Марты. И все же лэри Карр справилась. Не только сама собралась, но и за поганками присмотрела.

Эдме и Фиона опять нацепили одинаковые наряды. Доставая их из шкафа, они поначалу подозрительно косились на сестру, но не встретив никакого противодействия с ее стороны, скоренько облачились в роскошные шелковые бальные платья, уложили волосы в причудливые прически, украсили лилейные шейки редким жемчугом.

— Ну как? — волновались они.

— Хороши, — искренне ответила Софи. — Просто загляденье! Должна признать, что фасон с завышенной талией просто создан для вас.

— Скажи еще что-нибудь такое же приятное, — поправляя перчатки, попросила Эдме.

— Отделка очень хороша, — Сонечка с удовольствием оглядывала поганок. — Вышивка лифа, отделка рукавов, цветочные гирлянды, украшающие подол... Все так соразмерно. И цвета подобраны прекрасно. Скажу больше, если поменять шелковую нить на золотую, то в таких платьях и на королевский прием не стыдно явиться. Хотя... — она прищурилась. — Мухоморчиков на нарядах все-таки не хватает.

— Язва белобрысяя, — зафыркали довольные поганки. — Иди, одевайся. Твоя очередь.

— Иду, — согласилась Софи. — А знаете, девочки, этот бал для меня первый. Не считать же в самом деле праздники в поместье.

— На самом деле, — перестала улыбаться Эдме, — дома гораздо лучше. Там тебя не преследуют злые завистливые взгляды, никто не шипит в след, не говорит гадости за спиной. А тут...

— Хватит, — решительно прервала ее Фиона. — Не смей портить сестре праздник. К тому же, — она озорно подмигнула, там могут присутствовать кавалеры из загадочного списка лэры Катарины.

— А мы так и не знаем кто занимает почетную третью строчку, — загорелись азартом глаза Эдме.

— Там... — Софи поглядела в потолок, словно ища на нем ответа, нахмурилась, пощелкала пальцами. — Там... Нет, не помню, — понурилась она.

— У нашей Сонечки начались зловещие провалы в памяти, — понимающе переглянулись поганки. — Не страшно! Мы знаем отличное средство для их устранения, — посулили девы и двинулись к кухне, стараясь взять ее в клещи. Не тут-то было. Софи взвизгнула как боевой сурикат, показала им язык и с хохотом скрылась в спальне.

— Беги, беги, — погрозила закрытой двери Эдме.

— Долго ты там не просидишь. Измором возьмем.

— Ха-ха-ха, — храбрилась Софи, торопливо переодеваясь.

— Платье новое? — через некоторое время спросила Фиона, прислушиваясь к сопению, шуршанию ткани и ворчанию кухни. —

Может наша помощь нужна?

— Справилась почти, — послышался невнятный ответ.

— Чего? — не расслышали поганки.

— Ваше платье, в смысле вами подаренное, — прозвучало чуть громче.

— Наше, — расслышала Эдме. — То самое из серо-голубого кружева, с парчовым жилетом. Сонечка в нем как одалиска из гарема парламского паши. Вся такая роковая, утонченно неприступная и загадочная.

— А почему она тогда так говорит? — не поняла Фиона. — Чем набил рот наш хомяк, вернее выхухоль?

— Жемчугом, ясное дело, — Эдме заглянула в спальню. — Набрала полный рот шпилек с жемчужинами и превращает свой бастион из кос в королевскую корону.

— Сами вы... — Софи закончила с украшениями и отвернулась от зеркала.

— Хороша, — оценила Фиона. — И наряд как раз подходит для зимнего бала.

— Да уж, — только и вымолвила Эдме. — Мама от тебя кавалеров гонять замучается.

— Никак нельзя, — Софи склонила голову, словно корона из кос была слишком тяжела для нее. — Зато я, кажется, вспомнила имя третьего кандидата.

— И кто же он? — хором выдохнули поганки.

— Говори!

— Не томи!

— Шеридан Винтер, — сдалась Софи.

— Известная личность, — скривилась Эдме. — Ординатор целитель.

— Красавец, — Фиона словно хлебнула столь почитаемого adeptками ААМ настоящего на тридцати трех травах заговоренного уксуса. — Лет на семь старше нас.

— И в чем подвох? — насторожилась Сонечка.

— Шеридан — зануда и формалист.

— Педант и перфекционист. Но зато насквозь положительный.

— И красавец к тому же.

Наперебой рассказывали кузины.

— Так что можешь выбрасывать свой список.
— Лучше души Винтера ты никого не найдешь.
Вынужденно признались скуксившиеся девы.
— Его даже соблазнять не придется.
— Достаточно просто ввести в курс дела, Шеридан не откажет.
— В смысле? — растерялась Софи.
— В прямом, — резала правду матку Эдме. — Винтер мало того, что ответственный, так еще и нуждается. Материально, я имею в виду.
— Они с сестрой сироты, — пояснила Фиона. — Вот парень и хватается за любые подработки. Честные, я имею в виду.
— А может так и лучше, — задумчиво проговорила Эдме. — Сердце этот сухарь тебе точно не разобьет.
— Род у него древний, дар сильный, внешность... Пресветлая, что же мы обсуждаем-то? Почему, скажите на милость, ты должна по списочку выбирать себе... Назовем его любовником, — с отвращением выплюнула Фиона. — За что тебе такое?!

— Еще спроси: "Доколе?" — поняв, что разговор затягивается, Софи опустила на стул.

— А? — растерялась Фиона.

— Ага, — невесело улыбнулась графиня Северная. — Что ты хочешь услышать от меня? Рыдания? Или уверения, что все так живут? Забыла про Нэнни?

— При чем тут матушка? — насторожилась Эдме.

— А при том, что она входит в Совет Матерей Дагании. Забыли? А в нем-то как раз и ведутся подобного рода расчеты. И ничего плохого в этом нет. Понимающие женщины...

— Занимаются евгеникой, — закончила за нее упертая поганка.

— Не совсем, скорее они наблюдают за пересечением родственных связей, следят, чтобы не пресеклись родовые дары, рассчитывают наилучшие союзы, составляют гороскопы.

— Сонь, а как же любовь?

— Вот вы по любви замуж выйдете, — с нежностью посмотрела на приунывших кузин она. — Обещаю. Так что, на бал-то пойдём, или ну его уже?

— Ой! — подхватились поганки. — Опаздываем! Вставай, краса, чего расселась?!

— Ну, слава Пресветлой! С моими сестрами все в порядке, — позволила увлечь себя в коридор Софи.

***

Бальная зала встретила Софи светом, музыкой... и снегом. Она совершенно преобразилась с того момента обзорной экскурсии по академии, которую провела для любимой воспитанницы Нэнни. Тогда это было огромное словно кафедральный собор пустое помещение, залитое потоками холодного зимнего света, струящегося из огромных стрельчатых окон. Гулкое эхо гуляло под каменными сводами, рождая невольную дрожь.

Теперь же все было иначе. Спасибо за это иллюзорному снегопаду, скрывшему от глаз людских угнетающее величие древнего зала. В этом иллюзия была на редкость правдива — снег всегда покрывает уродство, прячет, засыпает алмазами и серебром до весны... Но не будем о грустном.

Тем более, что бал уже начался. Где-то в вышине на хорах играл оркестр. И вроде бы даже королевский. Во всяком случае поганки об этом все уши прожужжали. Звучала музыка... Повинуясь ей, в вальсе кружились пары. Нежные лэри, склонив головки, отдались во власть надежных мужских рук и плыли, летели словно снежинки, подхваченные ветром.

— Красиво, — Софи замерла в дверях.

— Ты про снег? — не дожидаясь ответа, Фиона легонько подпихнула ее в спину. — Не стой на проходе.

— Простейшая магия, — фыркнула Эдме, не любившая балы. Слишком уж часто им с Фионой приходилось подпирать стенку на этих к несчастью обязательных мероприятиях. Вот и сейчас будет все то же самое, даже еще хуже. Ведь Сонечку в отличии от них как раз приглашать будут, вон как устались уже. Брр. А братья Гриры даже пробираются сквозь толпу навстречу сестренке.

Нет, она не завидовала Софи. Честное благородное слово не завидовала! И прибила бы любого, кто попытался обидеть насквозь родную Хозяйку Серебряного озера, зубами бы вцепилась и грызла. Но за себя и Фиону было до слез обидно, и злость разбирала. На ничего не

смыслящих в женской красоте слепцов и общей несправедливости жизни. Даже мелькнула робкая мыслишка об отказе от сладкого, особенно от пироженок и булочек с повидлом, и особенно на ночь. Мелькнула и пропала... Не до глупостей сейчас.

Для начала нужно отойти от двери и занять привычный уголок, потом как следует оглядеться и показать, таки, Софи кандидата номер три. К тому же Гриры все ближе. И морды у них решительные.

Планам лэри Каррлайл на сегодняшний вечер суждено было осуществиться лишь частично. Заветный уголок так и остался пустым, да и стенку подпирать не пришлось, зато Шеридан Винтер никуда не делся. Больше того, он в числе прочих весьма охотно танцевал с северными ведьмочками. А уж что было тому причиной: внезапное прозрение мужской и переосмысление канонов женской красоты или желание Софи... Какая, в сущности, разница.

Так что, кружась в вальсе, с зеленоглазым красавчиком Винтером она выкинула из головы все до единой мысли и просто улыбалась, радуясь жизни и молодости. Ибо Пресветлая в мудрости своей осуждает уныние.

Фиона не отставала от сестры, веселясь от души. Сегодня она — королева бала. Пусть не единственная, неважно. Зато будет, что вспомнить и не только вспомнить, но и упомянуть в романе. Сцена на балу так и просится туда. Главное не забыть завистливые женские взгляды, которыми менее удачливые лэри полосуют ее, не зная жалости.

А вот Софи устала. Слишком уж шумно и многолюдно было вокруг. От постоянного мельтешения у нее разболелась голова, захотелось уйти куда-нибудь все равно куда. Главное подальше отсюда, и путь там будет тихо и по возможности темно. Но нельзя, нельзя... Приходится улыбаться, кружась в очередном вальсе, и слушая однообразные комплименты, терпеть назойливые прикосновения мужских рук.

— Мне кажется, или бал утомил вас, милая лэри? — веселый голос партнера по танцам бритвой резанул по натянутым нервам.

Так и захотелось ответить какой-нибудь колкостью. Софи даже открыла рот, но тут же сцепила зубы. Еще не хватало показывать свою слабость этим... Этим... А с кем, кстати, она танцует? Как-то даже не

посмотрела, а все проклятая мигрень и наколдованный снегопад. Надо бы и правда найти какой-никакой укромный уголок и выпить зелье. Вот кончится этот дурацкий вальс и тогда...

— А не выпить ли нам лимонада? — не отставал неунывающий кавалер. — Или глингвейна?

— Лимонад меня вполне устроит, — сдалась Софи. — Лэрд Грир? — удивилась она, узнав младшего из братьев. — Я ошибаюсь, или это наш третий танец за сегодняшний вечер?

— Вот так вот и опускают с небес на землю, — тряхнув головой так, что распущенные в честь бала кудри взметнулись и опали, расхохотался Ричард. — Тут, понимаешь ли, считаешь себя пупом земли и сердцеedom впридачу, а очаровательные девушки тебя в упор не замечают. Воистину так проходит земная слава.

— Простите, — смутилась Софи. — Мне право неловко.

— Будет вам, лэри, — веселился Дик, увлекая ее к накрытым столам, стоящим вдоль стен. — Поделом мне. Вот держите. Это лимонад.

— Спасибо.

— Давайте отойдем вон туда, за колонны.

— Зачем это? — подозрительно прищурилась она.

— Чтобы объяснить причины моей навязчивости и заключить взаимовыгодное, я надеюсь, соглашение, — склонился к ней этот паяц.

— Очень интересно, — Софи была заинтригована. — Но прятаться я предпочитаю на виду. Оконная ниша — наилучшее место уединения. Нас все видят, но не слышат.

— И незаметно не подойдут, — согласился Ричард. — Отличная идея, лэри.

— Не стоит приписывать мне чужих заслуг, — сделала пару глотков замечательно вкусного ледяного лимонада Софи. — В Леории даже сады строят по такому принципу. Регулярный парк, слышали? Впрочем, вам должно быть это неинтересно... Да и не о зеленых насаждениях речь. Просто в таких садах очень удобно уединяться, оставаясь на глазах у всех.

— Вы очень рассудительны, лэри Карр, — одобрительно отозвался о познаниях своей спутницы мужчина. — А потому наверняка примете мое предложение.

— Вы так в этом уверены? — слабо улыбнулась Софи.

— По крайней мере, выслушайте, прошу, — Ричард растерял всегдашнюю веселость. — Меня к вам приставили, — рубанул он. — Кто и зачем, захотите узнать вы.

Соня только кивнула.

— Какая, в сущности, разница, милая лэри? Главное для нас с вами, что отказать этой персоне я не могу. Нет-нет, — заторопился Дик, — ничего неприличного от меня не потребовали, ограничились тем, что назначили рыцарем при вас...

— А вы, стало быть, не желаете находиться при мне?

— Как раз желаю.

— Ничего не понимаю, — сдалась Софи, подозревая, что этот гривасто-бородатый красавчик ее попросту разыгрывает.

— Я хочу быть вашим другом, но никак не любовником... Хотя и от последнего не отказался бы.

— Вы идиот? — догадалась она.

— Я не терплю принуждения, — разозлился Грир. — И подлости по отношению к женщине тоже.

— Но вы же дипломат...

— Никудышний видимо, — покаялся он. — Так что вы надумали?

— Если перевести с вашего языка на даганский, то получается, что вас вынуждают оказывать мне знаки внимания...

— Ухаживать и быть вашим рыцарем, лэри, — подхватил Ричард. — И против этого я ничего не имею, но в планах особ, которым я не могу отказать, — он многозначительно потыкал пальцем в потолок, — женитьба.

— На мне? — развеселилась Сонечка.

— Да. А на это я пойти никак не могу. Потому и предлагаю секретный союз. Дружеский.

— Почему не можете? — безумный разговор начал доставлять ей удовольствие.

— А вы хотите за меня замуж? — испугался неудачливый дипломат.

— Нет, просто интересуюсь, — обиделась Софи. Можно подумать, что она какой-то второсортный товар. Даже этот чубатый брат не хочет.

— Лэри, с вами совершенно невозможно разговаривать, начинаешь чувствовать себя дураком... И вести себя

соответственно, — растерялся Дик.

— Вы не первый говорите мне об этом, — она все еще чувствовала обиду.

— Я предлагаю вам дружбу, лэри Карр, поверьте это самое ценное, что есть у меня. Соглашайтесь, — протянул руку ладонью вверх Ричард.

— Только дружбу, — подумав, Софи легко хлопнула по подставленной руке. — В качестве любовника я вас не рассматриваю.

— Договорились, — подозрительно быстро согласился он. — А теперь улыбайтесь, сюда идет мой зануда братец.

— Он, кажется, не один, — допивая лимонад, Софи наблюдала за приближением старшего из братьев Гриров.

"Зануда или нет, но интересный" — вынуждена была признать она. "И мундир к лицу, и выправка хороша, и осанка, а вот худосочная девица, вцепившаяся в него словно клещ, явно не к месту. Она даже гаже бороды, честное слово!" — чтобы ничем не выдать своего раздражения, лэри Карр принялась думать о том, можно ли человека сравнить с клочком волос, растущим на подбородке. Допустимо ли это.

Сначала Софи устыдилась таких сравнений, но чем ближе была незнакомка, тем более удачной казалась метафора. Эти ее кукольные голубенькие глазки, влюбленно глядящие на Эдварда, узенькое бледное личико с нарисованной на нем самодовольной улыбкой, затянутые в кружевные перчатки тоненькие ручки, которыми она вцепилась в черный мундир лэрда Грира. И как будто мало этого всего — над верхней губой девицы виднелась темная мушка. Фу, как вульгарно.

— О, — оживился Ричард, услышав реплику своей собеседницы. — Это невеста Нэда — очаровательная лэри Аделина Блэр. Она так же, как и вы заканчивает академию в этом году.

"Зачем мне все это знать?" — никак не могла взять в толк Софи, лишний раз убеждаясь в том, что давеча поступила верно. Вычеркнуть из бабулиного списка Гриров, было правильным решением. Ну их. Жаль только, что докучливые Гриры вычеркиваться из жизни лэри Карр никак не желали.

Между тем Эдвард под ручку с невестой оказался рядом. Знакомство с нареченной восторженной девой и большая часть скучной светской беседы прошла мимо сознания Софи. Она почти не

прислушивалась, все больше улыбалась молча и мечтала о том, чтобы настоящие и будущие Гриры общались исключительно между собой.

— Лери, а ведь вы и есть та самая загадочная и непостижимая Хозяйка Серебряного озера? — прошебетала лэри Блэр, и Софи поняла, что ее мечтам не суждено осуществиться.

— Боюсь, что загадочность графинь Северных сильно преувеличена, — она скромно опустила глаза. — Мы ничем не отличаемся от других женщин.

— Ах, бросьте, — не унималась Аделина. — Вы ведь не выходите замуж. Никогда! Это так романтично.

— Милая, — попытался одернуть ее Эдвард, ну куда там.

— Разве в благословенной Дагании мало старых дев? — спросила Софи. — Стоит ли обсуждать нашу незавидную судьбу?

— Ой, я не подумала об этом, — смутить жизнерадостную лэри не получилось. Скорее она обрадовалась, ощущая превосходство над северной ведьмой.

— Как и всегда, — поморщился Эдвард.

— Но я все равно очень рада знакомству с вами, — лэри Блэр обладала замечательной чертой характера, она слышала лишь то, что хотела. — Ведь вы можете осуществить мою мечту.

— Я? — Софи в растерянности посмотрела на мужчин. Нэд выглядел смущенным, а Дик заинтригованным.

— Зачарованный жемчуг, — как могла, очаровательно улыбнулась Аделина. — Я нуждаюсь в нем. Очень-очень нуждаюсь, — она прижала кулачки к груди.

— Да, я вижу, — не удержалась Сонечка. — Но, увы, ничем помочь вам не могу. Нет, — остановила открывшую рот собеседницу она, — не из жадности, упаси Пресветлая. Просто лэрд Вульф категорически запретил распространение артефактного жемчуга на территории ААМ. Больше того, эти вопросы отныне будут решаться через глав родов.

— Но вы ведь и есть глава рода.

— Я да, а вы?

Очаровательная лэри Карр пропала словно не было, рядом с остолбеневшими Грирами и оробевшей Аделиной стояла могущественная волшебница, с детства привыкшая к повиновению и

преклонению властительница домена и глава древнейшего в Дагании рода — Маргарет София Анжелика Карр.

Насладившись произведенным впечатлением, она мило улыbnулась и позволила увлечь себя в танце удачно подвернувшемуся зеленоглазому молодому человеку.

— Шеридан Винтер, — представился тот.

— Очень приятно, — склонила голову Софи, из-под ресниц рассматривая кандидата номер три. — Мне вас Пресветлая послала, не иначе.

— Рад, что оказался полезным, — сдержанно порадовался лэрд Винтер. — Надеюсь, вы здоровы?

— Благодарю, вполне.

— Что ж, я рад, — удовлетворился кратким ответом он и замолчал.

Молчала и Софи, понимая, что ее поиск скорее всего окончен. Конечно, нужно будет еще десять раз все проверить, навести справки, взвесить все "за" и "против"... Но в том, что кандидат номер три подходит по всем параметрам, сомнений не было. К тому же Сонечка была готова дать руку на отсечение, что романа с лэрдом Винтером не получится. Взаимовыгодное сотрудничество, приятельские отношения и, быть может, даже дружба, но никак не любовь. И это прекрасно, потому что избавляет от разочарований и иллюзий.

Молчали, думая каждый о своем, и Гриры.

Младший хвалил себя за предусмотрительность и неожиданно прорезавшуюся мудрость. Какое счастье, что он предложил дружбу и только дружбу обворожительной лэри Карр. При всем уважении к величию, таланту и красоте Хозяйки Серебряного озера на такое совершенство у него не встанет. "Ибо грешен и ничтожен я" — тряхнув чубом, Ричард Грир забыл думать о северной красотке. Ему бы кого-нибудь попроще и подступнее.

Старший крутил в пальцах пустой бокал из-под лимонада, который сунула ему лэри Карр, уходя, злился и думал, что вечер не удался, а еще со всей отчетливостью понимал, что на все готов для осуществления давешнего сна. Как жить с этим знанием, он ума не мог приложить. А еще было очень обидно, что вальс с серебряной девой он так и не станцевал.

Аделина Блэр тоже сохраняла молчание. Вынужденно. Нет, поначалу-то она попыталась завести разговор с женихом и будущим деверем, но те упорно молчали, не отрывая глаз от лэри Карр. Зачем? Почему? Непонятно. Хозяйка Серебряного озера, конечно, редкостная красавица, но это не причина смотреть на нее так жадно. Это оскорбительно в конце концов. Что со всем этим делать, лэра Блэр решительно не понимала, а потому решила посоветоваться с батюшкой, заодно и насчет жемчуга ему намекнуть. Авось не откажет.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вот уже который час Бен старательно напивался, и все никак. Только-только закачается перед глазами заманчивая пелена забвения, окружающий мир потеряет четкость, и улучшится настроение... Тут же БАЦ! И вспоминается записка отца, в которой даганским по белому написано, что драгоценную попутавшую берега Силию с треском, грохотом и фейерверками исключают из академии и... ТАДАМ... и срочно выдают замуж! За него! За несчастного, напрасно прикидывающегося мужеложцем Бернадра Брюса!

Это же ужас и кошмар! И деваться некуда!

Только коньяк и помогал, оказывал, так сказать, лечебное действие на нервы бедняги Бена.

— Пьешь? — из медовой полумглы вынырнула глумливая физиономия однокурсника.

— Пью, — согласился с очевидным Бен.

— С какой-то радости? — поинтересовался приятель. Или незнакомец. Морда у него то и дело теряла четкость, и вот так запросто опознать ее не было никакой возможности. Впрочем, поддатому Брюсу на такую мелочь было решительно наплевать.

— Все тебе расскажи, — потянулся за бутылкой он.

— Ну не и говори, — глумливо расхохоталась рожа знакомого незнакомца и расплылась словно блин. — Я тебе сам расскажу кое-что. Закачаешься! Хотя ты уже...

— Чего?! — обиделся Бен и начал подниматься, чтобы эту гнусную морду подрихтовать.

— Того, — напустила таинственности в голос неопознанная личность. — Хозяйку Серебряного озера видел?

— Как тебя, — Бен торопливо набулькал себе в стакашок благородного коньяка, потому что упоминание о среброволосой красавице, портрет которой он хотел бы написать, потянуло за собой воспоминание об утренней встрече с Селией, а там и записка папанина припомнилась... — И что? — выпив, спросил он.

— То самое! Знаешь, что наши девочки про нее доподлинно узнали? Не трудись отвечать, лучше послушай. Она лысая!

— Кто? — закашлял, подавившийся лимончиком Бен.

— Ведьма северная! Лысая как колено, говорю я тебе! Потому замуж и не идет, чтоб мужа, значит, не шокировать. А еще!..

— Ты идиот? — сгреб за грудки сплетника Бен, которого до глубины пьяной, но необычайно восприимчивой к красоте души, оскорбило подобное предположение. Та девушка... Лери София Карр, вспомнилось Бенарду имя красавицы, была чистой словно льдинка на солнце, и такой же прекрасной. Только живой и искренней, а от того еще более чудесной. Оскорблять ее все равно что уничтожать красоту.

А этого Бен Брюс никому не позволял. Он отшвырнул от себя сквернавца, медленно поднялся на ноги, покачнулся, но все же устоял...

— Вот что я скажу тебе, образина хренова, — поглядел на испуганного однокурсника. — Вроде ты мужик и даже дворянин местами, а ведешь себя хуже бабы, честное слово. Вызвать бы тебя на дуэль, да мараться не хочется. Вот что... — икнул, вытер рот. — Пойдем сейчас к женскому общежитию и убедимся, что ты врешь. Понял?

— Как? Как пойдем? — дрогнул тот.

— Своими глазами увидим! — гаркнул Бен и ахнул кулаком по столу.

***

— Ах, какой бал! — наперебой восхищались поганки. — Было так весело. Правда, Софи?

— Правда, — откликнулась та, расплетая косы. — Только шумновато. И снега слишком много.

— Ну ты как скажешь, — засмеялась Эдме, стаскивая с себя платье.

— Дай, помогу, — остановила ее Фиона. — Порвешь.

— А теперь я тебе, — позволив надоевшему наряду стечь на пол, Эдме повернулась к сестре.

— Как же хорошо, — откликнулась та, в свою очередь освободившись от бального туалета. — Сонь, о чем думаешь?

— А?.. — не сразу откликнулась та. — Все как всегда: вспоминаю, анализирую...

— Загоняешься, короче, — поняли ее кузины. — Ну и напрасно.

— Вот скажи, что тебя беспокоит, а?

— Не знаю даже с чего начать, — Софи принялась задумчиво расчесывать волосы.

— Начни с начала, — посоветовала Фиона. — И спрашивай пока не дойдешь до конца. Тогда остановись.

— Это из лэрда Кэрролла? — под смех кузин уточнила Софи.

— Да, спрашивай уже, — поторопила Эдме.

— А потом кайся в содеянном, — нетерпеливо притопнула ножкой Фиона.

— Вы такие хорошенькие сейчас, — попыталась увильнуть от разговора Софи. — Эти корсеты и чулки... Я тоже хочу такие.

— Не заговаривай зубы, — тряхнула кудрями Эдме, подступая ближе к кровати, на которой сидела кузина.

— Будет тебе корсет, — нахмурилась Фиона. — И чулочки тоже.

— Звучит как угроза, — поежилась Сонечка, отползая к стенке. — Все-все! Не рычите только! — подняла руки, сдаваясь. — Вопрос первый: почему на балу звучали только вальсы?

— По традиции, и для создания романтической атмосферы, — Фиона прошла туда-сюда по ковру. — Ты правда находишь нас хорошенькими? — неожиданно спросила она.

— Конечно. Будь я мужчиной...

— Тебе это не грозит, — грустно улыбнулась Эдме. — И спасибо за сегодняшний вечер. Весь этот успех... Мы ведь понимаем, что это только из-за тебя.

— Глупости! — рассердилась Софи. — Вы очень хорошенькие, просто оценить это может человек со вкусом, а не пресыщенные студентки, за которых все равно все решают главы родов.

— Ну вообще-то да, — приосанились поганки.

— Конечно да! — постаралась выбросить из головы неприятные мысли Софи.

Хватит казнить из-за того, как она сглупила, позволив эмоциям взять верх во время разговора с пустоголовой невестой Эдварда. Ведь собиралась же как можно дольше прикидываться тихой неконфликтной дурочкой, а сама? Прямо с утра принялась наводить

порядок и дисциплину в ААМ. Потом излишне разоткровенничалась с деканом, ну а под конец дня, взревновала чужого жениха, показала дурной нрав и вздорный характер. Видите ли она — глава рода! Фу-ты ну-ты! А то что, что дура, пустившая по ветру почти все планы, так это не страшно. Зато могущественная... И, похоже, насквозь несчастная...

Так что хватит унывать, надо веселиться, болтать с кузинами и пусть даже через силу радоваться жизни, ведь уныние это грех. К тому же уже завтра после обеда она отправится домой. И будет праздник Середины зимы — время чудес и волшебства, перелом года.

Но сначала лэрд Брюс проведет первое занятие по артефакторике, и это тоже прекрасно, а главное сложно и очень затратно по времени. Грустить и убиваться будет некогда. Еще бы найти понимающих ценителей красоты для неприкаянных поганок, и больше ничего не надо.

Устроившись на кровати, Софи укрылась мягким пледом и собралась подремать. Неугомонные Эдме и Фиона взялись обсуждать еще не вошедшую в роман сцену бала и так увлеклись, что, позабыв одеться, затеяли танцы, грациозно скользя в полонезе. И никто из них не подозревал, что не к ночи помянутый человек со вкусом был уже совсем рядом...

***

Усилившийся к ночи мороз, разогнал на темно-синем с прозеленью небе облака, зажег звезды и выгнал на улицу толстушку луну — нечего зазря сидеть в тереме, надо освещать дорогу добрым и недобрым людям, нелюдям и студентам магикам. Чтоб не потерялись они среди ледяного искрящегося великолепия, не сгнули.

— Глянь, какая красота вокруг, — радовался жизни чутка протрезвевший на свежем воздухе Бен. — Хоть бери краски и пиши.

— Околеем, — его собеседник шмыгал носом и аккуратно освобождал рукав их рук художника. — Пошли лучше в тепло.

— Приземленная ты личность, — Берnard остановился и прищурившись поглядел на однокашника. — Нету в тебе ни полета, ни горения духовного.

— Куда уж мне, — обиделся тот. — Зато ты — гений! Жаль, что неоцененный. Пусти меня уже, придурок.

— Да, пожалуйста, — Бену надоел этот разговор, и он решил уступить приятелю, отпуская его... мордой в сугроб. — Пресветлая в помощь, — безо всякого интереса посмотрел на барахтающегося в снегу парня и пошел к женскому общежитию, не обращая внимания на крики и проклятия, несущиеся вслед.

Хмель на улице почти прошел, голова стала ясная, легкая, в крови гуляло шальное веселье, а душа ждала чего-то такого эдакого. Видать хотела развернуться во всю ширь, мечтала расправить крылья и воспарить. Бернард ничего против не имел и отказывать ей в такой мелочи не стал. На подходе к общежитию разбежался, раскинул руки, шепча накрепко вбитые бабулей заветные слова и взлетел прямо к золотящемуся мягким светом окошку, чуя, что за ним она — среброволосая фея.

Отменив заклинание, отдышался и поспешил утвердиться на карнизе, для чего накрепко вцепился в оконную раму, заглянул в окно и пропал.

Фея была не одна. Да и не фея, а так — маленький усталый котенок, усталый и нежный. Завернутый в одеяло. Почти уснувший. Бен отметил это мимоходом, потому что его вниманием завладели валькирии. Нет, богини плодородия, чьи изображения можно найти в древних парламских храмах. Каждая черта их была совершенна, каждый изгиб женственных тел манил, разжигая желание, каждое движение доводило до исступления.

Хмель на улице почти прошел, голова стала ясная, легкая, в крови гуляло шальное веселье, а душа ждала чего-то такого эдакого. Видать хотела развернуться во всю ширь, мечтала расправить крылья и воспарить. Бернард ничего против не имел и отказывать ей в такой мелочи не стал. На подходе к общежитию разбежался, раскинул руки, шепча накрепко вбитые бабулей заветные слова и взлетел прямо к золотящемуся мягким светом окошку, чуя, что за ним она — среброволосая фея.

Отменив заклинание, отдышался и поспешил утвердиться на карнизе, для чего накрепко вцепился в оконную раму, заглянул в окно и пропал.

Фея была не одна. Да и не фея, а так — маленький усталый котенок, усталый и нежный. Завернутый в одеяло. Почти уснувший. Бен отметил это мимоходом, потому что его вниманием завладели валькирии. Нет, богини плодородия, чьи изображения можно найти в древних парламских храмах. Каждая черта их была совершенна, каждый изгиб женственных тел манил, разжигая желание, каждое движение доводило до исступления.

Улыбаясь друг-другу, красавицы плыли в менуэте, с каждым шагом все ближе подходя к очарованному художнику. А он, позабыв обо всем, любовался ими. Ни холод, ни шаткое в прямом и переносном смысле положение, ни возможное обнаружение не волновали Бена. Перед ним танцевала судьба, воплотившись в двух прекрасных лэри. "Или пэри? Все-таки нет, не похожи они на огненных духов, слишком уж земные, слишком плотские..." — пронеслось в бедовой голове непутевого сына лэрда Брюса, прежде чем он встретился глазами с обеими девами разом.

Как это получилось Бен пытался понять позже. Когда, вернувшись в общежитие, вспоминал случившееся с ним чудо. Имел ли место оптический обман, или вмешалось божественное провидение, позволяя Бернаруду одновременно тонуть в изумрудном море глаз сестер Каррлайл и глупо улыбаться. Но это было потом.

Сначала его обнаружили! И завизжали' Звонко. На два голоса. Словно много раз тренировали слаженность и звуковую мощь. И радостно захохотали, кинувшись к окну.

Бена попросту снесло с карниза. Хорошо, что Пресветлая в милости своей жалеет убогих и пьяненьких, спланировавший со второго этажа Бернард остался цел и практически невредим, если, конечно, не принимать во внимание раненое сердце и вывихнутую лодыжку. Так и пришлось гордому представителю славного рода Брюс спастись бегством из сумасшедшего дома, в который превратилось разбуженное визгом женское общежитие. Зажглись огни, захлопали окна и двери, завывала пожарная сирена, ей вторили свистки старших по этажам... Он ворот бежала охрана и дежурные маги. Академия просыпалась.

Бен снова вспомнил добрым словом бабушку, в последний момент накинул на себя полог невидимости и улетел восвояси. Горным орлом паря над древними зданиями ААМ, окончательно протрезвевший

Бернард свысока наблюдал на поднявшейся суетой и понимал: найдут! Не могут не найти виновника такого переполоха. А значит что? Правильно, валить надо. И желательно к мамочке. Безусловно к бабушке было бы предпочтительнее, но почтенная старушка уже как пять лет находилась у престола Пресветлой.

"Что ж, — поворачивая к родительскому дому, философски рассуждал Бен, — мамуля у меня тоже ого-го. Никому она меня не отдаст. Кроме невесты... Невест... Как бы еще определиться?" Перелетный художник даже зажмурился, рискуя сбиться с курса. "Обеих возьму, — понял он. — Пусть матушка гороскопы заказывает"

***

В доме Брюсов еще не спали. Да и как уснешь, когда темпераментный, а главное деятельный глава семейства находится в расстроенных чувствах? Он не обошел своим вниманием никого: ни детей, ни слуг, ни супругу. Каждый узнал о себе много интересного.

— Довольно, милый, — делая знак сыновьям удалиться, миролюбиво попросила его жена.

Годы были милостивы к лэре Брюс, превратив ее из робкого встрепанного котенка в роскошную уверенную в себе львицу.

— Мешаю заглядывать в будущее? — ядовито поинтересовался лэрд Рэйли, обличающе указуя на пасьянс, который раскладывала супруга.

— Отнюдь, — невозмутимо откликнулась та.

— И что же готовит нам грядущее? — скрестил руки на могучей груди упрямый хозяин дома.

— Неожиданные приятные перемены, — не сразу откликнулась лэра, не поднимая глаз. — Только... — замешкалась она.

— Что такое? — тут же встревожился лэрд Брюс, забыв ругаться. — Что тебя беспокоит, милая?

— Удвоение, все время удвоение, — пожаловалась мужу прекрасная Изабелла. — И все же раз за разом карты сулят благополучие.

— Да куда там, — обессиленно махнул рукой тот и буквально рухнул на диванчик рядом со своей ненаглядной. — Бен ни в какую не

хочет жениться на Силии. Вот скажи мне, чего ему не хватает мерзавцу молодому?

— А чего не хватало в свое время тебе? — лукавая улыбка коснулась женских губ. — Почему ты отказывался от матушки лэри Сайл в свое время?

— Ну ты сравнила, — обиделся лэрд Брюс. — Я же был влюблен!

— И в кого же? — затрепетали шелковые ресницы.

— В тебя, сердце мое! Единственная из женщин, — в который раз признался в любви Рэйли Брюс. — Если бы Бен любил... Никогда бы я не стал принуждать его к браку с этой одаренной кривлякой, клянусь! Но увы...

Договорить помешали звуки приближающегося скандала. Лэрд Рэйли вскочил на ноги, заслоня собой жену и чутко прислушиваясь к разноголосью. Не напрасно. В шуме без труда можно было разобрать: "Пусти! Куда?! Не велено! Пойди умойся, бесстыжий поросенок! Мне надо! Где ты так надрался, братишка?!"

А потом все стихло, словно ножом отрезало, и на пороге гостиной появился расхристаный, лохматый безумно счастливый Бернард, за спиной которого маячили мажордом, экономка и младшие Брюсы.

— Матушка! Отец! Благословите жениться! — выпалил он, бухаясь перед родителями на колени.

— Ась? — схватился за сердце счастливый отец, оседая в кресло.

— На ком, сыночек? — склонилась к Бену мать.

— На девах Каррлайл! — выпалил счастливый влюбленный.

— Ась? — икнул от явленной Пресветлой благодати лэрд Рэйли. — Ась? — требовательно повторил он.

— Никакой ошибки, прекрасно понял его сын. — Я хочу жениться и на Эдме, и на Фионе.

— Ась? — ошарашенный выше крыши человек-гора поглядел на жену.

— Вот и окаянное удвоение, не дававшее мне покоя весь вечер! — облегченно выдохнула она. — В смысле, поздравляю тебя, сыночек.

— С чем позволь узнать, родная?! — наконец-то, обрел дар речи лэрд Брюс. — И зачем?

— Ты сегодня переночуешь у нас, Бенни? — пропустив мимо ушей вопли мужа, обратилась к герою дня лэра Изабелла.

— Если вы с отцом не против, — дипломатично ответил тот.

— Какое там, — потрепала сына по голове прекрасная Изабелла. — Мы с папой будем счастливы. Правда, Рэйли? — она требовательно посмотрела на мужа.

— Тысячу колючек ему в зад, — яростно закивал он. — То есть, конечно же. Это твой дом, Бернард.

— Спасибо, — обрадовался блудный сын. — Мам, как ты думаешь, гороскопы на нас троих уже пора заказывать?

— Твой у меня есть, — поглаживая нервно рычащего супруга по руке, лэра Изабелла подмигнула Бену. — А гороскопами девиц Каррлайл займемся. Только... Милый, ты же не шутишь над своими старыми родителями?

— Мама! — взвился Бернард. — Как можно?! Во-первых, вы не старые! А во-вторых... Пресветлой клянусь, что мечтаю стать мужем очаровательных лери и готов идти под венец хоть сейчас, — торжественно поднял руку. — С обеими или с одной из них, если вторая откажет... — его голос упал до шепота. — Нет, — тут же встрепенулся Бен. — Только с обеими! Вы же поможете мне, мама? Отец?

— Сделаем все, что в наших силах, — пряча улыбку, пообещала лэра Изабелла. — Будь уверен, милый.

— Ага, — откликнулся лэрд Рэйли, и вид он при этом имел такой, словно сам на себя удивлялся. — Ступай к себе, сын. Нам с мамой нужно поговорить.

— Спасибо вам. И простите, что врал насчет... — Бен поморщился, но договорил. Насчет мужеложства.

— Ничего страшного, — скрипнул зубами человек-гора. — Главное, сейчас ты честен.

— Ага... Только есть еще кое-что... — отступая к двери, продолжил каяться Бернард. — Я сегодня оплошал. Совсем чуть-чуть! — торопливо заверил родителей он.

— Самую малость.

— Что? Ты? Натворил? — лопнуло терпение главы семьи.

— Подглядывал за невестами, — покаялся Бернард, замерев на пороге. — Влез на карниз и того... Засмотрелся. Пришлось улетать...

— Все с тобой понятно, — заржал папенька. — Лети уже в свою комнату, голубок, — велел он, вытирая слезы.

— Уже, — у Бена отлегло от сердца. — То есть спокойной ночи.

***

— Что ты улыбаешься? — напустился на жену лэрда Брюса, стоило сыну покинуть гостиную.

— А что прикажешь делать? — удивленно приподняла соболиные брови она.

— Изабо, родная, не время для шуток, — лэрду Рэйли было не до веселья. — Сегодня случилось...

— Чудо, — договорила за него жена. — Чудо и огромная радость. Чем ты недоволен, дорогой? Мальчик образумился, хочет жениться.

— Но две невестки...

— Гораздо лучше, чем один зять, — лэра снова перебила мужа.

— Северные ведьмы...

— Сильные, красивые, одаренные.

— Придется испрашивать разрешение на брак у его величества.

— Испросим.

— А Силия? Что делать с ней? Ведь ее отчислили из академии. Как бы магию не заблокировали.

— А что Силия? Выйдет замуж, и все, — промурлыкала лэра Изабелла, прижимаясь к мужу. — Есть у меня одна кандидатура на примете.

— Только не это, — лэрда Брюса обреченно поник.

— Отчего же? — игриво провела ноготками по его груди жена. — Это прекрасный выход из сложившейся ситуации. Признай, родной.

***

Утро для лэри Карр наступило слишком быстро. Сколько там ей пришлось поспать? Часа три, не больше. "Ну да, три часа" — думала она, умываясь. "Вернулись с бала мы полночь, переоделись, поболтали, потом поганки спугнули какого-то озабоченного студента, чтоб ему икалось" — Софи зевнула до слез и поплелась пить кофе, сваренный отвратительно бодрыми кузинами. "После того, как озабоченного студентика унесло ветром, начался натуральный дурдом" — добавив к кофе сливок и сахара, она сделала первый глоток и поморщилась.

— Редкостная гадость. Все эти добавки только портят вкус благородного напитка.

— И тебе доброго утра, — Эдме сооружала многоэтажный бутерброд.

— Давай меняться, Сонь, — Фиона подвинула кузине свою чашечку. — Черный без сахара.

Та рассеянно поблагодарила и опять погрузилась в мрачные мысли, вспоминая ночной допрос, устроенный ей и поганкам дежурным преподавателем. Его отвратительные намеки... Дескать к порядочным девицам в окна не лезут.

— Мерррзавец, — зарычала Сонечка, перепугав сестер. — Да как он смел говорить такое?

— Идиот, — не раздумывая, поддержала ее Эдме, вручая бутерброд. — Скотина и мужлан. Зато как ты его, а? Просто изничтожила двумя словами. Умничка наша.

— А какая у него была рожа, когда ты писала жалобу на имя ректора!

Загляденье просто.

— Домой хочу, — Софи не разделяла восторгов поганок. — Я за эти два дня так устала...

— Поедем сегодня. Мама за нами заедет... Какая она красивая была вчера на балу. Правда, девочки?

— Очень красивая, — согласилась Фиона.

— Мне кажется, или за нами подглядывал деканский сынок? — Софи оценила попытки кузин приободрить ее и поспешила перевести тему разговора. — Тот, который давешний извращенец?

— Ага, это Бернارد Брюс, — Фиона зафыркала от смеха. — Точно. Только...

— Смотрел он очень по-мужски, — договорила за нее Эдме. — Жадно так... Мы уж всю голову сломали...

— И не пойдем, чего ему надо. Ты уж узнай у декана, — попросила Фиона.

— Как ты себе это представляешь? — растерялась Софи.

— Очень даже просто. Придешь сегодня на занятие, надуешь губки, зевнешь пару раз... И он сам все тебе расскажет.

— Потому что совестливый и ответственный, — коварно усмехнулась Эдме.

— Ну ладно. Если так, я не против, — Софи зевнула до слез.
— Во-во! Так и делай, — оценила Фиона.

***

Напрасно Эдме и Фиона рассуждали о совестливости декана. На него не подействовали ни едва сдерживаемые зевки, от которых закипали слезы в прекрасных девичьих глазах, ни надутые губки. Лэрд Брюс остался глух ко всем уловкам. Вместо того чтобы проникнуться, он велел Софи достать писчие принадлежности и приступил к лекции.

— Магия Земли, девочка, имеет множество направлений, самым ценным из которых, без сомнения, является магия жизни. И, несмотря на это, твой дар более уникальный в силу своей уникальности. Возможность работать не только с камнями, но и с живыми существами... От этого кружится голова.

Софи посмотрела в красные воспаленные глаза человека-горы и подумала, что голова у него кружится совершенно по другой причине. Вполне вероятно, что виной тому недосып, а может и похуже чего.

Словно прочитав ее мысли, лэрд Рэйли сурово погрозил пальцем студентке.

— Так вот о камнях... Всем и каждому известно, что минералы, особенно драгоценные, имеют магические свойства. Взять, к примеру, сапфир. Этот драгоценный камень, при всей своей редкости и дороговизне связан не с богатством и славой, а с чистотой и святостью. Как тебе известно, он посвящен Пресветлой. Вообще голубой цвет символизирует ее непорочность и небесную чистоту. Недаром говорят, что в сапфире можно увидеть символ души, устремляющейся в вечность. Получается, что украшения с сапфиром подходят исключительно особам духовным, девицам или тем, кто к духовности стремится? — коварно спросил декан.

— В Леории сапфир называют камнем монахинь, отождествляя его с чистой совестью. Не зря служительницы Пресветлой носят украшения из сапфиров. Особую силу имеют звездчатые сапфиры, в мерцающей глубине которых пересекаются три луча словно три величайшие добродетели — Вера, Надежда и Любовь. И все же...

Софи позволила себе улыбнуться, мысленно благодаря бабулю и ее науку. Уж ее такими вопросами не напугать.

— Свойства сапфира разнообразны так же, как и его расцветки. С глубокой древности при помощи этого камня исцеляли сердечные недуги, женские болезни, астму, почечные хвори. А еще он укрепляет зрение, помогает при воспалении суставов и различных заболеваниях кожи.

— Замечательно, — похвалил лэрд Брюс. — Рад, что Хозяйки нынче не только в жемчугах разбираются. От себя могу добавить лишь, что уникальные свойства сапфира и соответственно любого другого камня усиливает маг земли, работающий с ним. Высшим же мастерством считается наложение на минералы дополнительных заклинаний. Так один из сапфиров в артефактном браслете или ожерелье может отвечать за ясность ума, другой служить индикатором ядов, а третий выполнять функцию портала. И вот именно этим я планирую заниматься с тобой, драгоценнейшая лэри Карр. Основами плетений мы займемся прямо сегодня, но сначала медитация. Все остальное после.

Софи ничего против озвученного плана не имела, но, помня о наказаниях кузин, зевнула еще разочек и даже надула губки. Бессовестному лэрду Рэйли было до лампы.

— Ах, да, совсем забыл, мне нужно ненадолго отлучиться, — как ни в чем не бывало заявил он. — Верю в вашу сознательность, лэри, вместо себя оставляю Таби. Она и уйти на слишком глубокие планы не даст, и уснуть не позволит. Засим, прощаюсь, надеюсь ненадолго, — откланялся негодник декан.

***

Рэйли Брюс очень спешил. До назначенной Барти аудиенции оставалось совсем мало времени.

— Четверть часа на дорогу, две четверти на разговор, — поворачивая кольцо- портал, считал он. — Или три? Еще ведь и назад возвращаться нужно. А у меня там девочка... Обиженная и сонная. Эх...

Ворча, расстраиваясь и кляня на все корки дворцовую архитектуру, лэрд Брюс махнул рукой коменданту дворца, в кабинет которого переместился и поспешил на встречу с королем. Хорошо иметь самодержца в однокашниках.

— Чего тебе? — злопамятный Бартемиус мрачно поглядел на старого друга. — Раскаялся? Извиняться пришел? Или жареный петух тебя в зад клюнул?

— Именно что клюнул, — нервно вытер лысину Рэйли. — И как раз в зад.

— Не понял... — растерялся Барти. — Что случилось? Говори по-человечески.

— Бен решил жениться, — отвел глаза тот.

— На ком? — помолчав, осторожно спросил король, подозревая самое худшее. Ведь о пристрастиях среднего Брюса он знал.

— На девах Каррлайл, — пожаловался человек гора и поник, рухнул в кресло, словно из него все кости вытащили. — Кузинах лэри Карр.

Бартимеус облегченно выдохнул, помянул Пресветлую и, не торопясь, встал. Подошел к сейфу, вытащил из него дело Хозяйки Серебряного озера и так же неспешно вернулся на свое место.

— Так-так-так, — зашуршал страничками король. — Девы Эдме и Фиона... Мать, мать... Ага, красавица Нэлианна... Как же, помню-помню... Магия Земли... Эксцентричные... Ох, ты ж... Любовные романы пишут. Ты смотри! — восхищенно присвистнул он. — Подожди, я не понял. На ком именно хочет жениться Бен?

— На них — ткнул пальцем в папку лэрд Брюс. — На обеих.

— Шутишь? — голос монарха опасно дрогнул. — Издеваешься? Забыл с кем говоришь?

— Силой клянусь, — еле слышно ответил старый друг. — Прискакал вчера домой, в ноги кинулся... Представляешь?

— А девы что? — растерял воинственность Барти.

— Хрен его знает, — честно признался декан. — Я сначала к тебе за благословением, то есть за разрешением...

— Ко мне... — почесал в затылке король. — А знаешь, ты молодец, — оживился он.

— Правильно надумал. Я прямо сейчас разрешение и подпишу. А ты выгляни в приемную, позови Грира и не вздыхай как беременная

корова. Все будет хорошо. Я тебе говорю.

***

— Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего, — мрачный словно снеговая туча декан смотрел на спящую ведьмочку.

Та свернулась калачиком на шелковой травке под редчайшим экземпляром горной лиловой ели и бессовестно дрыхла, а под боком у нее сладко посапывала бесстыдница Таби.

— Воистину, когда боги желают наказать, они выполняют наши желания, — не иначе как золотым рыбкам, лениво шевелящим плавниками в маленьком водоеме, пожаловался лэрд Рэйли. — Взять хотя бы меня... Мечтал сыночка женить — получи двух невесток и ворох интриг, идиот старый, — вуалехвосты декана проигнорировали. Их не волновали проблемы человека-горы.

Да и не было никому до этих самых трудностей никакого дела: ни упертому засранцу Бену, ни Барти, ни Изабелле... Тут лэрд немного кривил душой. Бернаруду он готов был хоть гарем организовать, лишь бы не раздумал жениться и не вернулся к своим завиральным идеям. Изабо тоже можно было понять. Она жила интересами своих детей. Вот Барти поступил как распоследний козел.

Он конечно же вошел в положение старого друга и подписал разрешение на брак. А ведь мог упереться, принимая во внимание неординарность ситуации. Все-таки Дагания не Парлам с его женскими гаремами и не Адан, в котором гаремы, наоборот, мужские. Благо Пресветлая в милости своей благословляла разные союзы.

— Мало я его лупил, — вспоминая детство золотое и сопливого в то время монарха, жалел Рэйли Брюс. — Надо было больше.

Дело в том, что его упертое и злопамятное величество от планов на Хозяйку Серебряного озера не отступилось. Взамен треклятого разрешения король попросил старого друга об ответной услуге. Нет-нет, зная щепетильность приятеля и помня его прошлый отказ, ушлый Барти не требовал ничего недостойного, просто предложил некий план...

— Дружище, — вещал он с умным видом, — подумай сам, разве сватовство, да еще такое... неординарное и масштабное... Эй, не

злись, я не про габариты прекрасных дам, а про их количество. Одним днем такое не решишь. Да не вскакивай, придурок! Я на полном серьезе. Праздники на носу. Северные ведьмы к себе поедут, напросись с ними. На предмет ближайшего знакомства, — Бартимеус многозначительно пошевелил бровями. — Возьми с собой семью. И...

И умолк гад! С детства обожал мотать нервы окружающим. Молчал и преданный ему Грир, уткнулся в бумажки и слова не проронил. Ну и лэрл Рэйли тоже от коллектива отрываться не стал. Что он рыжий?

— Возьми семью и братьев Гриров, — наконец, разродился самодержец, дери его конем. — И не надо на меня так смотреть. Пусть молодые люди пообщаются в неформальной обстановке. Это сближает, знаешь ли.

— И как ты себе это представляешь? — не понял лэрд Брюс. — Мало того, что я сам к девочке в гости напрашусь, так еще и с прицеп в виде Гриров с собой тащить?

— Что такого? — махнул рукой на вскинувшегося обер-секретаря король. -

Гриры тебе мешать не будут. Или ты не хочешь стеснять лэри? Ну так остановись у Теодора Глейва. Они с лэри Карр соседи. И вообще, не дури, Рэйли. Подумай о сыне.

Деваться было некуда. Пришлось соглашаться.

— А что я, собственно, так казнюсь? — лэрд Брюс перестал бегать по кабинету, как бывало у него всегда в минуты волнения. — В конце-то концов нет ничего плохого в том, что девушки в кои-то веки проведут праздники в обществе достойных молодых людей. К тому же лэри может с ходу послать меня куда подальше вместе с семьей, Грирами и разрешением на брак.

Эта простая мысль, как ни странно, успокоила декана, зато повлекла за собой другую... еще более приземленную.

— С этими делами и пожрать было некогда, — вспомнил человек-гора. — А время уже к полудню. Непорядок.

***

Софи разбудил божественный аромат кофе. Все в нем было соразмерно: и горечь благородных зерен, и терпкая нотка кардамона, отзвук коричных нот и бутонов гвоздики. И мнилось, что сварен он понимающим человеком. Таким, который не будет портить божественный напиток сахаром, молоком или, упаси Пресветлая, сливками. Нет! Этот кофе черный, словно парламская ночь. И такой же горячий. И налит он не в фарфоровые наперстки на один глоток, а в могучие фаянсовые кружки. В холодную погоду об их бока так приятно греть руки. И подают к такому кофе не изящные пирожные, укутанные в пену салфеточного кружева, а здоровенные бутерброды с копченым мясом, сыром, салатом, помидорами и каким-нибудь острым соусом...

Сглотнув набежавшую слюну, Софи потянулась и открыла глаза.

— Доброе утро, лери Карр, — откуда-то слева послышался веселый голос декана, заставивший ее подпрыгнуть и вскочить на ноги. — Как прошла медитация? Единороги не снились ли?

— Простите, — Сонечка никогда еще не чувствовала себя так глупо. Она замерла, даже глаз стеснялась поднять.

— Чего уж там, — проявил великодушие лэрд Брюс. — Ваша вина не столь велика. Доля ее лежит и на мне... И гораздо большая, чем вы думаете. Дело тут не только в Таби, которая проспала все царствие небесное, но и в... Впрочем, об этом позже. А пока хватит смущаться, иди сюда, лэри, попей со мной кофейку по-свойски.

— Спасибо, — преодолела смущение она.

— Садись, откушай чем Пресветлая послала.

Софи подошла к накрытому столу и замерла. Он был сервирован точь-в-точь, как мечталось спросонок. Черный кофе в кружках, аппетитные бутерброды и никаких тортиков.

***

Сказать, что декан озадачил Софи — не сказать ничего. Новости, которые лэрд Брюс обрушил на голову Хозяйки Серебряного озера, были возмутительны, оскорбительны и скандальны. В первый момент обидевшаяся до глубины души девушка даже была готова послать

декана куда подальше, но все же сумела взять себя в руки, задуматься и посмотреть на ситуацию с позиции главы рода.

Союз с могущественным многочисленным и древним родом Брюс мог быть весьма полезен. К тому же не стоило сбрасывать со счетов одобрение короля. Ну и наконец... Более родовитого жениха поганкам не найти. Как ни грустно, но это так. В лучшем случае их ждут браки с вассалами рода Карр, уступающими по силе и одаренности кузинам.

С другой двадцать пятой стороны, репутация жениха была, мягко говоря, очень своеобразной. Но самое главное, он был один! А поганок-то две! И что прикажете делать бедной Сонечке?

— Что вы решили? — нарушил затянувшееся молчание потенциальный родственник, подвигая к почти сватье тарелку с бутербродами.

— Пока ничего, — Софи с отвращением посмотрела на предложенное угощение. Сейчас она и кусочка не смогла бы проглотить. Аппетит пропал напрочь.

— Бен хороший мальчик. Упорный и честный. Не отвергайте его вот так сразу. Дайте возможность показать себя. Может быть ваши кузины разглядят его, оценят... Хотя бы одна из них...

— Что же вы со мной делаете, лэрд Рэйли? — Софи переплела нервно подрагивающие пальцы. — Вы же просто без ножа режете... Ладно, — тряхнула головой она. — Так уж и быть, приезжайте к нам на праздник. Но будьте готовы к тому, что кузин неволить я не стану. И не забудьте о лэре Каррлайл. Она — мать, ее одобрение необходимо. И еще... Если ваш мальчик, — слова едва срывались с губ и падали тяжелыми камнями, — или вы насмехаетесь надо мной, пощады не будет. Только месть.

— Я бы не посмел, — с трудом взял себя в руки человек гора. — Как можно?! — вскипел он.

Дожил! Какая-то пигалица будет его в бесчестии обвинять. И, главное, ведь правду говорит. Но ничего-ничего, он все выдержит. И промолчит. И сделает вид, что мечтает породниться с дикими северными ведьмами, будь они неладны мерзавки вольные. В конце концов это ради семьи. Ради сына. И вообще... Может еще и сложится все.

— Мы отбываем сегодня, — Софи встала. — Вы с нами, мэтр?

— Хотелось бы, — поднялся на ноги декан.

— Прекрасно, в таком случае встречаемся в семь пополудни у порталной станции, — поспешила откланяться лэри Карр.
Кофе и бутерброды так и остались нетронутыми...

***

— Девочки, у меня для вас новости, — прямо с порога начала Софи. Видимо деканская прямота оказалась заразной. — Вас сватают.

— Кто?! — вытаращила глаза Эдме.

— Как?! — Фиона прикрыла ладошкой рот.

— Мэтр Брюс. Прервал мою медитацию и с размаху осчастливил. Жаждет, чтобы вы осчастливили его третьего сына, согласившись стать его супругами.

— Извращенца? — обомлела Эдме.

— Давешнего дебошира? — для надежности прислонилась к стеночке Фиона.

— Да.

— Шутишь? — понадеялась Эдме. — Или он пошутил?

— Какие шутки? — Фиона покачала головой. — Посмотри на Софи. У нее же лицо перевернутое.

— Мало ли, — не сдавалась Эдме.

— У него королевское разрешение на руках. Сами понимаете, случай неординарный... — сонечкин голос дрогнул и затих.

— Эй, ты чего? — забеспокоились кузины. — Помертвела вся. Ну-ка давай, пошли в комнату. Ага, так. Садись на диванчик. Чайку попей. И не психуй. Прорвемся, — успокаивающе ворковали они. — Подушечку под спину. Так. А под ноги скамеечку. Умница. А вот это нюхни...

— А... Ак-ха-кха! — Софи всей грудью вдохнула коварно подсунутые под самый нос нюхательные соли. — Вы с лэрдом Брюсом сговорились и хотите меня доконать?

— Как ты догадалась? — Фиона уселась слева от кухни.

— Она умная, вот и разоблачила нас, — справа устроилась Эдме.

— Девочки, — тихонько спросила Софи, — почему вы такие спокойные?

— А чего волноваться? — невозмутимо откликнулась Эдме.

— Дело-то житейское, — рассудительно добавила Фиона.

— К тому же у нас ты.

— И мама.

Софи пораженно переводила взгляд с одной сестры на другую. Несколько раз она порывалась сказать что-то, но закрывала рот.

— И не говори, пожалуйста, что это невысказано.

— Мы и сами это осознаем.

— Обещаем быть рассудительными.

— И разумными.

— Но признай, выхухоль, что это демонски романтично.

— Как в романе.

— А еще пикантно.

— Гораздо круче одинаковых туалетов.

Софи закрыла глаза и застонала.

— Не грусти, сестренка, прорвемся, — пообещала Эдме.

— Они у нас еще наплачутся, — погрозила кулачком Фиона.

Сестры помолчали, думая о своем.

— А вообще-то он шустрый, хоть и шибздик, — мечтательно протянула Фиона.

— Мышь копны не боится, — Эдме задумчиво почесала нос.

— Главное, чтоб не надорвался, — подвела итог Софи.

Минута на осмысление, и гостиная наполнилась звонким девичьим смехом.

***

Реакция Нэнни на известие о скандальном сватовстве была ожидаемой. Лэра Каррлайл возмутилась до глубины души. Ее голубки... Нет, кровиночки... Хоть и поганки! Заслуживают самого лучшего! А их словно пучок редиски в базарный день норвят сторговать подешевле да еще и одному покупателю! Безобразие!

— Я этого не потерплю, — пообещала она, устраиваясь в экипаже. — Я им всем покажу! Они на всю жизнь запомнят нынешние праздники.

— Кто, мамуль? — придвинулась к ней Эдме.

— И сваты, и возможный зятек, — накрывая ноги дочери теплой полостью из меха полярного волка, — ответила лэра Нэлианна.

— Ну ты и сурова, — одобрительно хихикнула Софи, усаживаясь напротив.

— Настоящая теща, — восхитилась Фиона.

— А вы сомневались? — для порядка нахмурилась Нэнни. — Укутывайтесь, девочки. Мороз нынче сильнейший. Как бы наши нежданные гости в дороге не обморозились, — в голосе уважаемой дамы послышались мечтательные ноты, а на губы напозла улыбка. Словно бы она уже воочию любовалась обмороженными носами Брюсов.

— Обожаю тебя, — засмеялась Софи.

— Ты лучшая, — поддержали ее поганки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На портальной станции верная своему слову Нэнни экипаж не покидала и поганок не выпустила. Так что с гостями общаться пришлось Софи. Познакомившись с лэррой Брюс и ее младшенькими, которые по росту догнали папеньку, и договорившись о маршруте следования, девушка собралась вернуться в карету, как увидела спешащих к ней Гриров.

— Какая встреча! — образовался младший, завладевая ручкой лэри и припадая с поцелуем. — Искренне рад видеть.

— Позвольте и мне выразить радость, — на его место заступил старший из братьев.

— Не ожидал вас здесь увидеть, — натурально обалдел лэрд Рэйли, успевший напрочь забыть и об уговоре с королем, и о братцах дипломатцах. — Какими судьбами?

— Решили провести праздники с дедом, — многозначительно поглядел на смущенного Брюса Эдвард Грир. — Он гостит у лэрда Глэйва в Холодном мысу.

— Похвальное желание, — одобрил мэтр Брюс. — Это вроде бы недалеко от вас? он вопросительно глянул на Софи.

— Совсем рядом, — коротко ответила она, кутая руки муфтой.

— А вас куда Пресветлая несет на ночь глядя? — негромко спросил Ричард напряженного непривычно молчаливого Бена.

Приятель молча отмахнулся. Не до тебя, мол.

— Прекрасная лэри, — неугомонный Дикон оставил в покое Бена и переключился на Софи, — позвольте навестить вас во время праздников.

— Милости прошу, — сказала пораженная таким напором Софи. — Буду рада видеть вас с братом в Разрушенном замке, — она кинула взгляд на странно молчаливого Эдварда.

— Благодарю за себя и за него, — белозубо улыбнулся, рассыпаясь в благодарностях, Ричард. — Вы исполнили мечту моего детства. Всегда хотел увидеть легендарный замок Хозяек.

— Отстань от лэри, не видишь, что она совсем замерзла, — перебил его Нэд и, не обращая внимания на удивленные взгляды

Брюсов, помог Софи забраться в тепло кареты.

— Ждите нас! — заткнуть Дикона еще никому не удавалось. —
Завтра! К завтраку!

— Не слушайте его, лэри, — шепнул в девичье ушко Эдвард и замер, наслаждаясь горьковатым ароматом донника и солнца. Именно так пахли серебряные волосы Софи.

— Отчего же? — она почему-то не торопилась отстраняться. — Наши завтраки достойны того, чтобы на них присутствовать. Настоящие даганийские. Знающие люди поворачиваются в сторону поместья и принимают, сглатывая голодную слюну в тот момент, когда сервируют стол в Разрушенном замке. Не то что у попавших под леорийское влияние Глэйвов. И вообще... — ведьмочка фыркнула по-кошачьи.

— Что? — у Грира кружилась голова.

— Дедушку тоже привозите, нечего пожилому человеку мучиться от сквозняков в продуваемом всеми ветрами каменном сарае, который не зря называют Холодным мысом.

— Приеду, — рвано выдохнул он, хотя по уму стоило бы бежать подальше от северных ведьм, чье волшебство лишало разума и воли. Только сил на это уже не было.

— Софи, — раздалось суровое, — нам пора. Время позднее. Мороз крепчает...

Дальше он не слушал, разжал руки, отпуская... Отстранился и словно пьяный пошел к своему экипажу.

***

Хвала Пресветлой, младшему хватило ума заткнуться и молчать всю дорогу до замка. Но и тех взглядов, которые он бросал на Эдварда было достаточно. Так и хотелось врезать ему по мудрой всепонимающей морде. Чтобы стереть с нее улыбочку. Нашелся тоже знаток душ человеческих.

Лучше бы не на Нэда пялился, а задумался о своих манерах и перестал кокетничать напрапалу со всякой смазливенькой девицей. Не говоря уж о Софи.

Как же от нее пахнет...

***

"Чем дальше на север тем теплее..." — с удивлением понял Нэд, выходя из кареты во дворе замка гостеприимных Глэйвов. "Даже озеро не замерзло" — вспомнил открывшуюся ему панораму величественного в своей суровой простоте замка.

Знаменитый на все королевство Холодный мыс словно бы вырастал из скалы, окруженной кристальными водами озера. Он был плотью от плоти северных гор, их гордостью, их неотъемлемой частью.

Впрочем, Эдварду не было дела до окружающих красот. Хотелось остаться одному, рухнуть в постель и уснуть. А утром вскочить ни свет-ни-заря и мчаться к ней. К удивительной лери Карр. Однако же, человек полагает, а Пресветлая располагает... Пришлось общаться. Много и долго. Сначала с хозяевами, вернее с хозяином, его сын был еще слишком молод. Потом с дедом...

Хорошо еще, что тот принял приглашение в Разрушенный замок. И даже с восторгом. А ведь с таким же успехом мог и отказаться, пуская коту под хвост все планы его величества. И не только его.

***

Не зря, ох, не зря лэрд Гамильтон Грир — эстет, коллекционер, ценитель прекрасного, а заодно глава Коллегии иностранных дел в отставке мечтал побывать в Разрушенном замке. Попасты в вотчину Хозяек Серебряного озера можно было только с их приглашения. Не получив его, назойливый гость так и оставался среди древних развалин.

Другие маги тоже защищали свои земли, в этом не было ничего удивительного. Защитные контуры, усиленные магией рун, напитанные кровью служили надежным щитом, но не таким всеобъемлющим. Хозяйки не только оберегали свои земли и жилища. Они защищали людей. Семьи арендаторов, получив покровительство рода Карр, жили словно у Пресветлой за пазухой. Тихо мирно занимались ювелирным промыслом и горя не знали под сенью Разрушенного замка.

Такую или даже более подробную лекцию мог бы прочесть своему семейству лэрд Брюс, но он молчал, погруженный в раздумья.

— Что тебя беспокоит? — придвинулась к нему жена.

— Гриры, — прежде чем ответить, Рэйли Брюс кинул настороженный взгляд на задремавших младшеньких и мечтательно улыбающегося средненького. — Они будут только мешать.

— Не думаю, — лэра Изабелла была непрошибаема. — От Гриров будет сплошная польза. Посуди сам. Неугомонному Дикону на хвост сядут Винс и Терри, — она указала на спящих близнецов, Эдвард совершенно очарован прекрасной Софи. Гамильтон Грир наверняка будет искать общества лэры Нэлианны.

— Ты думаешь? Он?.. — Рэйли изобразил некий не совсем приличный жест.

— Я думаю, что лэрду Гамильтону, — со значением сказала достойнейшая мать семейства, — потребуется общество разбирающегося в искусстве человека. Не более того. Главное, что лэра Каррлайл будет вынуждена тратить свое время на старенького Грира, а не на нашего Бернарда.

— А чем в такой случае будем заниматься мы с тобой, Изабо? — игриво спросил успокоенный Брюс.

— Что за вопрос? — соизволила удивиться она. — Мы будем помогать молодым общаться. Ненавязчиво, Рэйли. Деликатно и ненавязчиво. Ты меня понял, милый?

— Да, дорогая. Кажется подъезжаем.

***

Старый дом глядел на приехавших провалами окон. Через проломы крыши струился холодный свет луны... В неверных лучах солнца мертвых замок казался заброшенным и зловещим... И мнилось, не люди — призраки населяют его, бестелесными тенями скользя над черными камнями, стена и жалуюсь.

— Добро пожаловать в разрушенный замок, — прогоняя ночные мороки, зазвучал нежный голос Хозяйки Серебряного озера.

Повинуясь ему, зажглись факелы, послышался лай собак, хлопанье дверей, веселый смех и гул голосов. Откуда-то потянуло

запахом печева.

— Рада приветствовать вас в доме моих предков, — лэри Карр распахнула тяжелую дверь. — Прошу, — посторонилась она, пропуская оробевших гостей внутрь.

Словно во сне шагнули они через порог Разрушенного замка и замерли пораженные, оказавшись в роскошном холле. Обшитые деревянными резными панелями стены, хрустальный купол потолка, сквозь который подглядывала любопытная луна, изысканно изогнутая лестница, стыдливо прикрывшись коврами вела на второй этаж...

— Обалдеть! — хором заявили Винс и Терри, транслируя общее мнение.

— Это только начало, — так же слаженно откликнулись поганки. — Что вы смеетесь?

— Мы радуемся, — мягко улыбнулась лэри Изабелла. — Радуемся жизни. Слишком уж силен контраст... Благодарю за приглашение, лэри Карр. Уверена, что нынешние праздники будут незабываемыми.

— Не сомневаюсь в этом, — как можно вежливее ответила Софи, старательно скрывая расстройство. О столь желанных ее душе покое и тишине придется только мечтать, к бабке не ходи. И ведь это еще не все гости... "Помогай, Пресветлая" — взмолилась она, подавая слугам знак приблизиться. Следовало выполнять долг хозяйки дома и заниматься гостями.

***

После того, как приехавшие были накормлены, напоены и размещены в самых удобных покоях замка, Софи пошла к нянюшке.

— Нэнни, можно к тебе?

— Что такое, горlinkка? — встревожилась та, приподнимаясь на кровати. — Что с тобой, милая?

— Тут такое дело... — смущенно ковырнула ковер носком тапочки всемогущая Хозяйка Серебряного озера.

— Иди ко мне, — велела Нэнни. — Лезь под одеяло и рассказывай.

— Ты же не сердись на меня?

— Да за что, помилуй, Пресветлая, мне сердиться на свою любимую девочку? — растерялась Нэнни. — Или есть что-нибудь такое, о чем я не знаю? — она требовательно заглянула в глаза воспитанницы.

— В смысле? — не поняла Софи. — Ты про что сейчас?

— А ты про что? — в свою очередь заморгала лэра Нэлианна.

— Я про гостей. В смысле про Гриров, — глядя на облегченно выдохнувшую нянюшку, созналась Сонечка. — Наверное не стоило их звать, когда у нас тут такое. Сватовство и все дела... А ты про что подумала?

— Я? Да, собственно, о том же самом. О чем же еще, — схитрила Нэнни. — Не волнуйся ты из-за этих Гриров. Они нам нисколько не помешают.

— Правда? Ну, хорошо. А то я все думала о кулуарности предстоящего... Все-таки ситуация неординарная. Да и возможный союз будет более чем нестандартным. Триада... Если подумать, дыхание заходится. Ведь лет триста в Дагании таких браков не заключали.

— Даст Пресветлая еще лет триста не заключат, — понадеялась лэра Нэлианна.

— А если вдруг у девочек сладится?

— Тогда тем более Гриры ничем не помешают. Даже наоборот — помогут.

— В каком смысле?

— В самом прямом, — нахмурилась Нэнни. — Представляешь, какой скандал поднимется при оглашении помолвки? Возможном оглашении, — подчеркнула она. — Сколько грязи выльется на головы девочек? Какой вал сплетен обрушатся на них? — женщина замолчала, нервно сжимая кулаки и стараясь отдышаться. — Так что Гриры очень даже к месту. Помогут поганкам понять, что о всякой приватности придется забыть.

— Ох, — прониклась Софи.

— Не пугайся, детка, может еще обойдется, — обняла ее нянюшка. — А если и не минует нас чаша сия... Брюсы — достойный и могущественный род. Нашему не уступает. Да и пересечений с ними давненько не было. В случае чего детки здоровенькими у поганок будут. Крепкими и магически одаренными. Только это и примиряет

меня... Ладно, хватит об одном и том же. Да еще и на ночь. Как бы не накаркать, — совершенно по-простецки она поплевала в окошко, отгоняя сглаз. — Лучше спи, горлинка моя.

— Я останусь у тебя?

— Конечно, милая, — Нэнни потушила свечу. — Сладких тебе снов.

***

Раннее утро застало Нэда в дороге.

Сам себя не узнавая, он вскочил ни свет ни заря, наскоро хлебнул кофе и побежал будить родню. Следовало поторопиться, до Разрушенного замка неблизко, а опаздывать на завтрак не хотелось. Слава Пресветлой, дед уже встал, а Ричард... Мерзавец обнаружился в ванной. Он брился.

— Ты чего делаешь? — опешил старший брат.

— А ты не видишь? — по-котовьи прищурился этот паразит.

— Я не понимаю с какой-такой стати? — Эдвард нервно почесал бороду.

— Надоело, — пожал плечами Дик. — Хочется чего-нибудь нового.

— Знаю я, чего тебе хочется, — сжал кулаки Нэд. — Кобель. Даже не думай! Не смотри в ее сторону! Понял?!

— Я про тебя давно все понял, — не впечатлился поганец. — В себе сначала разберись, а потом на людей кидайся.

— Да ты!..

— Отвали, у меня бритва в руках, — нехорошо улыбнулся Ричард, временами отступающий от своего амплуа балагура и шутника. В такие минуты он делался страшен. — Еще порежусь.

— Придурок, — с чувством высказался Нэд, но все же отступил, проявляя здравомыслие. — Потом поговорим.

Дикон не ответил. Он напевал что-то веселенькое и нежно водил по горлу бритвой.

И словно мало Эдварду было братовых фанаберий, еще и лэрд Глэйв обиделся не на шутку. Мол, собирались погостить, а сами срываются, только их и видели. А уж когда узнал, что Гриры к

Хозяйкам едут, и вовсе посмурнел, махнул рукой и торопливо скрылся в замке.

— И что это было? — Эдвард непонимающе смотрел вслед хозяину Холодного Мыса.

— Обычные разногласия между соседями, — быстро ответил дед. — Не бери в голову.

— Как скажешь, — согласился тот, но галочку на память себе сделал.

Расспрашивать же деда было бесполезно. Если сразу не рассказал, потом из него и подано слова не вытащишь. Гамильтон Грир вообще не любил делиться информацией, считая ее самой ценной субстанцией в мире.

— У кого знания, у того и власть, — любил повторять этот небольшой сухонький человек с необыкновенно живыми глазами. В их темной глубине светилась жизнь, бурлило веселье, за которым прятались мудрость и острый ум. Годы, окрасившие серебром волосы и покрывшие морщинами лицо лэрда Гамильтона, ничего не смогли поделать с ними.

Так и получилось, что дорога прошла в молчании. Каждый из Гриров думал о своем, мечтал, грезил или спал... Только вид Разрушенного замка заставил их заговорить.

— Это что? — глядя на увитые плющом развалины приземистого двухэтажного особнячка, присвистнул Ричард.

— Не свисти, денег не будет, — велел ему дед. — И не кривляйся, ты стоишь перед легендарным овечьим легендами строением.

— Ну, не знаю... — отказывался верить родичу Дикон. — Это похоже на заброшенную ферму, а не на замок. Даже башня у него, — он ткнул пальцем в притулившуюся к основному зданию пузатую башенку, — похожа на силосную. Ай, дед, не дерись! Больно же!

— Охламон, не позорь семью. Сию секунду разуй глаза и узри красоту магических плетений! — горячился лэрд Гамильтон. — Неуч и позор рода.

— Надо как-то дать знать о себе, — подал голос Эдвард, в глубине души согласный с младшим братом. Какие к хренам плетения? Какая красота? Как его девочка может жить в таких условиях?

Ничего хорошего от надвигающихся праздников Силия не ждала. Откровенно говоря, она вообще не ждала от жизни ничего хорошего. И оказалась права.

Начать с того, что мать, забирая ее из академии, и двух слов не сказала. Так и молчала до самого дома, а, едва войдя, отвесила дочери пару увесистых оплеух и отослала ее прочь. Силия пошла. А что делать? Воевать? Взывать к справедливости? Жаловаться? Все это в их семье считалось проявлением слабости и никого не интересовало.

Зайдя в комнату, девушка услышала, как поворачивается в замочной скважине ключ, хмыкнула, потерла горящую щеку и отправилась в уборную. Там, присев на бортик ванной, пустила воду и только потом разрешила себе заплакать. Со слезами, выплескивая свою обиду.

Почему, ну почему все так? Так плохо? Так унижительно? Так ужасно? Почему она не нужна никому: ни матери, ни отчиму, ни распроклятому жениху? Который, впрочем, уже и не жених вовсе. Надо же рожу от нее воротил, мужеложцем прикидывался, а сам... Как он мог променять терпеливую всепрощающую ради возможного брака Силию на... "А на кого собственно?" — шмыгнула носом она. А потом поняла, что разницы никакой нету. Променял и все. И хрен с ним.

Обидно только, что все на свете винят в случившемся разрыве ее. Непонятно почему? Разве это Силия усиленно отказывалась от общения, прикидывалась извращенкой или позволяла себе хоть какие-то вольности в отношениях с противоположным полом. Разве это она давала поводы для сплетен и кривотолков? Разве это от ее репутации остались только клочья?

Нет! Нет! И еще раз нет!

Единственно, что себе позволяла Силия это гордость. Потому что без нее никак... Без нее растопчут и не заметят.

И еще, возможно, капельку любопытства. Совсем маленькую. Крошечную. Надо же быть в курсе происходящего. Держать руку на пульсе. Просто чтобы не чувствовать себя душой...

— Подержала, — Силия с ненавистью посмотрела на свое заплаканное лицо. — Умница! Зато теперь ты в курсе всего! Знаешь цену обещаниям Брюсов. И свою цену тоже знаешь! Ты стоишь одного подслушанного скандала. Дешевка! Тебя выкинули из академии, со дня на день запечатают магию, как и всем недоучившимся идиоткам, а

потом... А я ведь не знаю, что потом... И мне так страшно! Страшно!
И выхода никакого нет, хоть в петлю...

Сказала так и ужаснулась. Ну, нет. Не будет такого. Не станет Силия Сайл губить свою душу. Не дождутся этого Брюсы. Будь они трижды прокляты!

Весь день Силия провела в одиночестве. Вечером к ней тоже никто не зашел. Правда раз из коридора слышался голосок младшего братика, звавшего ее по имени... Но как по волшебству появившаяся мать уверила Мартина, что ему показалось.

— Силия все еще учится, милый. Ты увидишь ее весной. Иди к себе.

— Да, мамочка, — согласился мальчик.

Шаги за дверью стихли, оставляя Силию наедине с тишиной... Потом к ней прибавилась темнота, а потом компанию составил голод.

Утром в двери заскрежетал ключ. Вошла мать. Прямая. Холодная. Как всегда безупречная. Поглядела на дочь и брезгливо поморщилась.

— Собирайся. За тобой приехали.

— Мама, кто?.. Я ничего не понимаю... — кинулась к ней Силия.

— Ничуть в этом не сомневаюсь, — скривилась она. — Ты вообще на редкость глупа. И неудачлива. Вся в покойного папочку. Поэтому я готова еще раз повторить: собирайся. Ты уезжаешь отсюда. Насовсем.

— Но...

— Избавь меня от истерик, — гадливо поморщилась лэра Сайл. — Просто приведи себя в порядок и спускайся.

Силия, было шагнувшая к матери, отшатнулась как от удара.

— Сколько у меня времени? — выпрямившись в струнку, спросила она.

— Четверть часа, — одобрительная улыбка напозла на нежно-розовые губы. — А потом, боюсь, мне придется прислать за тобой слуг. Дабы поторопили.

— Я успею, — заверила девушка, мимоходом подумав, что нежными в матери только и были губы. Да и то только из-за оттенка помады.

Ничего не ответив, лэра удалилась, оставив Силию в одиночестве. Та постояла в задумчивости... Покачалась с мыска на пятку... Оглядела комнату... и поняла, что собирать-то и нечего. Личные вещи,

привезенные из академии так и остались не распакованными, а тут все чужое, холодное и ненужное.

— Зато не опоздаю, — стараясь не думать о том, что ожидает впереди бесшабашно улыбнулась Силия. А то, что в глазах закипают слезы, а в груди засел ледяной ком это ерунда и мелочи жизни, которые никого не интересуют.

***

Четверть часа спустя Силия спустилась в холл, где ее ожидал отчим в компании с каким-то мужчиной. Взволнованная девушка толком не разглядела незнакомца. Все ее силы уходили на то, чтоб казаться спокойной и сохранять благопристойность. Где уж тут лэрдов рассматривать?

Отметила только, что мужчина высок, если не сказать огромен. Пожалуй что декану, чтоб ему пусто было скоту лысому, ни в чем не уступит. А, нет... Этот не пузатый и не плешивый. Зато с бородой. "И что это все взялись кусты на физиономиях отращивать? Не дворяне, а сплошь лесники и скотоложцы. Тьфу ты. Скотоводцы, то есть скотоводы. Пресветлая, о чем я думаю в такой момент?!" — делая книксен? Силия прятала нарастающую панику за всяким вздором.

— Силия, — дождавшись, когда она выпрямится, сказал отчим, — позволь представить тебе лэрда Брюса.

— Как Брюса? — позабыв о благовоспитанности, едва не взвыла Силия.

А может и взвыла, потому что распроклятый хрен его знает Брюс или нет дернулся, а мамашин муж скривился, словно дерьма нюхнул.

— Мэйсон Брюс к вашим услугам, лэри, — не слишком-то куртуазно сграбастал ее ручку бородач. Спасибо, что от поцелуев воздержался. — Будем знакомы, — сверкнул зелеными глазами он.

— Оч-чень приятно, — через силу ответила Силия, осознав, что клятые Брюсы ее и в аду достанут.

Очень аккуратно она потянула на себя руку. Увы, но лэрд Мэйсон держал крепко.

— И мне, — заверил тот, не выпуская из плена девичью ладошку.

— А уж я как рад, — не выдержал отчим. — Пройдемте в часовню. Жрица заждалась.

— Ничего страшного, — не впечатлился скотоложец. — Служительницы Пресветлой кротки и терпеливы. Они не ведут счет минутам, не так ли, лэри?

— Затрудняюсь с ответом, — осторожно ответила Силия. — Я получила более светское нежели духовное образование.

— Не вижу в этом ничего плохого, — одобрил лэрд, усиливая хватку. — Более того...

— Что? — пискнула несчастная, смирившись с тем, что на запястьях после брюсовых пальцев останутся синяки.

— Нам нужно поговорить, — закончил ходить вокруг да около тот.

— Смею напомнить, — опять завел отчим, — что жрица...

— Подождет, не облезет! — рыкнул Брюс, заставив хозяина дома благоразумно отступить. — Нам с лэри нужно побеседовать' Что непонятно?!

— Насколько я помню, — лэрд Сайл хоть и отошел подальше от психованного здоровяка, но сдаваться не спешил. Вот и сейчас он нервно поправил пенсне и затянул, — наши договоренности подразумевают...

— Имел я вас и ваши договоренности, — окончательно выверился лэрд Мэйсон. — Девчонка о них ни сном ни духом. А ведь мне нужно ее решение. ЕЕ, а не ваше!

— Что ж, — только по игре желваков на породистой физиономии было понятно насколько взбешен отчим, — в таком случае можете поговорить с Силией в гостиной, — элегантно взмахом руки он указал направление, в котором обнаглевший хам с никому не нужной падчерицей может идти.

— Благодарю, — моментально успокоился тот, чопорно поклонился и потащил Силию в малую синюю гостиную.

Там, для начала самым бесцеремонно закрыв двери перед самым носом хозяина дома, усадил Силию на диванчик и уселся рядом.

— Лэри Сайл, — попирая все законы нравственности, склонился к девушке Мэйсон Брюс, — у меня к вам разговор.

Окончательно распрощавшаяся с репутацией благовоспитанной девы Силия смогла только кивнуть.

— Очень серьезный разговор. Определяющий всю вашу дальнейшую жизнь, — мужчина наконец-то разжал пальцы, давая девушке волю. — Сегодня вы можете выйти замуж...

Она подняла глаза на лэрда Мэйсона.

— За моего сына, — закончил фразу. — Вижу, что вы ничего не понимаете. Что ж, я готов объяснить. Брат, а декан Брюс приходится мне старшим братом, связался со мной на днях с тем, чтобы описать вашу ситуацию. Она нехороша... Но и моя не лучше. В общем... — он замолчал, собираясь с мыслями. — Не знаю, помните ли вы скандал с замужеством нашей принцессы и кронпринца Леории? Впрочем, неважно. Главное, что он имел место быть. Не буду вдаваться в подробности, упомяну лишь, что главную роль в разрыве столь значимого для наших держав союза сыграла герцогиня Горм. Она была сильна в менталистике, ритуалистике и магии проклятий. А еще она была мстительна.

Силия прекрасно помнила испуганный шепот слуг, пересказывающих друг-другу ужасные похождения Черной герцогини, сгинувшей в леорийских застенках. (Если кому интересно, это лэра Горм была той самой злодейкой, которая многожды покушалась на Иришку из "Графини поневоле") Кажется, она даже из тюрьмы ухитрилась наслать проклятия, поразившие родственников отказавшегося от преступницы жены герцога Горма.

— Вижу, что вы помните Черную герцогиню, — понял лэрд Брюс. — Слухи не лгали об этой женщине... Ее чудовищная сила, помноженная на чудовищную злость, исковеркала множество судеб. Моя жена была урожденной Горм. Она умерла, не выдержав проклятия. Сын, в жилах которого течет кровь Гормов очень болен.

— Послушайте, — настала очередь Силии хватать бородача за руку, — в академии учится лэри Карр — та самая Хозяйка Серебряного озера. Точно-точно! Я ее так же, как вот вас видела! Она всем помогает. И вам поможет. Я готова попросить.

— Она, вернее ее бабушка уже сделала все возможное. Лерою не смог помочь даже маг жизни, — грустно улыбнулся Мэйсон Брюс. — А вот ты...

— Я?

— Ты сможешь. Стань хорошей женой моему мальчику, помоги наполнить оставшиеся годы счастьем. Их немного тех лет... Не

больше пяти... А потом будешь свободной молодой богатой вдовой. Не станешь нуждаться. И ни от кого не будешь зависеть.

— Даже от главы рода?

— С Рэйли я договорюсь, не сомневайся.

— А дети? — Силия сама себе удивлялась, задавая подобный вопрос. Откуда только смелость взялась?

— Дети? — переспросил лэрд Мэйсон.

— Мои дети, — твердо повторила девушка. — Они будут свободны от проклятия?

— Нет, — последовал честный ответ. — Поэтому ты родишь детей во втором браке, если конечно захочешь его заключить.

— Каким вторым? — Силии стало нехорошо. Даже затошнило то ли от страха, то ли от голода.

— Почему мне знать? — пожал широченными плечищами Брюс. — Захочешь же ты выйти замуж после...

Договорить он не смог, да и так все было понятно.

— Брюсов на свете много. От нас не убудет. Так что, принимаешь мое предложение?

— Я... — понимая, что в доме лэрда Сайла ее не оставят в любом случае: или сплавят Брюсам, или отправят в монастырь, Силия все же молчала. Совсем не о таком предложении руки и сердца она мечтала, не о такой жизни грезила. Понимала всю глупость и иллюзорность своих надежд, всю утопичность... Но так хотелось любви, тепла и заботы. Даже больше чем денег.

— Подумай, от чего ты хочешь отказаться, — по-своему расценил девичье молчание лэрд Мэйсон. — Ты лишишься магии, — не сомневаясь, Брюс бил по живому, — семьи...

— У меня нет семьи, — горько пожаловалась Силия.

— Будет.

— Я не нужна родной матери, — выкрикнула она и вдруг замерла похолодев. — Я не нужна матери, но нужна вам. Почему именно я? Почему не любая другая? Ведь детей в браке не ожидается, и мое наследие не пригодится. Или... — Силия попыталась отодвинуться. — Если случится что-то плохое, меня не будут искать...

— Тебе бы романы писать, — расхохотался лэрд Мэйсон. — Авантюрные. Пригодится твоя магия, еще как пригодится. Лерою

вредно контактировать с носителями других стихий. А невесты с даром Земли на дороге не валяются. Так что?

— В принципе я согласна, — Силия тщательно выбирала слова. — И все же кое-чего я не понимаю.

— Чего же?

— Где угрозы? Вы посулили мне золотые горы, поманили пряником. Где кнут?

— А вдруг его нет?

— Простите, не верю, — она упрямо вздернула подбородок.

— Правильно делаешь, — похвалил лэрд и вдруг взвился, вскочил, бешеным медведем навис над девушкой. — Если не станешь хорошей женой Лерою, жизнь доме отчима покажется тебе раем. Поняла?

От этого рыка кому-нибудь другому стало бы худо, а Силии полегчало. "Не врет" — поняла она и спокойно улыбнулась.

— Бедная девочка, — только и сказал на это враз успокоившийся Брюс и почему-то погладил Силию по голове. — Пошли в часовню.

***

Наверное, она все-таки волновалась. Как иначе объяснить, что происходящее воспринималось дискретно? Кусок оттуда, кусок отсюда.

К примеру, свадьбу на которой Мэйсон Брюс выступал в роли доверенного, она и под страхом смерти вспомнить не могла. Отъезд из дома тоже почти не отложился в памяти. Царапнуло только, что мать так и не вышла попрощаться. А вот карета свекра запомнилась. Слишком уж вкусно пахло в ней: свежим хлебом и жареной курицей. Ароматы витали такие, что у оголодавшей Силии закружилась голова, рот наполнился слюной, и ноги подкосились.

— От радости сомлела барышня, — хохотнул привратник у ворот, но под взглядом лэрда Мэйсона быстренько заткнулся, вытянулся в струночку и замер. Позабыв о нем, Брюс усадил невестку в карету, и сам устроился напротив.

— Ты завтракала? — спросил сурово, даже вперед подался, всматриваясь в измученную Силию.

— Я не голодна, спасибо, — сглотнула та.

— Пока не за что, — откуда-то вытащил корзину для пикника свекор.

Силия не поняла откуда. Да и какая разница, если под плетеной из лозы крышкой таилось настоящее богатство: румяная курочка, хлеб, сыр, зелень, фрукты... Новоявленная лэра Брюс зажмурилась от греха.

— Составь мне компанию, лэри, — велел свекор. — Одному вроде как неудобно, а в компании оно как-то веселее будет.

— Я...

— Ешь уже. Надоела, — загремел посудой лэрд.

Решив, что ломаться не к лицу, Силия с аппетитом позавтракала и уснула.

***

Завтракали и в Разрушенном замке. Накрыт он был накрыт в малой столовой. Вышколенные лакеи скользили вокруг стола, оделяя хозяек и гостей яствами традиционной даганийской кухни. Никакой экзотики, никакой показухи. Сплошное благолепие. Единственной уступкой современной моде на еду и напитки был кофе. Да и им соблазнилась только молодежь. Лэра Каррлайл, старшие Брюсы и даже лэрд Гамильтон — самый что ни на есть заядлый кофеман, дружно вспомнили детство золотое и остановили свой выбор на классическом черном чае с бергамотом.

Все чинно, благородно, роскошно... и очень по-женски. "Вообще, — понял так и не справившийся до конца с удивлением Нэд, — сразу чувствуется, что в замке живут одни женщины. Даже портреты на... На них ведь исключительно дамы намалеваны. Кстати, о портретах. Надо бы присмотреться к жениху живописцу"

А вообще, Эдвард Грир до сих пор пребывал в растрепанных чувствах. Волшебство Разрушенного замка слишком сильно подействовало на него. Воистину легендарное строение, прав был дед. Взять хоть эту отделанную мрамором и нефритом столовую или выделенную ему спальню. Пожалуй, что у его величества опочивальня не столь помпезна, как та затканная алым шелком комната, в которой предстояло жить скромному обер-секретарю.

"Вот и верь после этого глазам своим... Что ж, зато лэри Карр не бедствует. Осел я, осел..." — философски вздохнул Нэд, сам на себя удивляясь, и подал знак лакею — даганская кровяная колбаса и впрямь была выше всех похвал.

***

Силия проснулась от того, что кто-то потрепал ее по плечу и позвал по имени.

— А! Что? — вскинулась девушка, едва не упав с лавки.

— Приехали, красавица, — придержал ее лэрд Брюс. — Глянь в окошко.

— Зачем? — спросонок Силия плохо соображала.

— На свой новый дом посмотри. Родовое гнездо, между прочим, — как ребенок надулся лэрд Мэйсон.

Силия зевнула, потерла глаза, отодвинула шторку, прикрывающую оконце, и пропала. Такой красоты она еще не видела. Рыжий словно лис, если только можно сравнивать масть зверя и цвет камня, замок высился среди поросших лесом и покрытых снегом гор. И сам он был частью горы. Гордый. Непобедимый. Раскинувший в стороны руки подъездных мостов. Прекрасный в своей строгости. Настоящий оплот жизни в океане холода, он дымил каминными трубами, стучал молотками в кузне, перекрикивался на разные голоса...

— Понравился тебе Старый камень, — догадался по ее виду лэрд Брюс. — Это хорошо, лэри.

— Очень понравился, — Силия не сводила глаз с приближающегося замка.

С нарастающим волнением следила она за приближающейся рыжей громадой и чувствовала страх, который застревал комком в горле, охлаждал ладошки, сводил с ума. Сейчас, вот сейчас она увидит того, кто на ближайšie пять, а то и больше лет станет ей мужем. Какой он? А ну как урод? Или немощный? А вдруг у него ноги не ходят? Руки сухие? Короста на лице? На всем теле? А ведь бывают еще и клещеногие, и всякие другие...

"Помоги, не оставь, Пресветлая" — молила Силия, всерьез прикидывая, как бы сбежать подальше от Брюсов. "Может в

монастыре лучше было бы?" — помертвела, поняв, что уже все... опоздала. И нету исхода — подъемный мост остался позади.

— Что это ты побледнела? — полумрак кареты не помешал лэрду Мэйсону разглядеть состояние невестки и встревожиться.

— Укачало, — прошептала Силия. Голос пропал.

— Ох, уж мне эти девы, — заворчал свекор и полез в карман. — Держи нюхательные соли, фиалка нежная.

— Спасибо, — молодая едва сдерживала слезы, прислушиваясь не к человеческой речи, а к звуку захлопнувшихся ворот. Все, она в западне.

А окаянный Брюс все не унимался, не давал покоя прощающейся с жизнью девицей.

— Лерой, сынок, глянь, кто приехал, — настезь распахнув дверцу кареты, заорал этот варвар.

Послышались стремительные шаги, свет заслонила чья-то тень... Силия зажмурилась.

— Как есть фиалка, — постановил несносный как все Брюсы лэрд Мэйсон. — А дома такая смелая была, разумная. Глаза-то открой.

Деваться было некуда. Набравшись храбрости, Силия распахнула глаза... Лерой оказался таким красивым, таким юным... На молодую жену он смотрел с таким восторгом...

— Пойдем, — Лерой протянул руку. — Я покажу тебе замок.

Силия ни минуты не сомневалась, подаваясь навстречу. С ним куда угодно. Только бы рядом.

***

Парк Разрушенного замка был полон тайн и загадок, впрочем, как и все поместье Северных ведьм. И все же именно в парке, в самой отдаленной его части находилось сердце усадьбы — заброшенный колодец. Как только его не называли: и перевернутая башня, и колодец испытаний, и дорога веры. И все эти названия были верны. Просто каждое из них характеризовало сердце с какой-то одной определенной стороны.

Судите сами. Это и впрямь был колодец. Но без воды. Для того, чтобы оказаться на его дне не нужны ни веревки, ни ведра. Достаточно

спуститься вниз по истертым временем ступеням, виток за витком бегущих будто бы в наполненное огнем и серой подземное царство демонов. К сожалению, а скорее к счастью, огня там тоже не было. Зато там имелся лабиринт. Самый настоящий. Без дураков. И пройти его могли только хозяйки этих мест или люди, которых они привели с собой. Остальных ждала смерть. Медленная и мучительная гибель. И неважно маг ты или простой человек. Сунешься в коридоры без ведома Хозяйки — не найдешь дорогу назад, так и останешься в каменных коридорах, которые расползаются со дня колодца подобно сытым змеям.

Так что дураков желающих сложить свою голову не находилось уж лет двести. Под древними сводами царила тишина, изредка нарушаемая лишь ударом капли воды о каменный пол. Почти всегда. Но не сегодня.

В особые дни Хозяйки Серебряного озера спускались по изогнутым словно раковина моллюска лестницам, проходили под замшелыми арочными сводами, достигали вымощенного драгоценным халцедоном дна... Там, раскинув руки, застывали и звали Сердце. Оно откликалось не сразу, словно нехотя просыпаясь от долгого сна. Едва заметная пульсация усиливалась, открывая дорогу к алтарю рода Карр, к его краеугольному камню.

Всякий раз дорога бывала разной. То открывалась подтопленная пещера, по стенам которой змеились ало-охряные узоры, то затянутые болотной ряской подземные галереи, то прорезающие гранитную скалу ступени, ведущие во мрак...

Идти следовало не торопясь, но и не слишком медленно... Чтобы не подгонять сердце, но и не заставлять его ждать. Нужно было чувствовать его ритм... Только тогда оно поднималось из глубин подземного озера, чьи воды подобны жидкому серебру, и открывалось навстречу своим дочерям, готовое выслушать их горести и радости и помочь...

Праздник середины зимы был одним из дней, когда Хозяйки посещали колодец забвения. Для Софи он был особенным. Сегодня она в первый раз проводила ритуалы колеса года в одиночестве. Сама, без помощи бабушки.

Сама жертвовала алтарю вино и кровь, сама читала катрены, давала читать себя, просила о защите и в свою очередь обещала

защищать. Свой род. Свою землю. Своих Людей.

Чтобы потом подняться наверх и щедро поделиться полученным.

***

Позавтракав, поганки переглянулись, чинно встали из-за стола, выплыли из столовой... и пропали словно не было. Напрасно Бен разыскивал их по всему замку. Никто: ни слуги, ни хозяева не смогли помочь ему в поисках, только разводили руками да улыбались загадочно.

Девы появились к обеду. Были они румяны, веселы и голодны. На еду красавицы накинулись с завидным аппетитом. При взгляде на них как-то сразу вспоминались стародавние способы выбора работников. Те самые, когда мужиков сначала кормили как на убой, а после брали самых прожорливых в надежде, что работать они будут так же, как и жрать.

Лэрд Брюс так засмотрелся на потенциальных невесток, что даже в общем разговоре забыл участвовать, настолько был поражен их талантами. Бернارد тоже не сводил глаз красавиц — он зачарованно любовался. Чувствовалось, что парня умиляет и приводит в щенячий восторг все, что делают Фиона и Эдме. Даже вздумай они сплясать на столе, Бен озаботился бы только тем, чтоб этим потрясающим зрелищем мог насладиться только он. Один.

После обеда поганки пропали вдругорядь. А всему виной стала лэра Изабо. Она окликнула сына, спросив о какой-то малости. Бернارد даже не сразу понял, чем таким заинтересовалась матушка, а когда сообразил лэри испарились. "Как туман под лучами солнца" — подумал влюбленный художник, но горестного вздоха не сдержал. Не так, ох, не так представлял он себе праздники. Мечталось о другом. О возвышенном. И сладком... А не об экскурсии по замку, пусть даже и такой удивительному.

Но делать было нечего. Бросив укоризненный взгляд на лэру Изабеллу и отвесив подзатыльники ехидным братцам, Бернارد напомнил себе, что он мужчина и дворянин и подступил к теще. На предмет розысков. А заодно насчет портрета. В смысле ее портрета. И чтобы собственноручно. И прямо сейчас.

Получив предложение попозировать, лера Нэлианна даже растерялась от такой наглости, но потом подумала и согласилась. Как бы там ни было, а к молодому человеку стоило присмотреться. Ну а там слово за слово разговорилась, даже улыбнулась пару раз. Правда от добрых советов воздержалась, хотя и с некоторым трудом. Слишком уж обаятельный оказался паршивец.

Ужин не привнес ничего нового в отношения молодых людей за исключением того, что на этот раз поганки обошлись без побегов. Они просто-напросто распрощались со всеми, пожелали сладких снов и отправились в спальню, которую, ясное дело, делили между собой.

— Может зря мы с ним так? — Эдме задумчиво расчесывала волосы перед зеркалом.

— Да ладно тебе, весело же, — отмахнулась от сестры Фиона. — У Бена было такое лицо, когда мы нырнули в тайный ход. Умора, — она захихикала.

— Так-то оно так, — Эдме всегда была более рассудительной в их дуэте. Но вот Софи на нас сердится из-за этого.

— Она из-за старшего Грира сердится, — Фиона перестала смеяться. — Обратила внимание, как Сонечка смотрит на него?

— Он тоже глаз не сводит с нашей выхухоли...

Эдме прервала музыка. Прекрасная. Грустная. Зовущая. Она доносилась. Там на улице в потоках лунного света стоял Бернард. И играл на гитаре. Увидел их прильнувших к окну девушек и запел о своей любви. А поганки стояли, прижавшись друг к другу, замороженно слушали и никак не могли понять, как он увидел их сквозь морок старого замка, как разглядел...

— Сто раз подряд влюблялся я
И только в вас одну,
Передо мной ваш гордый взгляд
Во сне и наяву...
Тра-ла-ла-ла-ла. Ла-ла-ла. Ла-ла-ла.
Передо мной ваш гордый взгляд
Во сне и наяву.
Звучало под луной...

— В нас одну... — растроганно повторила Фиона. — Слышишь, что ли?

— Слышу, не глухая, — рассердилась Эдме. — Как делить-то его будем? По- честному или как всегда?

— Не знаю... Но как же он поет... Все бы отдала, только бы слушать и слушать.

— Сто раз мечтал увидеть вас
В закатных красках дня,
Но звездный вечер каждый раз
Вас прятал от меня...
Тра-ла-ла-ла-ла. Ла-ла-ла. Ла-ла-ла.
Но звездный вечер каждый раз
Вас прятал от меня.

Дивная мелодия сплеталась с мужским голосом, рождая чудо.

— А давай без дележки, — не сводила глаз с Бернарда Эдме.

— Триада? Ты серьезно? — растерялась Фиона. — А потянем?

— Не попробуем, не узнаем.

— Сто раз бежать от вас хотел

В любую из сторон,
Но вот сто первый раз опять
Пришел я под балкон...
Тра-ла-ла-ла-ла. Ла-ла-ла. Ла-ла-ла.
Но вот в сто первый раз опять
Пришел я под балкон.

Жаловался зимней ночи влюбленный живописец, и его голос разносился над спящим поместьем.

Условно спящим. Помилуйте, кто же будет дрыхнуть в то время, когда звучит серенада? Встречались, конечно, отдельные непрошибаемые личности, такие как Ричард Грир... Но это скорее исключение нежели правило. Вот его старший брат, к примеру, не спал. Нэд стоял у окна, исходил чернейшей завистью к Бену и со всей ясностью понимал, что он так никогда не сможет. Просто не позволит себе... И это самое "никогда" заставляло лэрда обер-секретаря его королевского величества стискивать кулаки и скрипеть зубами.

А вот объект его страсти не разделял упаднических настроений. Вернее, не разделяла. Софи сидела, с ногами забравшись на подоконник, и улыбалась, мечтательно подставив лицо луне. На душе у нее было хорошо-хорошо, а еще радостно за поганок. Как же славно

вышло с серенадой. И как замечательно, что Бернард не подвел, разглядел суженых сквозь мороки старого замка. Значит любит...

Винсу и Терри тоже было не до сна. И, хотя, о пении брата они ничего определенного сказать не могли — просто не слышали его, но время проводили не без приятности. Они играли в карты. На раздевание. А компанию им составляла горничная ее светлости лэри Карр — красotka Марта.

Родители этих всесторонне одаренных юношей так же не торопились в объятия Морфея. Они в некотором роде объединили занятия своих талантливых отпрысков: наслаждались музыкой, поцелуями, не забывая неторопливо раздеваться...

И только Нэнни не знала покоя. Накинув на ночную сорочку бархатный темно-зеленый шлафрок, сунула ноги в домашние туфельки, кое-как нахлобучила на макушку кружевной чепец и чуть не бегом отправилась к поганкам. Кто-кто, а уж она-то знала девчонок как облупленных. Сейчас как надедают глупостей! А ей и Сонечке потом расхлебывай.

— Нет уж птички-синички и соловей-переросток, — пригрозила строгая лэра и для верности погрозила кулачком, — сначала помолвка, а потом все остальное. Не будь я Нэлианна Каррлайл.

— Сто раз готов навстречу вам
В любую даль пройти,
И сотни самых нежных слов
С моей мечтой сплести...
Тра-ла-ла-ла-ла. Ла-ла-ла. Ла-ла-ла.
И сотни самых нежных слов
С моей мечтой сплести. *

Отзвучала серенада. Смолкла песня. И весь мир укрыла тишина, обняла его мягкими ладонями, гася все звуки. Но, нет... Стукнула рама в спальне поганок. Послышался легкий шорох, стук. И прямо под ноги Бену упала, разворачиваясь на лету, веревочная лестница. Когда-то именно с ее помощью Эдме и Фиона сбежали к дикой ведьме. И вот теперь лесенка снова пригодилась.

*(Серенада Антонио из фильма "Дуэнья" Музыка Тихона Хренникова. Слова Якова Халецкого)

Не утруждая себя стуком, запыхавшаяся после пробежки дама распахнула дверь и застыла на пороге. Комната была пуста...

— Сбежали, — всплеснула руками Нэнни и медленно, словно каждый шаг давался с трудом, подошла к открытому окну. — Пресветлая, как же я могла забыть про веревочную лестницу? — поразилась она. — Не иначе колдовство проклятой ведьмы. Или маразм, — лэра Нэлианна всегда была строга к себе. Зачастую излишне. — И что прикажете теперь делать?

— Полагаю самым лучшим будет, спокойно лечь спать, — послышалось от двери.

— Вы так думаете? — Нэнни повернулась к дедушке Гриру.

— Уверен, прекраснейшая, — лэрд Гамильтон не сомневался ни минуты. — С молодыми людьми ничего не случится. Я имею в виду — ничего плохого, — заметив скепсис в женских глазах, поправился он. — А утром в храм их, и дело с концом.

— А помолвка как же? — жалобно спросила лэра. — Для девушек это очень важно...

— Пустяки, — отмахнулся лэрд. — Если же вас беспокоят пересуды, — проницательно прищурился он, подходя ближе, — то они будут в любом случае.

— К тому же можно сказать, что дети были сговорены, но это держалось в тайне.

— Очень здравая идея, — согласился старый дипломат, звено за звеном втягивая в окно веревочную лестницу. — К тому же, насколько я понял, лэри Сайл покинула академию таким образом она не сможет опровергнуть...

— Откуда вы знаете?

— Информация, драгоценнейшая лэра Нэлиана, это мой конек.

— Тогда отдыхать?.. — Нэнни закрыла окно. — Боюсь, что я не усну.

— Если позволите, с радостью составлю вам компанию, — с улыбкой змея искусителя предложил лэрд Гамильтон. — Только для начала предлагаю послать в ближайший храм за жрицей.

— Эээ... Прекрасная идея, — давненько лэра Каррлайл не чувствовала себя смущенной дурочкой. Лет пятнадцать, не меньше. А

вот поди ж ты, сподобилась. Приняла искреннюю заботу Грира за бессовестный намек на близость. "Помоги, вразуми, Пресветлая свою сдуревшую на старости лет дочь" — взмолилась покрасневшая до корней волос женщина. — Я сейчас же отдам распоряжения. К тому же нужно выставить дежурных. Сторож, конюхи и пара садовников вполне подойдут.

— И кузнеца кликните, — посоветовал седой интриган. — Брак ведь можно не только в часовне проводить. Древнейшие ритуалы, как известно, проводились в кузнице у открытого огня, — подцепив по локоток лэру Нэлианну, почти пропел лэрд Гамильтон. — Я расскажу вам о них... За чаем...

"Как это у него получается? — задалась вопросом Нэнни. — Вроде говорит дельные вещи, ведет себя вполне культурно... А у меня на уме сплошное непотребство"

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Около шести утра в двери музыкальной гостиной, переоборудованный во временный штаб по отлову потерявших стыд и совесть влюбленных, постучали.

— Кто там? — вздрогнула Нэнни. — Просила же входить запросто.

— Ваша милость, — в комнату неторопливо вплыла одна из горничных, сделала книксен и улыбнулась, — Мартин просил передать, что их светлости на подходе.

— Спасибо, Марта, — поблагодарила Софи, не забывая поглаживать по руке нянюшку, которой очень хотелось придушить кого-нибудь. Горничная на это прямо-таки нарывалась. — Мы сейчас подойдем, а ты предупреди Джона и просветленную сестру Мари, чтоб были наготове. Быстро! — прервала она очередной поклон.

— Будет сделано, — бросив заинтересованный взгляд на чету Брюсов, — Марта благообразно испарилась.

— Как все-таки неловко получилось, — лэра Изабелла отставила кофейную чашечку. — Еще раз прошу простить нас.

— И Бернарда, — подсказал ее супруг.

— Моя вина не меньше, — замахала на них руками Нэнни.

— Дамы, — вмешался лэрд Гамильтон, — и господа, — он посмотрел на Рэйли Брюса,

— сейчас не время для взаимных расшаркиваний. Дети на пороге. Соберитесь и встретьте их подобающе.

— Да, да... — согласились растерянные родители, поднимаясь с кресел и диванов.

— Вы совершенно правы, — соглашались они почти что хором. Видно, от поганок заразились.

Софи украдкой показала дедушке Гриру оттопыренный большой палец, тот в ответ довольно подмигнул и подал руку Хозяйке Серебряного озера.

Пара заговорщиков направлялась в спальню поганок...

Бен себя не помнил от счастья. Даже голова кружилась... Словно пьяный смотрел он, как ловко поднимается по веревочной лестнице Фиона. Не удержался, заглянул под юбку и прижмурился мечтательно. Красота. И главное в этой красоте, что скоро она будет принадлежать ему — Беннардну. И не только она.

"Я удачливый сукин сын" — решил Бен, взбираясь следом. Не то чтобы он намеревался задерживаться в спальне лэри, но убедиться, что все в порядке был просто обязан. Беннард соколом взлетел вверх, перевалился через подоконник...

— Доброе утро, сынок, — прозвучало над головой гласом небесным.

Сам себе не веря, Бен поднял глаза... На него, задушевно улыбаясь смотрел отец. Рядом с ним стояла матушка. И ладно бы только они. Ничего страшного. Как на грех комната была битком набита. Тут и теща, и мама с папой, и Эдме с Фионой, и лэри Карр, и непонятно как прибившийся к ним старый Грир. И все улыбаются. Ужас. Мало того. Посреди спальни обнаружилась наковальня, с прилагающимся к ней здоровенным детиной самой бандитской наружности. Апогеем слало появление монашки.

Аут. Гасите свет.

— Ик, — Бен предпринял слабую попытку выскочить в окошко. Не из трусости, нет. Исключительно рефлекторно. Но был пойман отцом за шкуру.

— Куда? — ласково пропел лэрд Брюс. — А жениться кто будет?

Жениться? Сейчас? — сглотнул Бен.

— А когда? — еще ласковой поинтересовался отец.

— Я... готов, — сообразил что к чему Беннард.

— Радость-то какая, — подбоченилась Фиона. — На свадьбе погуляем.

— А кто невеста? — зевнула Эдме. — Мы ее знаем?

— Знаете, — в глазах Нэнни вспыхнули опасные ведьминские огоньки. — Еще как знаете, она подступила к поганкам.

Но те уже закусили удила.

— Вы ведь не нас имеете в виду, матушка? — захлопала ресницами Эдме. — Я это к тому, что женихов-то у нас нету.

— Помолвки не было, — подхватила Фиона. — А гость дорогой, — она кивнула на Бена, — настолько к невесте заторопился,

что окошко сквозануть вознамерился.

— Девочки! Прекратите немедленно, — потребовала Нэнни.

Поганки посмотрели на нее, повернулись родителям Бена, улыбнулись Софи... и продолжили издевательства. Для начала одна из них поклонилась просветленной сестре Мари, а вторая словно старому знакомому подмигнула кузнецу. Дитина в ответ нервно осклабился. Монашка поджала губы.

— Помолвки не было, — упрямо повторила Фиона. — Значит и свадьбе не бывать.

— Как это так? — отмер Бен.

— Очень просто, — вежливо ответила Эдме. — Мы за добровольность. Сказал бы, что разонравились, и все... А ты в окошко...

— Ну, уж нет, — отмер декан Брюс. — Так дело не пойдет, девочки.

— Вот именно, — нахмурилась его жена. — Опозорили моего Бенушку — женитесь!

— Изабо! — обалдел Рэйли Брюс, не ожидавший от супруги такой подлянки.

— Мама! — Бернард от стыда был готов сквозь землю провалиться.

— Ладно-ладно, — пошла на уступки сиятельная лэра. — Признаю, погорячилась. Жениться не получится... — она сделала вид, что задумалась. — Тогда пусть замуж выходят. Тем более, что тут кузнец.

— Златокузнец, — зачем-то уточнил Джон. — Лучший ювелир поселения. Потомственный. А молотом у наковальни помахать это так... увлечение... Баловство... А вообще взял за руку — женись, — окончательно смутившись, он закашлялся и умолк.

— Совершенно верно, — осмыслив услышанное, сказала лэра Изабелла. — Кузнец, особенно такой... многогранный нам нужен!

— А нам... — хором начали поганки.

— Девочки, хватит, — прекратила затянувшийся фарс Софи. — Сейчас состоится ваша свадьба.

— Но мы...

— Хотите, чтобы я властью главы рода отменила церемонию? Раз и навсегда?

— Нет, — надулась Фиона.

— Не надо, — опустила глаза Эдме.

— А ты, сыночек, что скажешь? — поинтересовался лэрд Брюс.

— Я рад, — сглотнул ком в горле Бен. — Да, я рад, что все случилось именно так, — продолжил он гораздо увереннее. — И пусть у меня не было времени поухаживать за невестами, зато я готов исправляться всю жизнь.

— Начинайте церемонию, матушка, — шепнул на ухо просветленной лэрд Грир.

— Раз все стороны согласны, помолимся, — сестра Мари приступила к выполнению служебных обязанностей.

Спустя час все было окончено. Сразу два свадебных обряда навсегда соединили Бернарда, Эдме и Фиону. Сестре Мари и кузнецу Джону Софи собственноручно вручила ритуальные подарки. Молодым подарки только пообещали и торжественно отконвоировали в приготовленные для них апартаменты. После этого, выпив по бокалу игристого вина, родственники счастливых новобрачных и вездесущий дедушка Грир отправились на боковую.

***

Поганки вошли в супружескую опочивальню с видом приговоренных к казни королев: выпрямленные спины, расправленные плечи, гордо вздернутые подбородки, поджатые губы... Скорбь и оскорбленное достоинство были написаны на их лицах. Просто девственницы, отданные на поругание варварам, да и только.

— Девочки, ну что вы?.. — растерялся Бен, не зная куда бежать и что делать.

— Ничего, — грустно улыбнулась Эдме.

— Все хорошо, — печально ответила Фиона.

— Да? — не поверил Бернард.

— Мы просто в восторге, — тяжело вздохнула Эдме.

— Счастливы до безумия, — уныло подтвердила Фиона, подавив зевок.

— Да, — согласилась с ней сестра, не меняя постного выражения лица. — А если примем душ, то и вовсе в экстаз впадем.

— Твоя правда, — моргнула Фиона. На кончиках ее ресниц блеснули слезы. И неважно, что виной тому подавленный зевок. Дело в принципе. — Ты же не возражаешь... дорогой? — с надрывом спросила она.

— Конечно, — дернулся на помощь Бен.

— Нет, сначала мы, — мило покраснела Эдме. — Ты после...

— Да-да, я пока распорядюсь насчет завтрака.

— Спасибо, — пролепетали девы и шустро скрылись в ванной.

Там, закрывшись на щеколду, они как можно дальше отошли от двери и восторженно, но очень тихо запищали, ударили друг-друга по подставленным ладошкам и запрыгали.

— Ура!

— Поздравляю сестренка!

Поганки обнялись, расцеловались и принялись раздеваться, помогая друг другу.

— Заметила, что Софи на нас не сердится? — спросила Фиона.

— Ага. Я все боялась, что она нас после такого на постоянное место жительства в королевскую спальню определит, — призналась Эдме.

— Я тоже. Помнишь, как тетушка рассказывала о том, как в них гостил Бартимеус IV, прапрадед нынешнего величества?

— Еще бы. Королевские кошмары вошли в историю.

— Хвала Пресветлой, только в историю нашего рода.

— Ну, да... Не стоит другим знать о слабостях монарших особ, — Эдме назидательно вздернула палец, но не выдержала и рассмеялась. — Ладно, ну его. Лучше скажи, что сейчас делать будем?

— Поедим и спать ляжем, а дальше по ситуации.

— Договорились. Но все равно, ура!

— Серьезнее, лэра Брюс.

— Сама такая! Потереть тебе спинку?..

Из ванной новоиспеченные лэры вышли посвежевшие, порозовевшие жутко голодные, но по-прежнему печальные. Так и позавтракали, грустно вздыхая, даже от десерта отказались. Молодой то ли, сообразив что к чему, то ли проявляя деликатность, с разговорами не лез и вообще был странно задумчив.

— Что это с ним? — дождавшись, когда Бен вышел из комнаты, прошептала Фиона.

— Кто его знает, — пожала плечами Эдме. — Может спать хочет человек, может еще чего.

— То есть как? А мы?

— Нам тоже укладываться надо. Согласно плана, — сурово напомнила Эдме, залезая под одеяло.

Фиона хотела внести некоторые корректировки в разработанную стратегию, но спать и правда хотелось. Рассудив, что супруг богоданный теперь от них по гроб жизни не издыхается, она скинула халат и устроилась рядом с сестрой.

***

Винс проснулся ближе к обеду. Ну как проснулся — разбудили. Родной любимый братец Терри приперся. И главное момент самый подходящий выбрал. Винсу как раз снилось, что он разложил вчерашнюю горничную на батюшкином письменном столе и запустил руки ей под юбку. Девчонка хохочет, выгибается навстречу. Грудь у нее налитая. Словно яблочко, так и просится в рот... И тут такой облом. Братец гад нарисовался. Не сотрешь.

— Дрыхнешь? — Тэрри с разгона запрыгнул на кровать. Матрац ходуном заходил.

— Иди в пень, — надумавший зевнуть Винс чуть язык не прикусил.

— Только с тобой, — прищурился Терри. — Жрать хочется, пожаловался он.

— Зачем мне это знать? — Винс еще не терял надежды уснуть. — Иди на кухню и жри, если завтрак пропустил. Или маму попроси, пусть она распорядится.

— Не могу, — на удивление мирно ответил Терри.

— Что, не кормят?

— Маму, говорю, не могу попросить. И папу тоже. И хозяек. Всех.

— И чего? — не выдержал Винс.

— Они все спят, — братец многозначительно подвигал бровями.

— В добрый путь.

— Не тупи. Говорю же, что все спят. А Марта не спит.

— Какая Марта?

— Давешняя сисястая красотуля, идиот! — щелкнул брата по лбу Терри. — Не спит она, понял?

— Ты с ней еще поиграть хочешь? — приподнялся на локте Винс.

— Хочу, но не в карты.

— Думаешь, согласишься? — вспомнив сон, заинтересовался Винсент.

— С чего бы ей отказываться? Вспомни, вчера она не ломалась.

— Так чего же мы тут сидим, когда там все спят? — подхватился парень. — Бежать надо.

— Наконец-то! — заржал Терри. С добрым утром.

— Ага, но сначала на кухню. Пожрем.

— Проглот.

— Заодно узнаем, где Марта.

— Я к ней маячок вчера прицепил. Так найдем, ни к чему вопросы всякие.

— Понял, не дурак, — всецело одобрил Винс, торопливо одеваясь.

Терри как в воду глядел. Марта и впрямь ломаться не стала. Обрадовалась, увидев их с братом, заулыбалась.

— Привет, — шепчет. — Как дела, мальчики.

— Соскучились, — тоже шепотом ответил Винс. — Даже снилась ты.

— Ой, да ладно, — потупилась девица. — Шутите небось. Такие как вы всегда с нашей сестрой шутят...

— Ей-ей, Пресветлая, — Винс придвинулся к ней вплотную и задышал жадно. — И до того сон сладкий был...

— Как твои губки, — Терри прижался сзади.

— Уж будто? — выгнулась прелестница, позволяя распустить шнуровку на груди.

— Не сомневайся, милая, — Винс запустил жадные руки за корсаж, освобождая тяжелые налитые груди.

— Дверку бы прикрыть, — простонала Марта. — А то зайдут.

Терри согласно охнул притираясь поближе, но отойти и не подумал. Вместо этого лизнул за ушком да платье с плеч спустил.

— Зайдут, — закатывала глаза девица. — Народу в доме полно. Застигнут. На сеновал бы нам.

— Задницы отморозим, — весомо выговорил Винс, отвлекаясь от поцелуев. Хотя грудь и манила. Мягкая, пышная, горячая.

— Давай мы тут, — поддержал брата Терри. — Тихонечко. Шепоточком. Авось пронесет, — сражаясь с завязками на юбке, размечтался он. — Тем более, что проигралась ты вчера.

— А карточный долг — долг чести, — согласно выдохнул Винс.

— Я — девушка честная, — хихикнула Марта, переступая через юбку. — Долги завсегда плачу, — оставшись лишь в чулочках и панталончиках, заверила она.

А после чуть отодвинулась, позволяя оглядеть себя с головы до ног.

— Ну что, не побрезгуете с оплатой? — мурлыкнула, призывно облизнув губы.

— Красивая... — сглотнул Терри, — Иди сюда.

— Приду, куда ж я денусь, — покачала в ладонях тяжелые белые, с нежно-розовыми ареолами груди.

— Какая ты, — Винса аж повело.

— Обыкновенная, — вроде как сконфузилась Марта. А может и правда не привыкла к такому восхищению. Небось кавалеры раньше попроще были. Впрочем, девушка быстро справилась с волнением и развернулась к близнецам спиной, не забыв призывно выгнуть спину. Ответом ей послужил слаженный стон.

Исподние батистовые панталончики прелестницы не имели пахового шва. Они бесстыдно выставляли напоказ самое сокровенное...

— Ох-ре-неть, — Винса от такого зрелища в жар бросило. И голова закружилась чутка, словно от нее вся кровь отхлынула, устремляясь вниз, к болезненно налитому члену.

А вот Терри, наоборот, пробило на разговорчики. Он вдруг вспомнил и рассказал, что такие панталончики, модные во времена юности бабули Брюс, они с братом как-то раз нашли на чердаке и бегали, обрядившись в них и хохоча во все горло по всему дому. А потом их поймал отец и надрал уши и лишил сладкого на месяц. Ибо неместно мужчинам бабские похабные тряпки на себя надевать. Терри тогда его не понял. Да, что там, от и сейчас папашу не понимал. Как? Ну вот как можно такие замечательно прекрасные штанишки,

выставляющие напоказ розовую жемчужницу лона, называть похабными?

— Нравится, стал быть, — обрадовалась Марта. — Угадала я, — с этими словами она потянулась к поясу, развязывая кокетливый бант.

— Оставь, — опомнился Терри. — Мы так... Только нагнись посильнее.

— Я тогда лучше на колени встану, — рассудила Марта. — Оно понадежнее будет.

— Угу, — просипел Терри, а Винс просто сорвал с плечиков какую-то тряпку и бросил Марте под ноги. Для тепла.

Терренс что-то одобрительно рыкнул и шагнул к девушке. Он не стал раздеваться, просто приспустил штаны, деликатно развел в стороны нежный батист панталончиков, убедился, что его ждут и пристроился, войдя сразу на всю длину. Марта охнула одобрительно, подалась ему навстречу, все же не выдержала — застонала со сладкой мукой. И после так и стонала не переставая. Толчок — стон. Еще один — опять. И опять. И снова.

— Э, нет, — неодобрительно покачал головой Винс. — Вы таким макарон весь замок перебудите. Потихе надо. Потихе...

Говоря так, Винсент подошел к Марте спереди, чтобы предложить имеющееся у него наилучшее средство от шума. Природное. Доставшееся от предков. Сочащийся каплями предъязыкулята патентованный перевитой венами умолчатель громкоголосых горничных...

***

Торжественный обед по случаю свадьбы поганок и Бена удался на славу. Одни только удивленные физиономии Эдварда и Ричарда Гриров чего стоили. Впрочем, удивлялись не только они. Винс и Терри обалдели настолько, что даже присвистнули. Даже вразумляющие папашины подзатыльники не подействовали на близнецов в должной мере.

— Ну ты даешь, братишка, — потирая макушку, восхитился Винсент.

— Завидую и преклоняюсь перед твоими талантами, — шутовски раскланялся Терренс, потом, уворачиваясь от новой порции вразумлений, склонился перед Эдме и Фионой. — Рад, что у меня появились такие замечательные сестры. Всегда боялся, что Бена женят на какой-нибудь пресной ломаче... Да не бей меня, пап, последний ум вышибешь. Буду как паршивый кот по углам га... Ай, молчу, молчу. Ухо, пусти. Все равно я счастлив безмерно...

И так весь обед.

Шутки, смех, радость. Настоящая, не наигранная. Торжественный прием в семью. Счастливые лица... Эдвард чувствовал себя чужим и ненужным на этом празднике даже хотел уйти, но не смог. Слишком уж теплой была атмосфера, царящая за столом, слишком семейной... У них никогда такого не было. Мать слишком много внимания уделяла внешнему лоску, формальностям светской жизни, сплетням, интригам... До всего остального ей и дела не было. А зачем? Муж в порядке, дети здоровы и при должностях, род обласкан его величеством. Свекор... Вот свекра лэра Грир побаивалась, хотя и считала выжившим из ума чудаком.

Окажись она сегодня в Разрушенном замке, пришла бы в ужас. Все, решительно все тут было не по правилам. Лэру Урсула Лилиану одинаково возмутили бы и внешний вид замка, и облик его хозяек, столь далеких от общепринятых норм и правил. И это не говоря уж о возмутительной свадьбе: ни тебе объявлений в газетах, ни торжественного венчания, ни многочисленных гостей. Да что там гости... Даже нарядных туалетов для невест не пошили, а ведь их должно быть хотя бы по три на девицу.

Девичество, то бишь чистоту невест лэра тоже подвергла бы сомнению. Вообще прошлась бы по репутациям невест и жениха, с удовольствием растоптав их. Особенно ее возмутила бы триада, в этом Эдвард не сомневался ни секунды. Как же так, две толстухи отщепенки и дохляк художник походя совершили то, что не удавалось множеству магов. Сильных, родовитых и прекрасно воспитанных магов.

Это определенно плевок в лицо обществу.

"Какое счастье, что маман и ее засушенных злобных подруг здесь нет, — понял Нэд. — И хорошо, что тут есть я. Повезло. Хоть посмотрю, как живут нормальные люди"

А потом были танцы. Эдвард кружил в вальсе Софи и кажется был счастлив. Даже улыбался то и дело. "Как дурак" — признавался грозный обер-секретарь, но ничего поделать с собой не мог да и не хотел.

— Лэрд Грир, — Софи затянувшееся молчание расценила по-своему, — позвольте извиниться перед вами за столь неудачное начало праздников. Боюсь, что я была ужасной хозяйкой — совсем не уделяла вам внимания.

— Ну что вы, лэри, — встрепенулся Нэд. — Это мы самым бессовестным образом свалились вам на голову.

— Думаете? — лукаво улыбнулась она.

— Уверен.

— Вам виднее... И все же на сердце у меня неспокойно, а потому... Только не вздумайте спорить, а то обижусь, — предупредила Софи. — Так вот, во искупление хочу предложить вам с братом сопровождать меня во время завтрашних визитов к арендаторам. Это конечно не слишком-то весело, зато у вас появится прекрасная возможность лично пообщаться с лучшими ювелирами Дагании.

— С удовольствием, — Эдвард даже и мечтать о подобном не мог. — Но не слишком ли близко вы подпускаете к себе посторонних людей?

— Пожалуй, что вы правы, — она с готовностью отстранилась, давая понять какая близость имеется в виду. — А насчет арендаторов все же подумайте. Я редко кому предлагаю подобное.

***

Зимние дни коротки, только встал, позавтракал, пару раз зевнул, как уже обедать пора. Пообедал, глядишь дело к ужину... А там и на боковую отправляться нужно. Примерно так думали поганки, маршируя в сторону ванной. Ну правда... День промелькнул, словно не было, вечер пролетел, ночь... А вот ночь ожидалась длинная, полная неожиданностей и опасностей, подстерегающих честных девушек.

Вот и приходится им спланировать перед лицом общей угрозы, выступать единым фронтом, разить врага его же оружием! Потому что

в единстве сила. А главное, вдвоем не так страшно. Потому что Сонечка все-таки на сестер обиделась, только они это не сразу поняли. Не сердилась бы Хозяйка Серебряного озера, велела бы приготовить молодым не одну, а две спальни. И хоть это стыдно престыдно и страшно престрашно, но уж там как-нибудь отдали бы они супружеские долги своему ненаглядному агрессору. Может и не в первую ночь, но точно до отъезда в академию. А так только и остается, что фыркать, вредничать, ершиться и при этом жутко до дрожи смущаться.

Хорошо еще, что общий враг оказался милым и понимающим. Вот и сейчас делает вид, что уснул. Спасибо ему конечно, но все таки Сонечка — та еще вредина. Все из-за нее. Сама она поганка!

***

Было еще совсем темно, когда Софи и Гриры в полном составе вышли на улицу.

— Бррр, — поежился Ричард. — Ну и холодина.

— Неженка, весь в мать, — скорбно поджал губы дед. — Не обращайтесь внимания на этого нытика, лэри, — галантно склонился он перед Софи. — Позвольте предложить вам руку.

Та, словно бы еще не совсем проснувшись, тихо улыбнулась оперлась на лэрда Гамильтона и пошла к поджидающему экипажу.

— А я вот как раз нахожу, что погода стоит осенняя, — недовольно посмотрел на брата Эдвард. Почему-то именно Дика он винил в том, что лэри Карр сейчас рядом с дедом, а ведь он сам хотел быть с девушкой. Впрочем, если поторопиться, то он еще может успеть занять место в карете рядом с ней. "Решено" — подумал Нэд и продолжил светский треп о погоде. — В Аргайле все замело, а у вас тут едва припорошило снежком. И озеро, насколько я могу судить, не замерзло.

— О, это отдельная история, — устраиваясь в экипаже, заговорила Софи, — и очень интересная. Вы совершенно правы, на Север Дагании зима приходит в самую последнюю очередь. Рассказывают, что одна из моих прародительниц заключила с ней по этому поводу особый договор.

— В самом деле? — подался вперед лэрд Гамильтон. — Очень любопытно послушать.

— Лэра Беата — основательница рода Карр и его первая глава была рыжеволосой и кареглазой. В хрониках того времени упоминается, что шевелюра ее была подобна сполохам огня, а цвет глаз гречишному меду. И до того она была яркой и живой, что, увидев ее, Зима позавидовала красоте юной девы. "Отдай мне огонь твоих волос и золото глаз, — предложила она. — А я буду приходить на эти земли на две луны позже обычного" Подумала, подумала Беата да и согласилась. Вот с тех пор все Хозяйки Серебряного озера беловолосы.

— А глаза, как же? Позвольте узнать, — не унимался лэрд Гамильтон.

— С глазами была отдельная история, — Софи старалась говорить серьезно, но у нее это не очень-то получалось. То и дело губы девушки трогала улыбка. — Отдала Беата все краски Зиме и осталась седой, и будто мало того, так еще и красноглазой.

— Основательница вашего рода была альбиносом?

— Доподлинно это неизвестно. К тому же цвет глаз лэры Беаты изменился.

— Вот как?

— Серебряное озеро подарило ей лазурь и бирюзу взора, сделало цвет ее глаз переменчивым словно вода. В глазах Беаты с тех пор отражались сапфиры и аметисты, аквамарины и топазы, лежащие на дне озера... За доброе и смелое сердце получила она награду. Отдала свою красоту, а согрела всех. Так до сих пор и греются, — Софи замолчала.

Молчали и Гриры. Может дремали под мерный стук колес, может думали о девушке, подарившей зиме краски, а может прикидывали в уме какие заказы можно будет сделать местным ювелирам.

— А стужа в наши края с тех пор приходит аккурат на следующий день после праздника Середины Зимы. Вот с завтрашнего утра повалит снег, скует морозом озеро. К вечеру будем на санках кататься, а там и горки заливать начнут. Весело будет, — размечталась она.

***

В селении их уже ждали. Загодя проснувшиеся хозяйки давным-давно протопили печи и всюю стряпали, готовясь ко встрече с лэри Карр. Прекрасно зная ее вкусы, жительницы пекли мясные пироги, коптили окорока, доставали из погребов колбасы, жарили уток и кур, тушили гусей с яблоками, черносливом и капустой. Дух по над деревней плыл такой, что хоть ножом режь да на хлеб намазывай.

И все, чтобы порадовать ненаглядную Хозяюшку Серебряного озера. Дай ей Пресветлая счастья и радости. И нас сырых не забудь. Аминь.

Вот завтра угощения будут другими. На традиционный праздничный стол поставят сладкие многоярусные пироги, щедро украшенные масляным кремом и яркими ягодами, пшеничную кашу с медом, орехами и изюмом. Печеным пороссятам вставят в пасть глазурованное карамельное яблочко, как следует обмажут их смесью меда и горчицы и сунут в печь. Не обойдется и без хмельных напитков: сладких тягучих ликеров и наливок из вишни, малины, ежевики, смородины и прочей сливы. И все для того, чтобы новый год был обильным и щедрым. Чтоб угостившиеся сладеньким Зима с сестрицами Стужей, Метелью и Порошей не губили людей, сады и скот. Чтоб знали — их ждут и принимают с уважением и почтением.

Но то завтра. Сегодня по издавна заведенному порядку в каждый дом посещает Хозяйка Серебряного озера. И не просто так, не с пустыми руками. Она приносит жителям традиционные дары: золотые монеты, ветви омелы, ароматические масла, привезенные аж из Леории. Она слушает просьбы и жалобы, разрешает споры, находя для каждого улыбку и доброе слово. Потому что негоже встречать праздник середины Зимы с тяжелым сердцем. Да и не середина это вовсе, а самое начало зимушки ожидает жителей севера Дагании.

***

Переходя из дома в дом, Эдвард то и дело бросал взгляды на деда. Все ждал, когда же старый прохиндей устыдится, когда проникнется мыслью, что манкирует своими обязанностями главы рода и начнет брать пример с Софи, а если смотреть глобальнее, то и со всех Хозяек Серебряного озера. Они своих арендаторов на произвол судьбы и

управляющего не бросают. От того и селения у них богаты и люди в них живут сытые. Даже зима к Хозяйкам по строго согласованному графику приходит. Эх...

Дед направленные на него взгляды стойко игнорировал, активно общался с местными златокузнецами и не забывал об угощении. Ричард от лэрда Гамильтона не отставал. Впрочем, и Нэд себя не обидел. Сделал заказ на пару-тройку хорошеньких вещичек. Если бы еще удалось договориться с артефактором и превратить их во что-нибудь более ценное чем простая ювелирка... Но чего нет, того нет.

Зато можно невозбранно любоваться Софи, на которую в отличии от деда и братца смотреть было одно удовольствие. Правда это было опасно. Так вот насмотришься, размечтаешься, размякнешь, а потом праздники закончатся, и придется возвращаться в Аргайл с его суетой, интригами, долгами, обязательствами и, что самое неприятное, невестой.

***

К тому времени как усталые сытые и слегка пьяные Гриры и свежая словно розочка Софи вернулись в замок, наступил вечер. От предложенного ужина они дружно отказались, а вот чаю выпили.

— Замок к празднику мы украсили, — отчитались перед кухней довольные поганки. — Но и тебя не забыли, оставили веночек.

— Не понял, — поперхнулся чаем дедушка Грир, который после шестидесяти лет стал остро реагировать на малейшие упоминания кладбищенской атрибутики.

— Экий вы нервный, — хлопнула по спине впечатлительного лэрда Нэнни. — У нас, видите ли, есть традиция — вся семья украшает дом к празднику. А, поскольку, Софи целый день вынужденно отсутствует, девочки оставляют на ее долю часть украшений.

— Но веночек! Помилуйте, лэра Каррлайл, это, по-моему, чрезмерно!

— Веночек из падуба и остролиста, который полагается вешать на дверь, повергает вас в ужас? — под дружное хихиканье домочадцев

Нэнни вопросительно вздернула бровь. — А между на вашу долю тоже выделена часть украшений, и отвертеться не получится.

— Ну, кхм... — смешался лэрд Гамильтон. — Раз так, почту за честь.

— Вот и славно, — обрадовалась Софи. — Тогда прямо сейчас и займемся, а потом посмотрим... Что?.. — она удивленно посмотрела на застонавших Гриров.

— Откройте секрет своей бодрости, несравненная, умоляю, — сщеживал зевки в кулак Ричард.

— Жрать надо меньше, — шепнул на ухо брату Нэд, — и пить тоже. Тогда силы появятся.

— Отвали, зануда, — огрызнулся он, со стоном поднимаясь на ноги. — Я весь ваш, лэри. Где там веночки?

— Хилая нынче молодежь, приосанился дедушка Грир, успевший узнать у поганок, что лично ему идти никуда не надо. Достаточно перевить гирляндой перила в холле.

***

И грянули праздники. Посыпались снегом, затрещали морозами, запахло сладким горячим вином с пряностями, зазвенели бубенцами. Подхватили всех, закужили, опьянили до полной бессознательности...

***

— С этим надо что-то делать, — Эдме сердито смотрела на мужа. Тот, словно почуяв, повернулся к ней, послал воздушный поцелуй и как ни в чем не бывало вернулся к рисованию. Работа над портретом тещи близилась к завершению. — Видела, что творит?

— Очень красиво получается, — не сразу ответила глубоко задумавшаяся Фиона. — Тетушка в восторге от талантов Бена.

— Тьфу на тебя! Делать, говорю, надо что-то. А то так и поедем в академию девицами.

— Не поедем, — тряхнула головой Фиона, придя к какому-то решению. — Не можем мы позволить такого, нас засмеют, как только увидят.

— И увидят, и услышат, и проходу нам не дадут, — мрачно согласилась Эдме.

— Мы этого допустить никак не можем! — вскинулась Фиона.

— С добрым утром, с ясным днем! Проснулась, болезная! Я тебе о чем битый час талдычу?

— Об этом?

— Нет, об ЭТОМ, — Эдме как-то настолько по-особому выделила последнее слово, что Фиона покраснела, но возражать и не думала, признавая правоту сестры.

— А как? — только и спросила она.

— Как-нибудь, но прямо сегодня, — выпалила Эдме. — Сама подумай, послезавтра

а Аргайл ехать. — Если сегодня у нас ничего не получится, придется просить помощи у мамы. Или даже у лэры Изабеллы.

— Не приведи, Пресветлая, — Фиона прижала ладошки к пылающим щекам.

— Сама не хочу, — со вздохом призналась Эдме. — Но выбирать не приходится — ситуация безвыходная.

***

Ничего не зная о принятом поганками решении, Винс и Терри тем не менее действовали по той же схеме. Они искали красотку Марту на предмет зажать в каком-нибудь укромном уголочке, чтобы сорвать пару-тройку, а если повезет, то и десяток другой поцелуев. Дальше близнецы не загадывали, полагаясь на судьбу и счастливый случай.

Красотка горничная нашлась быстро. Негромко напевая, она спускалась по лестнице.

— Марта, птичка, как дела? — резвым козликом скакнул к ней Терри.

— Погляди, что у нас есть, — Винс мгновенно вытащил из кармана браслет, блеснувший в полумраке коридора мелкими гранями

лунных камней и серебряной чернью, и помахал им, привлекая внимание девицы. — Тебе. На память.

— Носи да вспоминай нас, — немного грустно сказал Терри, дождавшись, когда брат застегнет на тонком девичьем запястье украшение. — Уезжаем ведь.

— Красота какая! — Марта пропустила мимо ушей весть об отъезде любовников, так и этак поворачивая ручку. Тяжелые камни загадочно подмигивали, играли бликами. Они полностью завладели вниманием красотки.

— Мааарта, — потянул Винс, — ну что же ты?

Та словно очнулась, запищала радостно и кинулась обниматься.

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! — выпалила, подхватила близнецов за руки и потянула куда-то.

Коридор промелькнул, потом еще один...

— Марта, что ты задумала?

— Марта, погоди!

— Сейчас-сейчас, — отвечала она. — Тут рядом... Пришли, — отворила незаметную дверку. — Хоть отблагодарю вас напоследок...

Девушка не договорила, прижавшись к Винсу. Губы ее тут же были смяты поцелуем. Страстным. Жарким.

— Горячая цыпочка, — Терри одобрительно глянул на брата и прильнувшую к нему девушку. — А скажи-ка мне, Марта, какие на тебе штанишки сегодня? Жуть как хочется поглядеть.

***

Софи все никак не могла сосредоточиться на счетах, предоставленных управляющим, то одно мешало, то другое... То времени не находилось, то настроение было неподходящее. Конечно, можно было подмахнуть документы не читая. Лэрд Бреннан — человек кристальной честности, он ни за что не обманет, зато обидеться на пренебрежение к своей работе мог запросто. Вот и приходилось разбираться в длиннющий столбцах цифр, написанных мелким угловатым почерком, не упуская ни единой мелочи.

— Грехи мои тяжкие, — склонилась над грессбухом Софи, смиряясь с неизбежным. — Марта, потише, — отвлеклась она через

некоторое время. — Марта! Чем ты там стучишь? Марта! Оглохла?

Мысленно извинившись перед лэрдом Бреннаном, Софи отбросила перо и пошла на поиски горничной. Не то чтобы Марта была так уж нужна ей, розыски развеселой девицы были просто благовидным предлогом, позволяющим увильнуть от скучной бухгалтерии.

— На свободу с чистой совестью, — провозгласила лэри Карр, покидая кабинет.

В гостиной Марта не обнаружилась, в спальне ее тоже не было. Правда подозрительные звуки стали громче, а еще они изменились. Мерный стук, сменился скрипом, сопровождающимся странными хрипами и всхлипами.

— Да что там такое? — всерьез заинтересовалась Софи.

На всякий случай вооружившись канделябром, она подошла к гардеробной. Непонятные шумы доносились оттуда. Точно.

Софи аккуратно приоткрыла дверь... и застыла на пороге. В гардеробной творилось такое... Такое... Ужас, что творилось короче! Сонечка даже зажмурилась и потрясла головой в надежде, что привидевшееся ей непотребство развеется. Ничего подобного! Активно шевелящаяся многоногая голозадая конструкция никуда не делась. Пришлось рассматривать предметно. Нет, конечно, можно было уйти или поднять шум. Наверное, это было бы самым правильным... Но ноги не шли, в горле пересохло, щеки ожег стыд, а все существо сковало любопытство вперемешку с брезгливостью и еще чем-то... Софи пока не разобралась с чем именно. Да и неважно это.

Главное, что аккуратно напротив входа на той самой обтянутой бежевым шелком кривоногой козетке, на которую Сонечка обычно садилась, чтобы примерить туфельки или сапожки, лежал мужчина. Точно мужчина. Причем голый. По пояс так точно. Лица его видно не было, зато хорошо были различимы голые волосатые ноги, волосатые же яйца и, о ужас, член'

На этом самом члене скакала Марта. Ее Софи узнала сразу же, даже несмотря на необычный ракурс. А на Марте... Тут лэри Карр снова малодушно зажмурилась и даже предприняла попытку прижать ладони к пылающим щекам. Хорошо, что остановилась вовремя,

вспомнив про канделябр. Не хватало еще с синяками ходить, и так позору не оберешься.

Ну вот... В общем на Марте тоже кто-то скакал. И тоже мужчина. И, представьте себе, голозадый. И тоже со всеми полагающимися причиндалами. Куда ж без них?

"Это что же получается? — Софи против воли вытянула шею. — Если один туда куда надо, то другой?.. С черного входа?! А разве так можно? Я думала..." Не то чтобы лэри Карр так уж глубоко исследовала данный вопрос... Нет, теорию она знала на отлично. Бабушка рассказала, причем популярно. И потом житье на природе располагало к осведомленности особого рода. То собачек застанешь, то курочек с кошечками, а иногда и лошадок.

Но чтобы вот так вот: втроем на козетке. Подобного блюда Сонечка никогда не видела.

А ничего не подозревающие блудодеи ритмично двигались попеременно то входя вглубь тела Марты, то покидая его. "Словно диковинный поршневый механизм, темп которого нарастает" — сглотнула Софи, до побелевших пальцев сжимая канделябр. Он один казался ей символом прежней спокойной жизни. Той, в которой не сопят с присвистом, не оскверняют козеток, волнуя тем самым ни в чем не повинных девственниц. Да и волосатых задниц там нету, не говоря уж об остальной оснастке.

Между тем мужчины ускорились. Они уже не входили, вбивались в Марту. И та писком встречала каждое их вторжение. Туда-сюда, туда-сюда, туда... А потом все кончилось. С хрипом, свистом и стонами механизм распался, оставляя по себе тяжело дышащих расхристанных Терри, Винса и Марту.

Стараясь не дышать, Софи на цыпочках отошла от двери. "Никакого скандала не будет!" — погрозила она ни в чем не повинной двери в гардеробную. "Не дождетесь" — не без жалости вернула канделябр на законное место и решительно покинула свои покои. Дел предстояло великое множество.

Для начала лэри Карр переговорила с Нэнни, кратко рассказав ей о случившемся. Потом Хозяйка Серебряного озера посетила храм Пресветлой, где имела беседу с просветленной сестрой Мари. Ну и, наконец, нанесла визит в дом самого знаменитого златокузнеца в селении.

— Джон, — устроившись в удобном кресле у камина, начала Софи, — у меня к тебе серьезный разговор.

— Слушаю, лэри, — со всем почтением откликнулся тот.

— Насколько мне известно, — Хозяйка Серебряного озера старательно подбирала слова, — тебе нравится Марта.

— Больше, чем нравится, — признал кузнец. — Вот только я ей не по нраву.

— Я тоже всегда была против вашего союза, — Софи плюнула на дипломатичность и решила говорить прямо. — Марта при всем обаянии, красоте и прочих достоинствах не пара тебе. Слишком уж она легковесна, легкомысленна. Ее девичество... Одним словом...

— Не стоит, лэри. Я все понимаю...

— То-то и оно, что ничегошеньки ты не понимаешь, глупый. Мне всегда хотелось видеть рядом с тобой девушку серьезную, а не вертихвостку Марту. И все же именно тебя я хочу спросить сегодня: "Ты женишься на моей горничной, Джон?#"

— Это шутка?

— Какое там. Мне не до веселья. Сегодня... — помолчав, Софи начала рассказывать. — Вот и все, — она устало откинулась в кресло. — Теперь ты знаешь все. А, да... Приданное за ней дам богатое, скупиться не стану. Только об одном попрошу: не трогай ее сразу. Нужно убедиться в тягости Марта или нет.

— А если да? — напрягся Джон. — Что будет, если Марта окажется беременной?

— Как что? — не поняла Сонечка. — А какие могут быть варианты? Рожать будет, а вот ребенка я заберу. Ты же понимаешь, что от такой связи может родиться только маг или ведьма?

— Простите дурака, лэри миленькая! — рухнул перед ней на колени кузнец. — Я ведь грешным делом подумал... Простите, — повторил он.

— Какие уж тут обиды, — отмахнулась Софи. — Вставай. Я так понимаю, что ты согласен жениться на моей вертихвостке.

— Согласен. Беру. Спасибо, лэри миленькая, — упертый Джон и не думал подниматься. Вместо этого он принялся целовать ручки Хозяйки Серебряного озера.

— Дурачок, — рассмеялась она. — Золотое сердце у тебя. Знаю, что не обидишь мою дурочку. Только пообещай мне еще...

— Все что угодно, лэри, — Джон не колебался ни минуты.
— Про себя не забывай. Марте воли не давай, на шею себе не усаживай. А ума я ей вложу.
— Все сделаю.
— Отлично, — потерла ладошки Софи. — Тогда организуй чайку. Нужно еще насчет церемонии поговорить. Приданное опять же...
— Сию секунду, — обрадованный Джон ринулся на кухню.

***

Стоило Софи войти в свои покои, как к ней кинулась Марта.
— Лэри, переодеваться пора. Обед скоро.
— Пора, — со вздохом признала девушка, подумав, что в гардеробную войдет только под конвоем, а на козетку — любую, не только оскверненную блудодеями, сядет только в случае реальной угрозы жизни. — Ты какое платье приготовила?
— Лазоревое, — поклонилась горничная. — А к нему шаль из альпаки заморской. До чего же мягкая шерсть. И сплетено искусно. Словно паутинка невесомая. И туфельки новенькие... Лэри, а ведь я вас потеряла. Ищу, ищу...
— Были дела в селении, — не стала вдаваться в подробности Софи.
— Ясно, — затеребила фартучек Марта. — А перед отъездом вы ничего не видели?
— Не понимаю.
— Ну особенного... — окончательно смешалась горничная.
— Говори яснее, — за разговорами Соня успела дойти до гардеробной и теперь застыла на пороге. Как раз в том месте, где давеча наблюдала коллективные скачки.
— Лэри, — из глаз Марты покатались слезы. — Простите меня, лэри. Демоны попутали! Сама я ничего такого не хотела... Просто соблазнилась, а они...
— Они?
— Лэрды Винсент и Терренс. И я с ними.
— Вот как? — не имея сил смотреть на козетку, Софи вернулась в спальню и присела к туалетному столику. — И что?

— И все, — вытерла слезы Марта. — Опасаюсь теперь, как бы в тягости не оказаться, — закончила она по-деловому.

— Это можно проверить, — Соня почувствовала дикую усталость. — Хочешь?

— Сделайте божескую милость, лэри, — горничная молитвенно сложила руки.

— Давно это у вас? — взгляд Хозяйки Серебряного озера сделался расфокусированным. Она перешла на магическое зрение. — Я это к тому, что если недавно, то могу и не увидеть ничего.

— Дней десять почитай, — быстро ответила Марта.

— Ясно, — моргнула Софи. — Поздравляю, ты беременна.

— Правда?

— Истинная.

— Хвала, Пресветлой. Значит замуж меня теперь отдадите? — радовалась будущая мать.

— Непременно, — Софи закрыла глаза. Смотреть на Марту отчего-то было больно. — Прямо завтра и отдам. Джон уже готовится к свадьбе.

— Джон? — не поняла горничная. — При чем тут Джон? По нашему закону мужем становится тот, кто обрюхатил. Сами знаете. Кто семя на нашу землю уронил, того она не отпускает. Издавна так повелось! Что-то вы путаете, лэри.

— Марта, Марта, — покачала головой Софи. — Не ожидала я от тебя такой глупости. Неужели ты в благородные лэры собралась?

— Ну а что, скажете такого не было? — стояла на своем она. — Сколько раз я слышала про бабку управляющего. Она из простых была.

— Так и дед лэрда Харди у трона короля замечен не был и к высшему дворянству отношения не имел. Работал себе в имении и не заносился.

— Но закон, лэри! Я ведь могу потребовать!

— Можешь, — согласилась не нежная Сонечка, а суровая властная Хозяйка Серебряного озера, могущественная лэри Карр. — И я даже пойду тебе навстречу. Вот только скажи мне, сколько ты проживешь после этого? Как быстро высокородные лэри, сговоренные с близнецами, отправят тебя и нерожденного ребенка в объятия Пресветлой матери? Молчишь? Молчи-молчи. Тогда я продолжу.

Допустим, я ошибаюсь насчет убийства и прочих ужасов. Но какой станет твоя жизнь? Достанет ли у тебя сил жить в атмосфере насмешек? Быть окруженной презрением? А твои дети? Они же разделят твою участь.

— Но почему? Ведь бабушка лэрда Беннана...

— Бабушка жила в имении, — потеряла терпение Софи. — Тут! Не в Аргайле! Или ты думаешь, что близнецы останутся в Разрушенном замке? Станут коров с тобой пасти? Они сильные маги из могущественного клана, Марта. Их отец дружит с королем!

— Что же мне делать?

— Выходить замуж за Джона и молотья Пресветлой, чтоб Брюсы от тебе забыли.

— Но, лэри...

— Что, лэри?! Пока ты проказничала с конюхами и лакеями, я молчала. Но сейчас не могу, извини. Ты не по себе ты сук рубишь, Марта. Вот чем тебе Джон нехорош? Молодой, красивый, богатый. Между прочим, первый среди наших ювелиров. И, главное, любит тебя.

— Любит... А ребенок?

— Заберу и воспитаю как родного. Даю слово.

— А если Джон попрекать меня будет?

— Неужели ты к нему не подластишься, лисонька-хитруля?

— Думаете?

— Уверена, — улыбнулась Софи. — Станешь уважаемой женщиной. А я буду всем твоим деткам крестной.

— Добрая вы, лэри. Другая бы... А вы... Спасибо, — Марта уже давно, не скрываясь, хлюпала носом. — Повезло нам... Давайте переодеваться что ли...

— Ага, — согласилась та. — Только я в гардеробную пока не пойду, извини.

— Чего уж там.

— А козетку тебе в приданное отдам.

— Лэри! Так вы все видели!

— Еще бы. Ты так старалась мне показать близнецов за работой, — не удержалась от шпильки Софи. — Ладно, не красней, я пошутила. Дам хорошее приданное, но и следить за тобой буду строго.

— Так я принесу платъице?

— Неси. И туфельки не забудь, а шаль я тебе подарю. И эту, и шелковую с кистями.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

"Переодеться к обеду, что может быть проще и естественней?" — думал Бен раньше и ошибался. Переодевание несравненных лэр Брюс целиком и полностью эти утверждения опровергало. И если естественность с большой натяжкой, вызванной смущением красавиц еще можно было найти, то вот с простотой... Напряженно было с простотой. И вообще было напряженно.

Самый воздух в спальне гардеробной сгустился и вроде бы потрескивал. Даже искры проскакивали. Или это Бернарду только казалось? От излишнего воздержания. И постоянного возбуждения.

Не то чтобы он был половым гигантом или особо озабоченным, приализмом тоже не страдал, хотя на отсутствие темперамента не жаловался. В общем, был Бен нормальным молодым магом... пока не женился. С тех пор жизнь его круто изменилась. Поменялось все: ценности, цели, задачи, приоритеты. Нет, глобально они остались теми же самыми. Счастливая дружная любящая семья, шумные здоровые веселые дети, реализация в профессии. Но вот пути достижения этих самых целей изменились. Они стали более предметными и, как ни странно, замысловатыми, а еще не очень-то благородными...

Короче, Бернарду пришлось манипулировать несравненными Эдме и Фионой. Не по злему умыслу, нет! Исключительно из благих намерений! А еще из-за желания отдать супружеский долг.

Если совсем коротко, он взялся изображать из себя нечто среднее между бычком на веревочке и тупоголовым кастрированным бараном. Улыбался всем, шутил, веселился. Несравненных супруг заваливал подарками и драгоценностями, делал им комплименты, целовал ручки, но дальше этого не шел. Потому что некуда ему было идти! Кроме общей спальни, в которой можно только спать втроем, причем спать в самом вульгарном смысле этого слова. Не принуждать же к близости трепетных Эдме и Фиону.

О, какими словами крыл Бен зловредных северных ведьм, когда понял все изощренное коварство обидевшихся за скоропалительную свадьбу женщин. Ну что им стоило выделить семье апартаменты посвободнее? Тогда у Бернарда появилась бы свобода маневра,

возможность остаться наедине с одной из жен. Уж тогда он бы не оплошал. Давно вступил бы в права мужа. Два, нет, сто двадцать два раза!

Слава Пресветлой, что Эдме и Фиона то ли поддались на манипуляции, то ли сделали вид что поддаются. Во всяком случае они, загадочно переглянувшись, отпустили горничную и вошли в гардеробную, оставив дверь в нее нараспашку.

***

Если бы Софи увидела загадочно переглядывающихся кузин в тот момент, когда те удаляются в гардеробную, не потрудившись закрыть дверь, она бы лишь слегка покраснела, пожалала плечами и поспешила уйти. Не в правилах лэри Карр подглядывать за близкими. В конце концов поганки — женщины замужние, им лучше знать, что показывать супругу, а что нет.

Софи это не касается. У нее вообще все еще спереди, то есть впереди. Да!

Но если на самую крошечную секундочку допустить, что среброволосая ведьмочка все же последовала за сестрами и даже задержалась на пару минут (не больше), о чем бы она задумалась? Что до глубины души поразило бы невозмутимую Хозяйку Серебряного озера? Плавные движения неторопливо раздевающих друг друга поганок? Их роскошное нижнее белье, щедро украшенное парламским кружевом и вышивкой? А может их откровенные позы? Выражения лиц? Прикушенные словно в лихорадке губы?

Нет! Нет! И еще раз нет!

Софи поразило бы, что все эти губы, руки, глаза и прочее, прилегающее к поганкам размещается на козетке! Пусть на другой, но все же... Может это какое-то волшебство, разлитое под сводами древнего замка, бросает красавиц на козетки и принуждает к блудодействию? Или это отличительное свойство козеток? Или козеток, находящихся в гардеробной? Пресветлая знает. А больше никто в целом свете, пожалуй...

Как бы там ни было, а расхрабрившиеся поганки увлеклись. Они и разделись, не совсем, конечно, но все же, и волосы распустили, и

чулочки поправили, тонкими пальчиками проследив ровность шва, и, дружно пожаловавшись на духоту, надумали расшнуровать корсеты...

— Милые, я готов помочь, — прозвучало хрипло, едва рука Эдме коснулась шнуровки изумрудно-зеленого корсета, обнимающего Фиону.

— Ты? — хором удивились негодницы, подняв глаза на мужа, замершего на пороге гардеробной.

— А кто? — даже растерялся он. — В смысле, кто посмел?! — сам себя не узнавая зарычал Бен. Если бы ему сейчас показали неведомого помогальщика ненаглядных супруг — порвал бы голыми руками. Однозначно.

— Мы сами, — растерялись девы.

— В смысле? — настороженно уточнил Бенард, на всякий случай покрепче вцепляясь в откосы двери. Мало ли, что придется услышать. А тут хоть какая-то опора.

— В прямом, — нервно дернула завязки корсета Эдме.

— От тебя же не дождешься помощи, — придушенно прохрипела Фиона.

— Вот и приходится самим, — Эдме дернула еще раз, вкладывая в рывок всю душу.

— Тебе же ничего не надо, — Фиона, по-видимому, собралась падать в обморок. Она побледнела, над верхней губой выступили бисеринки пота.

— Зачем тогда женился?! — еще один рывок, и Фиона закатила глаза.

— Стой,пусти, — Бен кинулся в гардеробную. — Ты ее задушишь. Так, да, убирай ручки. Умница, Эдме. И ты молодец, Фиона, — разрезая затянувшиеся завязки, похвалил он. — Дыши, ненаглядная моя. И не трепыхайся, — добавил металла в голос. — Сейчас я тебя на кровать отнесу.

— А меня? — остановил Бенарда срывающийся от слез голос Эдме.

— И тебя, солнце, — не скрывая облегченной улыбки, пообещал он. — Только подожди минуточку.

— Ладно уж, надула губы капризница. — Только корсет портить я тебе не дам. Так и знай.

— Ох, уж эти мне корсеты, — пропыхтел Бен, устраивая на постели все еще бледную Фиону. — От них один вред. Сейчас водички выпьешь, и полегчает, — он кинулся к столу, загремел посудой.

— Ты как тетушка, — она собралась было прикрыться, даже за покрывалом потянулась, но вовремя вспомнила о принятом решении и заставила себя остановиться.

— Я? — обалдел парень. Ничего общего с тещей кроме, конечно, поганок, он иметь не собирался. О чем и надумал сообщить, повернувшись к кровати, то есть к жене...

Мысли Бена спутались и полетели куда-то далеко при виде раскинувшейся на постели Фионы. На девушке были только белые чулочки с подвязочками... и все. Игривые панталончики до колен демоны побрали, не иначе.

— Я должен тебе помочь, — выхлебав водичку, поставил в известность он. — Прямо сейчас.

— Я жду тебя, мой рыцарь, — мурлыкнула начинающая соблазнительница, поражаясь собственному окаянству.

— Иду, — Бен поставил стакан на место и сделал шаг к кровати, на которой улыбалась прекраснейшая из женщин.

— Между прочим, я тоже жду, — напомнила о себе заскучавшая Эдме.

Бернард остановился, словно перед ним выросла стена. О второй жене он не то чтобы совсем забыл. Скорее запомнил в любовном угаре.

— Ножки мерзнут, — слышалось из гардеробной.

— Иду, — бросив взгляд раненого зверя на Фиону, он поплелся в гардеробную. Каждый шаг давался тяжело, ведь делая его, Бен прощался с мечтами о немедленной близости. А супружеский долг манил. "Все, — тряхнул головой несчастный, разгоняя любовный дурман, — сегодня же поговорю с лэррой Нэлианной. Должна же быть в этом дурацком замке отдельная спальня, в которой я могу остаться наедине с женой! С женами! Демоны и бездна! Они обе мои" Тут Бернард, наконец, добрался до гардеробной и вновь застыл как громом пораженный — верная своему слову Эдме не дала испортить свой корсет. Каким-то неведомым способом она самостоятельно избавилась от лилового вышитого безобразия. Слава Превышней, хоть панталончики оставила.

"А может ну ее — эту отдельную спальню? Без нее обойдемся!" — подхватив на руки вторую по порядку, но не по значению жену, решил Бен, настроение которого сделало очередной кульбит и стремительно взмыло вверх.

— Я говорил вам, что я — самый счастливый сукин сын, девочки? — спросил радостно.

— Не припомню, — Эдме потянулась словно кошка и прямо по кровати поползла к сестре. Благо размеры постельного монстра позволяли.

Бен так и прикипел глазами к ее круглой попке.

— Я сейчас, — пообещал он. — Только дверь закрою...

— Я уже, — отчитался Бен.

— А мы еще нет, — скованно рассмеялись поганки. Как бы там ни было, а потерю девственности они представляли себе несколько иначе. Но человек предполагает...

— Это вам только кажется, — мягко улыбнулся Бернард. — На самом деле мы все уже давным-давно "да".

— Ты похож на кота... — начала Эдме.

— Который поймал мышь, — закончила Фиона и на всякий случай зажмурилась. — Такой же довольный.

— И предвкушающий.

— Еще бы, — согласился тот. — В мои когтищи попали...

— Мышки, — пискнула Фиона, не рискуя открывать глаза. Вместо этого развела колени.

— Феи, — услышала она охрипший голос мужа и почувствовала его дыхание прямо там... в сосредоточии женственности. Во всяком случае именно так именовалось это, пусть будет, место во фривольных романах. — Прекраснейшие феи жизни.

Теплые руки осторожно погладили внутреннюю поверхность ее бедер.

— Какая нежная у тебя кожа. Словно теплый шелк. И вся ты — совершенство. Правда, Эдме? Погляди как наша Фиона красива сейчас.

Послышалось какое-то шебуршенье, а потом неуверенный голос сестры сообщил:

— Вообще-то она всегда красивая, но ты прав... Сейчас, когда ты близко... Все по-другому, очень остро... И красиво, да. Словно

раковина жемчужницы...

"Слава Пресветлой, что мы воспользовались тем средством, — едва не сгорела со стыда Фиона" — поминая добрым словом дорогущую леорийскую мазь-эпилятор. "Надо будет поделиться с Софи, пусть и ее "ракушка" тоже станет гладкой и эта... шелковистой" — сдержать нервный смешок оказалось непросто.

— Когда-нибудь я нарисую тебя... — мечтал Бен. — Вас, — вовремя поправился он. — Я нарисую вас обеих. Такими, — показал руками. — Самыми прекрасными. Если только моего таланта хватит, да... Но эту картину никто не увидит кроме нас троих. А сейчас... — его голос охрип, дыхание превратилось в огонь...

Во всяком случае Фиона была в этом уверена. Потому что в тот момент, когда Бен еще шире развел ее бедра, а его губы почти коснулись... Они были прямо там! И они воспламеняли кровь, заменяя ее на жидкий огонь, который поднимался от лона, отравляя незнакомым тяжелым жаром все существо юной женщины.

— Хочу тебя поцеловать, — прошептал Бен, и она распахнула глаза.

Поцелуй? Сейчас? Туда???

— Я, — сглотнула она.

— Молчи, — велел Бернард, а сестра сурово кивнула, поддерживая мужа. Мол, заткнись, пожалуйста, и не позорься. Спорить с ними не было ни сил, ни желания, оставалось только откинуться назад и чувствовать.

Фиона была начитанной девушкой, но только сейчас она поняла, насколько теория отличается от практики. Ей было стыдно, да. Очень даже. Но еще влажно горячо и очень приятно. Настолько, что Фиона потерялась в ощущениях тем более, что их было слишком много.

Губы мужа касались лона, даря острое пьянящее наслаждение, а ей казалось, что целуют душу... Сестра навалилась, бесстыдно прижимаясь грудью к колену, а Фиона понимала, что так и надо — без нее было бы неправильно...

А потом все пропало, потому что нежный огненный вихрь подхватил ее, закружил, унося к звездам...

— Я тоже так хочу, — услышала Фиона словно издалека голос сестры и с трудом приподнялась на локте.

— Как ты? — искрилась любопытством Эдме. — Понравилось?

— Я стала женщиной?

— Пока нет, — засмеялся Бен и одарил Фиону еще одним возмутительно приятным поцелуем.

— А когда? — не поняла Фиона, а про себя подумала, что в губы ее Бен целовал только разок, а вот лоно... Его супруг обласкал куда щедрее.

— Позже, милая. Сейчас очередь Эдме, — веселился он. И его смех, посылая колкие иголки удовольствия, будил уснувшее минуту назад желание.

— С кем ты там разговариваешь? — Фиона пошевелилась, пряча смущение за недовольством.

— С жемчужницей, — скромно ответила ехидная Эдме, но не выдержала и захихикала. — Бен оказался тем еще добытчиком жемчуга.

— Ловцом, — машинально поправила Фиона, потом сообразила, о чем идет речь, и мило покраснела. — Пусти, — сказала сердито.

— Постой, — тут же среагировала сестра, удерживая Бена. — Я передумала, — ответила на его недоумевающий взгляд. — Давайте уж до конца... А я вечерком. Или завтра.

— Струсил, — догадалась сестра.

— А вот и нет! Просто берегу мужа. Он у нас один...

— Струсил, — не поверила Фиона, а Бернард молча притянул к себе и поцеловал.

Губы у него были мягкими, умелыми, требовательными. Их вкус... Поняв, в чем дело, Эдме пискнула и постаралась оттолкнуть мужа. Ничего не вышло. Он не пустил, прижал теснее и углубил поцелуй, безмолвно рассказывая о своих чувствах. Можно ли объясниться в любви, не говоря ни слова? Сегодня Эдме уверилась — да, тысячу раз да! И обняла в ответ, отвечая со всем пылом.

Поцелуй прервался, и она почувствовала себя брошенной и одинокой. Впору спрашивать: "Как же так?" — и обиженно хмуриться. В другой раз Эдме обязательно так и сделала, но почувствовала прикосновение к груди и задохнулась. Это было так неожиданно, так остро и, главное, совсем непохоже на ее собственные попытки получить удовольствие. "Как приятно" — выгнулась навстречу губам Бена, застонала и вдруг охнула, почувствовав прикосновение между ног.

— Еще, — под довольный смех Бернарда и понимающее хихиканье Фионы потребовала она.

— Обязательно, — пообещал он.

И не обманул. Ласкал, заставляя забыть обо всем. Отринуть стыд, ибо нет ему места в супружеской постели. Спутать день с ночью, фейерверками звезд расцветивающей небосвод. Стонать от удовольствия. И вмиг очнуться от резкой пронзившей все тело боли...

— Что? — дернулась Эдме, выныривая из сладостного дурмана и сиюсь оттолкнуть навалившегося сверху мужа. — Почему так?

— Чшшш, милая, — взмолился тот. — Потерпи. Сейчас все пройдет.

— Пусти, говорю! — продолжила пихаться обиженная в лучших чувствах поганка. — Сейчас была очередь Фионы, а не моя! Это она должна была первой стать женщиной и рассказать мне как это. Мы договорились, понял? А ты все испортил!

— Я? — поразился Бен. — А хотя... да. Извини, дорогая, — он торопливо отстранился. — Не хотел разрушить твои... ваши планы, — поправился он. — Я в ванную, — положил на живот Эдме что-то холодное и ушел.

— Ты совсем дура или прикидываешься? — дождавшись, когда за Бернардом закроется дверь, прошипела Фиона. — Что творишь вообще?

— А чего он? — дернулась встать та.

— Лежи, ненормальная и не шевелись, а то стряхнешь амулет малого исцеления.

— Лежу, — огрызнулась Эдме, — не ори. Прямо слова никому не скажи, — она всхлипнула и отвернулась. После ухода мужа и слов сестры стало холодно и одиноко.

— И не ней, сама виновата.

— Конечно. А он? Взял и ушел. Бросил. Вот.

— Негодяй какой, — поджала губы Фиона. — Лишил девственности и скрылся в неизвестном направлении. Или в известном? Или надо было не лечить тебя, не слушать, а продолжать свое дело? Изнасиловать тебя дуру к демонам свинячим!

— Эй, мне, вообще-то, сейчас тяжело и больно.

— А кому легко? И вообще, не ври. Амулет уже подействовал.

— А душа? Ей больно.

— Так, душевнобольная, слушай внимательно, — не на шутку рассердилась Фиона. — Я сейчас пойду к Бену успокою его и извинюсь за нас обоих, а ты оставайся.

— Ну и останусь, — никак не могла успокоится Эдме. — И мы ни в чем не провинились перед ним.

— Может и так. Только это неважно сейчас, — Фиона слезла с кровати. Сестренка, ты только подумай, что ему с нами как-то надо будет жить и оставаться в здравом уме.

— Нам тоже, — крикнула вслед сестре Эдме.

— Первая здравая мысль за весь день, — дернула плечом та. — Обдумай ее как следует. И вот еще что... — Фиона замолчала, подбирая слова. — Больше никаких... В общем, в общей постели втроем с сегодняшнего дня мы будем только спать. Все остальное — наедине с Беном. Хватит с меня.

— Предательница.

— Думай, что хочешь, — Фиона решительно нажала на ручку двери и вошла в ванную, а что зажмурилась, никого не касается. — Не помешаю?

— Заходи, — Бернارد откликнулся не сразу. — Только глаза открой, — посоветовал он, и Фионе показалось, что он улыбается.

"Ну и ладно. Главное, что не гонит" — подумала она.

— Сейчас, подожди минуточку, — попросила вслух. — Только с силами соберусь.

— Что такое? — встревоженный Бернارد в тот же момент оказался рядом. — Что случилось?

— Ничего, — Фиона позволила себя обнять. — Просто они кончились.

— Кто? — испугался Бен.

— Силы, — как на духу ответила она. — Думаешь легко мне разгуливать в таком виде?

— Прекрасный вид.

— Неприличный, — шепнула Фиона.

— И что же делать? — заинтересовался он.

— Как что? Закрывать глаза...

— Я тебя сейчас поцелую.

— И я тебя... Только сначала извинюсь.

— Не надо.

— Надо, — Фиона, наконец-то, посмотрела на мужа. — Не обижайся на нас с Эдме. Мы не хотели... Просто все так сложно, — она невесело рассмеялась. — Даже в словах путаюсь, а еще романы пишу. Ужас, да?

— Неа, — поцеловал смущенную девушку Бен. — Все замечательно и прекрасно. А хочешь секрет?

— Да.

— Я прочел все ваши романы, — шепнул в порозовевшее ушко он. — И мне понравилось.

— Правда?

— Честное благородное слово. Очень интересно.

— Софи тоже нас хвалит, — оживилась Фиона. — А вот тетушке не нравится. Она даже хочет запретить нам... — сникла она.

— У тещи ничего не получится, — тихонько рассеялся Бернард. — Кончилась власть суровой лэры Нэлианны.

— Она хорошая.

— Замечательная, — согласился он. — Просто прекрасная, раз смогла вырастить вас с Эдме. Только ее время кончилось, теперь вы мои.

— И это возвращает нас к началу разговора, — Фиона нежно погладила мужа по щеке. — Не обижайся на нас, Бернард. Мы хорошие, просто дурные. Наверное... Так говорят. Но зато мы тебя любим. Обе.

— Вы чудесные, насквозь прекрасные девочки. И я вас очень люблю. Обеих.

— Раз так, — в дверь поскреблась Эдме, — не выгоняйте меня. Одной холодно и грустно, — совершенно несчастная поганка прошмыгнула в ванную.

— Тебе же лежать надо, — ахнул заботливый Бен. — После такого...

— Мне бы искупаться, — опустила глаза Эдме и тихонько бочком-бочком подвинулась ближе.

— Лиса, — хмыкнула, заметив ее маневры, Фиона и отвернулась, чтобы набрать ванну.

Тугая струя воды ударила в дно неглубокого мраморного бассейна.

— Тебе какой аромат?

— Апельсин, — сказала Эдме.

— Лаванду, говоришь? Правильно. Таким нервным барышням всегда лаванду льют, — прикинулась глухой Фиона.

— Ну чего ты? — опять надулась сестра. — Я же по-хорошему. Бен, скажи ей. Бен, ты чего молчишь? Бен! — топнула ножкой.

— А? — вздрогнул тот.

— Я говорю...

— Что это? — перебил Бернارد, по-простецки указывая пальцем на мухомор, красующийся на копчике Фионы. Очень уж удачно она повернулась спиной.

— Талисман, — пролепетала Эдме и, проскочив мимо мужа, быстренько опустилась в воду. Про татуировки-то они с сестрой совсем позабыли.

Бен проводил глазами завлекательно мелькнувший мухомор на ее попе, сглотнул, понял, что до Эдме ему сейчас не добраться, зато Фиона вполне доступна. В смысле, находится в зоне доступа, то есть... Встряхнувшись по-собачьи, он выбросил глупые мысли из головы и подступил к смутившейся жене.

— Откуда такая красота? — любовно огладив талисман, спросил он.

— От вольной ведьмы, — ответила Эдме, на всякий случай прижав свой мухоморчик к бортику бассейна. В воде она почувствовала себя свободнее, потому и отвечала смелее. — Это на удачу и для увеличения магической силы.

— Очень интересно, — одобрил Бен, притираясь к Фионе. — Я где-то читал о таком, но никогда не видел вблизи... А хотелось.

— За чем же дело стало? — удивилась Эдме. — Сестричка тебе покажет. А я пока ножки погрею.

— Покажешь? — совершенно по-котовьи муркнул Бен, посылая по позвоночнику Фионы табун мурашек.

— Да, — поняв, что бежать некуда, согласилась та. — Сейчас...

— Э, нет, — плеснула на них водой Эдме. — Идите в спальню. Тут неудобно, — напустила в голос строгости она.

— И правда, — Бернارد глянул на нее с благодарностью, ухватил Фиону за руку и потащил в постель.

Она не упиралась, шла спокойно, а то, что тайком погрозила сестричке-лапочке кулаком, так это мелочи. Тем более, что Эдме не обиделась. Вместо этого поганка помахала ручкой, устроилась

поудобнее и прикрыла глаза, собираясь понежиться в теплой водичке. Еще бы вина бокальчик и пару пирожных. Но чего нет — того нет. Хотя причина уважительная наличествует. Все-таки женщиной становишься только раз.

А тем временем в спальне разгорались страсти.

— Показывай, — Бену не терпелось как следует рассмотреть не только татуировку, но и то место, которое она украшала.

Фиона поглядела на него, подумала, что требования супруга вполне законны, хотя и высказаны в несколько грубой форме. "Ладно уж, не буду вредничать, — вздохнула она. — Бену сегодня и так непросто"

А потому, сделав, таки, зарубочку на память, Фиона влезла на постель и, как давеча Эдме поползла, вернее собралась отползти, но была поймана... Старая ведьма знала, что говорила, обещая поганкам любовь и восхищение мужа. Может до любви они еще не добрались, но вот влюблены были точно. А уж страсть... От нее в глазах у обоих темнело. Или это за окном начало вечереть? Неважно. Главное вместе.

Если бы Бен умел писать стихи, он наверняка бы сложил оду мухомору. Удивительный гриб. Божественный. Пьянящий. Недаром северные шаманы придают ему такое значение. Вроде бы с помощью хмельной мухоморовки тамошние чародеи путешествуют по мирам. Раньше Берnard считал рассказы об этом откровенной брехней, теперь знал: все правда. Ведь сам он сейчас пребывал в лучшем из миров!

Татуировка оказала на него поистине волшебное действие, сузив весь мир не просто до пределов комнаты или кровати... Все заменила собой Фиона. Лишь она одна была настоящей. Главной. Самой важной. Остальное... Его не было. Только узкая сливочно-белая спина. Тонкая талия. Чувственно вздрагивающая поясница с двумя умопомрачительными ямочками. Пышная крепко-сбитая попка, увенчанная наглым красно белым мухомором.

Так и хотелось его лизнуть, потом подуть, вызывая дрожь и низкий стон, и опять лизнуть, и может быть даже прикусить легонько. Сжать зубами и замереть. И все это время ласкать девственное лоно, скользя пальцами вдоль увлажненных лепестков. А потом, выгадав момент, погрузиться в горячую узкую глубину и окончательно сойти с ума.

И двигаться, двигаться, двигаться... И взлететь к звездам.

— Я, кажется, сорвался, — прохрипел он, разжимая объятия. — Прости, родная.

— Обращайся, если что, — откликнулась Фиона, морской звездой распластавшись на кровати. — Где там лечебный амулет был?

— Сейчас-сейчас, — как ужаленный подскочил Бен. — Потерпи.

— Ага, — она лениво наблюдала за метениями мужа и сыто улыбалась. — Не суетись.

— Я уже, — прикладывая к пострадавшим местам амулет малого исцеления, Бенард не удержался и чмокнул мухоморчик. — Как ты? Очень больно? Может за целителем послать?

— Не надо. Мне хорошо. Ничего не болит. И вообще...

— Что? — склонился к любимой Бен.

— Давай еще разок...

***

Напрасно собравшиеся в столовой хозяева и гости ждали молодых к обеду. Те не покинули покоев и к ужину.

— Наконец-то, — довольно переглядывались Брюсы.

— Уже, — сокрушалась Нэнни.

— Дети растут так быстро, драгоценнейшая лэра Нэлианна, — утешал ее дедушка Грир. — И это еще полбеды. Ужас в том, что, вырастая, они вылетают из гнезда. Оставляют нас. Главное в такой момент найти занятие по душе. Да...

— Вы так думаете? — недоверчиво глянула Нэнни.

— Имею печальный опыт, — развел руками лэрд Гамильтон. — Прислушайтесь к моему скромному мнению, прекраснейшая. Занятие по душе и радость за детей очень помогают. Главное эту радость отыскать, — закончил он едва слышно.

— Не все так плохо, дед, — тряхнул чубом Дик.

— Все еще хуже, чем ты думаешь, — похлопал его по руке лэрд Грир. — А, впрочем, не бери в голову, мальчик мой.

"И не трясги кудрями над тарелкой" — спрягала усмешку Софи, отметив между делом, что неплохо было бы отдать распоряжение

прислуге насчет молодоженов. Пусть оставят у дверей супружеской спальни чего-нибудь вкусенького. И побольше, побольше.

— О чем задумались, лэри? — склонился к девушке Эдвард.

— Да так, — отвлеклась от составления меню, состоящего из сладостей и холодных закусок, Софи. — О мелочах, не стоящих вашего внимания.

— Хмм, — потянул Нэд, пристально глядя на хозяйку дома. Казалось, он раздумывает над тем, как расценить ее слова. Насмешка это, холодная вежливость или что-нибудь еще? — Праздники заканчиваются, — продолжил, придя к какому-то выводу. — Совсем скоро нам возвращаться в столицу.

— Помню, — нахмурилась Софи. Уезжать из дома ей ужасно не хотелось. Опять оказаться среди шума и суеты большого города, в которой чувствуешь себя песчинкой, подхваченной ветром... Брр, гадость какая. К тому же не радовало расставание с поганками. Понятно, что они будут жить с мужем.

Ох, уж это муж... От него и его родственничков сплошные проблемы. Софи сердито глянула на близнецов. Молодые папаши весело перемигивались, чувствовалось, что они задумали очередную каверзу. "Паршивцы какие. Мало их отец порол" — лэри перевела взгляд на Рэйли Брюса, которому еще только предстояло узнать о проделках Винса и Терри. Пусть это будет и не очень скоро — не раньше, чем беременность Марты станет явной. В принципе можно оставить семью Брюс в неизвестности. Но тогда можно получить обвинение в воровстве крови. Необязательно, но возможно.

И, хотя, по всем законам нерожденный еще ребенок принадлежал роду Карр, скандал с Брюсами и Советом Матерей был бы крайне нежелателен. "Может к тому времени поганки окажутся в тягости" — малодушно понадеялась Софи. "И вообще, чего я дергаюсь? Если бы декан научил сыночков не разбрасывать семя направо и налево, никаких проблем бы не было" — очередной раз успокоила себя она.

— Лэри, — напомнил о себе Эдвард, — простите, что отвлекаю...

— Это вы извините меня, — встрепенулась Софи.

— И меня тоже извините, — вмешался в беседу неунывающий Ричард. — Просто так, за компанию, — безоруживающе улыбнулся он.

— Чего тебе надо, несчастный? — Нэд почуял недоброе. Наверняка братец что-то задумал.

— Предлагаю устроить вечер с танцами, — предложил тот, хороня планы Эдварда на сегодняшний вечер.

— Отличная идея, — задумавшие очередную проказу близнецы переглянулись и обменялись проказливыми улыбками.

— Прекрасная, — воодушевился лэрд Гамильтон. — Не правда ли, любезнейшая лэра Нэлианна?

— Пожалуй, что так... — смирилась с неизбежным Нэнни.

— Просто великолепная задумка, — лэрд Рэйли легко расстался с мечтами сыграть пару-другую партеек в Вист или Пикет. Раз уж партнеры по картам желают плясать — спляшем, где наша не пропадала. Тем более, что повод есть. Да еще какой! Бен окончательно взялся за ум. "Спасибо тебе, Пресветлая Матерь наша!" — горячо возблагодарил богиню глава рода Брюс.

— Обожаю танцы, — лучезарно улыбнулась Софи, которой больше всего хотелось провести вечер перед скорой разлукой в обществе нянюшки. И чтоб никого больше. Ну, разве что, поганки... Жаль, что это невозможно.

— А уж я-то как их люблю, — скрипнул зубами Эдвард. "Мельчаешь ты, старик, — подумалось ему. — Уже и до милых сельских увеселений докатился" Потом посмотрел на милый профиль лэри Карр и успокоился: в делах любовных не стоит торопиться, к тому же их лучше вести в тайне от всех, особенно принимая во внимание интересы его величества. Так что, да здравствуют танцы!

***

Всю дорогу до Аргайла Софи решала стоит ли ей принять приглашение лэрда Брюса и вместе с молодоженами переселиться в его городской особняк.

— На правах родственницы, — горячо убеждал ее декан.

— В самом деле, подумайте, — поддерживала мужа лэра Изабелла. — Учитывая ваши совместные занятия артефакторикой, это наилучший вариант.

— Что тебе одной делать в общежитии? Ты же с голоду там без нас помрешь? — уговаривала Эдме, привалившись слева. — И вообще, мы без тебя пропадем.

— К тому же работать с бабулиным списком в городском особняке куда как легче, — жарко шептала Фиона в правое ухо.

— Мне очень хочется с вами, — наконец, сдалась Софи. — Спасибо.

— Умоляем, не начинай, — взмолились кузины.

— Тогда, если вы, конечно, не передумали, я согласна, — она посмотрела на декана. — Постараюсь вас не стеснить...

— О чем речь, девочка, — обрадованно пробасил тот, потом пристально поглядел на смущенную блондинку, прикинул что-то в уме. — Да и не получится у тебя ничего.

В том смысле, что одна хрупкая барышня при всем своем желании не... То есть, добро пожаловать в семью, — получив от жены незаметный для окружающих, но очень чувствительный удар локотком под ребра, поправился лэрд Рэйли.

***

Идея перебраться к Брюсам и оказалась на редкость удачной. Софи очень понравился их хлебосольный устроенный на широкую руку дом, в котором щедро, с размахом принимали гостей. Некоторая нарочитая простота лэрда Рэйли нивелировалась изысканностью и утонченной рафинированностью его супруги. Они вообще составляли прекрасную пару. На редкость гармоничную. Словно бы эти двое представляли собой половинки единого целого. Брюсы совпадали во всем, вернее они были совершенно разными, но... одинаковыми.

Софи не могла взять в толк, как такое возможно, но не верить своим глазам она не могла да и не хотела. Ей просто было хорошо. Почти как дома. Если бы еще не тянула за душу тайна беременности Марты...

— Я обязательно поговорю с ними, — в который раз пообещала себе Софи. — Через пару месяцев. Да, так и сделаю, — зевнула она, склоняясь над конспектами.

Времени на занятия решительно не хватало. Оно испарялось самым возмутительным образом, утекало сквозь пальцы, утекало. Вернее, его пожирала ежедневная дорога до академии и обратно,

занятия с лэрдом Брюсом и, мать ее, светская жизнь со всеми ее приемами, балами и вечеринками.

Высшее общество распахнуло перед лэри Карр свои объятия и теперь настойчиво душило среброволосую провинциалочку. Слава Пресветлой за то, что она в свое время вразумила лэри Карр, заставив принять дружбу Ричарда Грира. Если бы не он, то Софи пришлось бы нелегко. Конечно, рядом с ней были Брюсы и Бернад, но они в большей степени были заняты Эдме и Фионой. И были правы.

Известие о свадьбе поганок и Бена стало главной сенсацией зимнего сезона.

Как же иначе? Скоропалительный брак, триада, близость невест к загадочной Хозяйке Серебряного озера — все это интриговало похлеще чем биржевые сводки, новости из колоний или последние сплетни. Наверное, только массовая казнь, какой-нибудь безобразный адюльтер или известие о том, что его величество сподобился-таки выбрать официальную фаворитку, смогли бы отвлечь общественность Аргайла от обсуждения подробностей семейной жизни третьего из мальчишек Брюсов. Но, как на грех, все, включая его Барти седьмого и пиратов южных морей вели себя прилично, безобразий не учиняли или просто наловчились прятать следы своих недостойных деяний. Как говорится: концы в воду.

Вот и отдувались за всех Бенушка в компании одинаково одетых Северных ведьм и примкнувшие к ним лэрд Рэйли и лэра Изабелла. Даже Нэнни малодушно отказалась покидать поместье, оставив своих девочек на растерзание высшего света. Впрочем, она была рада оказать им гостеприимство в Разрушенном замке. Ее не винули. Относились с пониманием. Тем более, что все происходящее с ведьмочками так или иначе, но шло им на пользу. Закалка никому еще не мешала, а у поганок и Сонечки вся жизнь впереди. Вряд ли в дальнейшем их путь будет усыпан розовыми лепестками. Небось и шипов хватит.

Сами поганки будто бы и не замечали столь бурной активности вокруг себя. Вернее, им было все равно. Эдме и Фиона просто были счастливы. А уж о Бене и говорить нечего. Ему и раньше было плевать на омерзительные сплетни, а сейчас и подавно. К тому же тональность пересудов изменилась, превратив Бернарда Брюса в фигуру, осененную несомненной милостью Пресветлой. Мол, только божьим провидением отринул прекрасный юноша происки извращенных

демонов плоти и вернулся на путь истинный. Да мало того не убоился связать молодую жизнь с коварными северными ведьмами. Честь и хвала герою!

А еще шептались, будто бы дал он зарок Пресветлой Матери нашей написать дивное полотно в ее честь. И вроде бы как художественный руководитель одаренного юноши уже видел наброски, которые привели его в экстатическое состояние.

— Талант, как есть талант, — то и дело экспрессивно восклицал он, восторженно закатывая глаза и делал странные, но очень многозначительные фигуры руками.

Движения рук маститого художника были загадочны и хаотичны. Они ни о чем не говорили обывателям, тем самым еще сильнее интригуя светское общество, особенно ту его часть, которая мнила себя ценителями искусства.

Эдвард Грир, едва вернувшись из логова коварных северных оболъстительниц, был обласкан его величеством. Можно даже сказать, что отныне он занял должность официальной королевской фаворитки, вернее фаворита, если, конечно, исключить физическую составляющую. Еще бы, блистательному обер-секретарю и его брату удалось вплотную подойти к осуществлению планов его величества в отношении лэри Карр.

Нельзя сказать, что Эдвард пришел в восторг от свалившейся на его голову государевой милости. Он вообще очень изменился. Внешне это не было заметно, но внутри... Впрочем, свой внутренний мир Нэд Грир охранял тщательно, ведь в нем царила она — единственная и неповторимая. Среброволосая лэри Карр, недостижимая и прекрасная.

Недостижимая, да. По крайней мере для него — без пяти минут женатого разумного человека. А закрутить пустую интрижку с ней... Немыслимо. А даже если решиться, что потом? Волочиться за лэри на глазах у всех? А дальше? Нет уж, лучше не надо. Не суждено быть вместе. Ничего страшного. Зато белокурая лунная дева приходила в его сны. Приходила и оставалась до утра.

О Ричарде Грире при раздаче милостей тоже не забыли. Он, как и старший брат удостоился монарших милостей. По окончании учебы Дикона ждала прекрасная карьера по дипломатической части. Место при коллегии иностранных дел ему было обеспечено в любом случае. Да не какое-нибудь, а очень даже тепленькое. И пусть молодой повеса

отнесся к этому с возмутительным равнодушием и некоторой дерзостью, наступит время, и он оценит. Непременно. В любом случае недочеты в поведении молодого Грира искупает его близость к Хозяйке Серебряного Озера, рыцарям которой он стал. Как, собственно, и планировалось.

А рыцарям, особенно благородным, и положено быть бессребрениками и слегка не от мира сего.

Его величество был счастлив. Единственное, что огорчало Бартимеуса VII в ту зиму — невозможное упрямство старого друга. Помириться с ним так и не удалось. Идиот Рэйли на попытку выразить благодарность за укрощение северной дикарки и ее кузин едва не дал самодержцу в морду. На силу удержался. Но рычал громко. Пришлось Барти проявлять понимание и демонстрировать добрую волю в отношении озверевшего однокашника. Ибо он — цивилизованный государь, а не кровавый сатрап. Что бы там не говорили некоторые.

К тому же крики здоровяка Брюса никак не влияли на выполнение монаршьих планов. А они, особо касаемые надежд на выздоровление брата, были близки к осуществлению. Только это сейчас было важным.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Александр Александрович Краснов медленно открыл глаза...

— Доброго утречка, ваша светлость! — перед кроватью навтыяжку вытянулся здоровенный наряженный в ливрею с золочеными галунами детина.

— Дагания, — простонал он, поведя глазами, словно надеялся оказаться совсем в другом месте. — Чего тебе, Патрик?

— Как есть Дагания, — склонил бритую голову тот. — Капельки пора пить, — загремел склянками.

— Оставь, после выпью, — поморщился Краснов.

— Нет, уж вы откушайте, — упрямо выпятил челюсть Патрик. — А то знаю я вас.

— Поговори мне! — рык получился знатный, аж у самого в ушах зазвенело. — Пшел вон!

— Нет, уж вы выпейте, — повел богатырскими плечами детина, и Сан Саныч понял, что камердинер не отвяжется — силой заставит, не постесняется скрутить в бараний рог родного младшего брата короля трижды распроклятой Дагании. Чтоб ей пропасть!

— Давай сюда свою отраву, — драться с утра не хотелось, да и сил не было.

— Лекарь обещался вкус зелья улучшить, — чуть расслабился Патрик, подавая хозяину питье. — Пресветлую в свидетели призывал.

— Фу, — передернулся Краснов, сглатывая лекарство. Привыкнуть к его мерзкому вкусу никак не получалось.

— Заедайте скорее, ваша милость, — точь-в-точь повторивший гримасу Сан Саныча камердинер сунул тому под нос тарелку с тонко нарезанным лимоном. — Враз полегчает.

Он знал о чем говорил. Александру Александровичу и правда становилось легче и от прописанной отравы, и от лимончика. Голова переставала болеть и кружиться, в глазах прояснялось, даже силы появлялись. Почти сразу, да. Можно встать и, опираясь на плечо верного Патрика (неважно, что он похож на разбойника с большой дороги, зато предан как собака) дойти до ванной. И, если не споткнешься по дороге, бдительный слуга оставит тебя ненадолго в

одиночестве. Тогда можно будет умыться холодной водой, пошире расставить ноги, ухватиться за край раковины, поднять голову, раскрыть зажмуренные глаза, посмотреть в зеркало и увидеть в нем чужое лицо.

Лицо, к которому Сан Саныч не мог привыкнуть уже полгода.

— А ведь и правда полгода прошло, — сказал он отражающемуся в зеркале тридцатилетнему лохматому скуластому мужику, в чьем туловище застрял шесть месяцев назад.

— Забудешь тут, — скривило пухлые губы отражение. В сочетании со смуглой скуластой физиономией, по самые глаза заросшей синеватой щетиной смотрелось это вызывающе, даже порочно. — Шесть месяцев назад ты на мою голову свалился.

— В голову, — уточнил склонный к точным формулировкам Краснов. — И, кстати, не очень-то ты протестовал по этому поводу. Даже объявился не сразу.

— Хочешь сказать, что я трус? — за тонкой пленкой серебряной амальгамы сталью блеснули серые глаза.

— Это я трус, — сознался Сан Саныч. — Иначе давно сознался бы во всем, а там будь, что будет.

— Эй, не вздумай! — метнулось отражение. — Барти только этого не хватает.

— Брата шизика, ты имеешь в виду?

— Помешанного главы тайной канцелярии, — даганец тоже любил, когда вещи называли своими именами. — И потом, все с нами и так ясно.

— Нам бы с тобой как-то договориться надо, мил человек, — Сан Саныч задумчиво почесал кривоватый ястребиный нос, как делал всегда в минуты раздумий.

— О чем? — даганийский герцог тоже подергал себя за нос. — К согласию по основным вопросам мы пришли, учить я тебя учу. Только тяжело мне за тело цепляться стало. Вот что. Наверх тянет.

— Нельзя! — рыкнул Саныч. — Не вздумай, терпи.

— Сам знаю. Зубами уж за жизнь держусь, а только страшно... Вдруг меня туда, — он потыкал пальцем в потолок, — вместе с памятью заберут? Ты ж тут мало того, что сдохнуть можешь, таких дел понаделаешь...

— Могу, — подумав, согласился Краснов. — Но вообще... Помирать не страшно, по себе знаю, так что, не бзди, Алекс. Вот дураком, канеш, оставаться не хочется.

— Нам бы мага жизни, — тоскливо вздохнул герцог Ингарский.

— Нету, — развел руками Краснов и чуть не навернулся из-за накатившей слабости.

— Ладно, проваливай уже. И вели подать на завтрак мяса. Протертые каши и белковые омлетики меня... нас уморят.

— Бывай, — согласился Сан Саныч и медленно двинулся к дверям, за которыми, он точно знал, сейчас плакал Патрик. Преданному слуге хозяйские разговоры с личной шизофренией были словно нож острый. Потому и прятался Саныч в ванной. Так-то он Алекса в любом зеркале видел, а уж слышал и вовсе каждую минуту.

Нет, Краснов, конечно, мог общаться с хозяином своего нынешнего тела, вернее бывшем хозяином, беззвучно. Только было это очень тяжело, а еще больно. Оттого-то и падал он к концу дня без сил и, засыпая, мечтал проснуться дома — в Москве, чтобы хоть одним глазком увидеть ненаглядную свою Катеньку.

— Патрик, бриться, — вспомнив обросшую физиономию в зеркале, велел Сан Саныч.

— Со всем нашим удовольствием, — излишне радостно откликнулся камердинер. — Все готово, ваша милость.

— И мяса на завтрак вели подать, — вспомнил заветы Алекса Краснов. — Жареного.

— Доктор жареное запретил, — набычился Патрик" готовый до последней капли крови бороться за хозяйское здоровье.

— Тогда хоть котлет паровых, — смирился с неизбежным Саныч.

— Сейчас все будет, обождите секундочку, — со всеми удобствами устроив хозяина в кресле, двухметровый нянька хлопотун метнулся в коридор — распорядиться насчет завтрака.

— Жду, — Краснов, чувствуя дикую усталость, вытянул ноги, прикрыл глаза. Было такое чувство словно он не умываться поутру ходил, а вагоны разгружал. — Ну, — спросил он, — и как ты дошел до жизни такой?

— Иду уже, ваша милость, — поспешил откликнуться Патрик. — Бегу.

— Куда бы мне сбежать? — малодушно задумался Краснов. По всему выходило, что некуда. Потому что оказался он попадуном, а вернее попаданцем. Именно так в книгах, которые читала Катюша, называли людей, оказавшихся в другом мире.

Сан Саныч пару раз заглянул в книжицы с яркими обложками, подивился буйной фантазии авторов да и позабыл об этом. Сам он любил книги иного рода: мемуары, серьезную историческую литературу. Особенно интересовал Краснова период Великой Отечественной войны. Да... Был серьезным уважаемым человеком, а вляпался в натуральное женское фентези. Кому сказать — не поверят. Не, ну правда. Скажи кому, что Александр Александрович Краснов в принца с размаху угодил, стыда не оберешься. И ведь ничего не предвещало.

Жил, работал и не где-нибудь, а в серьезной конторе на хорошей должности, до полковника дослужился, между прочим.

И остальное все как у людей: жена, сын, дом полная чаша. А потом диагноз... Нехороший такой диагноз, операция, химиотерапия, потом еще одна, потом снова операция и под конец метастазы в печени. Вот и все собственно. Финита ля комедия.

Рак печени — страшная болезнь, что бы там не говорили по телевизору жизнерадостные ведущие. А может это Краснову с врачами не повезло? И Стиву Джобсу, и тысячам других? Хотя нет, Сан Санычу как раз бога гневить нечего. Он до последнего дня жил без боли, ел, пил, слабел, конечно, но не мучился. Видно, Катя отмолила.

Нехорошо стало только перед самым уходом: мутило, и холод подступал, врачи вроде приезжали, кололи чего-то... А потом Катя рядом села, за руку взяла, и полегчало. Даже сон хороший приснился. Вроде как свадьба чья-то. Веселье идет. Все вокруг нарядные незнакомые, но рады все Сан Санычу как родному. Приветствуют его словно гостя дорогого, кланяются, обнимают, невеста чарку подносит. Сама хорошенькая такая, совсем юная, улыбается ласково, а в глазах слезы.

"Что такое?" — принимая кубок, дивится Краснов, отпивает глоток, чтобы проснуться в окаянной Дагании. Лучше б не засыпал, право слово!

— А ведь это смерть была, — прошептал помертвевшими губами Саныч, вспомнив то свое сновидение.

— Долго соображаешь, — моментально откликнулся Алекс. — Я вот сразу понял. И, знаешь, полегчало. — Всегда думал, что Гасительница Жизней ужасна, а она вон какая... Глаз не отвести. И добрая.

— Разная она, — не согласился Краснов. — Кому как не тебе об этом знать?

— Это ты в профессиональном смысле, или на грубость нарываешься? — полюбопытствовал герцог. — Тем более, что ремесло у нас общее. Или нет?

— Или да, — сдался Саныч, которого опять начало мутить.

— Ладно, пойду, — подобрел одержавший маленькую победу Алекс. — А ты брейся и завтракай. Да, совсем забыл... Скоро день рождения Барти. Нам нужно будет присутствовать на приеме, сам понимаешь. Так что готовься, — хохотнул он. — Морально и физически.

— Мля... — Краснов такой подставы не ожидал.

— Прорвемся, — пообещал герцог. — Я появляться поменьше буду, чтоб ты окреп, а на приеме и вовсе не высунусь. Дам тебе волю, — издевательски закончил он и правда пропал зараза. Принц особист хренов.

***

— Сегодня едем к портнихе. У нас последняя примерка, — напомнила лэра Изабелла за завтраком. — Девочки, я заберу вас из академии, пообедаем в городе, и к нэре Станиславе, — делилась планами на день хозяйка дома. — Не опаздывайте, девочки.

— Тогда я остаюсь дома, — выслушав мать, решил Бернард.

— Прогульщик, — стравила зевок в кулачок Эдме — сегодня была ее очередь проводить ночь с мужем.

— А можно, я тоже останусь? — взмолилась Софи. — Позанимаюсь дома.

— Отличная идея, — обрадовалась лэра Брюс. — А то ты бледненькая совсем.

— Не согласен, — нахмурился декан. — Ты слишком балуешь детей, Изабо. Ладно еще Бен, какой с него спрос? Свободный

художник. Но девочки? Какой пример они подадут остальным студентам?

— Ты преувеличиваешь, милый, — нежно погладила своего великана по руке лэра. — Из-за приема во дворце Софи пропустит визит домой.

— И мы, — хором взмолились поганки, поняв, куда ветер дует.

— Ей положена компенсация, — продолжила лэра Изабелла.

— И нам! — поганки умильно хлопали глазами.

— Я категорически против, — из последних сил сопротивлялся женскому напору декан. — Компенсация ей, видите ли, нужна! Да любая девица душу готова продать за приглашение во дворец! Правда, Софи? Софи?! Что с тобой?!

— Все хорошо, — она уже была не рада, что завела это разговор. Только скандала, разгоревшегося из-за такой ерунды, ей не хватало. Главное — не расплакаться. — Извините, я пойду собираться...

— Ну вот, — с сердцем сказала лэра Изабелла, перехватывая Софи, — довел ребенка до слез, изверг!

— Злодей, — расхохотались восхищенные утренним представлением близнецы. — Мучитель! — увернувшись от отцовских подзатыльников, они ринулись прочь из столовой.

В дверях оболтусы едва не сбили с ног лакея с подносом, на котором лежала рассортированная на аккуратные стопочки утренняя почта. Белыми проштемпелеванными птицами вспорхнули конверты и рассыпались по полу.

— Прости, Жером, — крикнул Винс.

— Мы нечаянно, — проскочил мимо Терри.

— До вечера, мамочка, отец, братец, сестрички... — их голоса прозвучали уже издалека.

Хлопнула дверь.

— Пороть их надо было, — мэтр Брюс пристально наблюдал за ползающим у порога Жеромом. — Да уж поздно.

— Прекрати пугать девочек, — потребовала лэра Изабелла, — и расстраивать меня. Лучше вели подать мороженого. Мы перенервничали.

— Лучше мне уйти, — Софи была сыта Брюсами по горло. "Они... Они хуже бабушки, честное слово" — общежитие начало казаться девушке землей обетованной. Там она по крайней мере была

сама себе хозяйкой, а тут... Досадливо передернув плечами, Соня пошла прочь.

— Лэри, остановил ее Жером. — Вам письмо!

***

"Скорее бы лето" — стучали лошадиные копыта. "Скорее бы лето" — поскрипывал под полозьями снег. "Скорее бы лето" — подпрыгивала бахрома, которой были отделаны шторы на окнах. "Скорее я свихнусь в этом городе, чем наступит лето" — злилась Софи. "И Брюсы тут совсем ни при чем. Это все я. Сама командовать привыкла. А тут: сюда не ходи, это не надевай, прием у короля — великая милость. И то, что мне от этих милостей подальше держаться нужно, никого не интересует," — лэри Карр выглянула окошко, с сердцем дернув штору — срывала злость на несчастной тряпке. До ААМ было еще далеко. Разговаривать ни с кем из Боюсов не хотелось, а других в карете просто не было. Даже поганки и те... Вздохнув, выдохнув, Софи приказала себе успокоиться. Не хватало только закатить истерику.

Чтобы отвлечься, она развернула письмо.

"Не знаю, вспомните ли вы меня" — было написано красивым почерком. "Наверное давно выбросили из памяти. Тем более, знакомство наше было коротким и не слишком-то приятным. И все же только в вас, лэри, моя надежда"

— округлые старательно выписанные буквы, дорогая бумага, а слова все те же... Сколько раз за свою короткую жизнь Софи получала письма с мольбами о помощи? "Не так уж много" — с удивлением поняла она. Нэнни и бабушка надежно ограждали свою серебряную девочку от надрывающих сердце просьб. Врядли эта женщина прорвалась бы сквозь заслон, выставленный ими. Софи быстро глянула на имя адресата, там стояло: лэра Силия Брюс, урожденная Сайл...

"Опять они, — Софи кинула недовольный взгляд на мирно подремывающего декана. — Воистину эти Брюсы как саранча. Видно прокляла меня Пресветлая этой семейкой! Вот как не стану дочитывать!"

Подумала так и устыдилась. Ничего плохого не сделала ей эта Силия. И наверняка ей тяжело пришлось, раз написала. Ведь та еще гордячка. Софи вспомнила холодную зелень глаз лэри Сайл, вздрагивающие крылья ее носа, вздернутый подбородок. Ее ведь отчислили. И что? Сразу выдали замуж? Безо всяких ухаживаний, помолвок и прочей конфетно-букетной канители? Как же так?

" Ужас" — содрогнулась Софи, жалея бедняжку. Потом посмотрела на довольных жизнью поганок и решила не рубить с плеча, а сначала прочесть послание. Прочесть и помочь! В конце концов она обязана Силии счастьем кузин.

Сказать, что история лэри Сайл потрясла — не сказать ничего. Возмущение, обида, жалость, восхищение и желание помочь во что бы то ни стало сменялись по мере прочтения. Решение было принято. Конечно, все еще как следует надо обдумать, выбрать подходящее время и задать несколько вопросов мэтру Рэйли.

Глубоко задумавшись, Софи распрощалась с опаздывающими на занятия кузинами и пошла вслед на лэрдом Брюсом. В кабинете декана уселась под ставшую почти родной горную елочку, ласково почесала за ушком усатую Таби, посадила ее на ветку и погрузилась в медитацию, с которых традиционно начинались ее занятия.

Выбросить из головы мысли о Силии, никак не получалось. Ну и ладно. Зато появилось время вспомнить то небольшое, что она знала о герцогине Горм, ее даре и проклятии. На ум приходили только шепотки прислуги о том, что муж преступной герцогини был отправлен в ссылку, несмотря на его заслуги перед короной.

— Сослали бедненького, — вздыхала кастелянша. — В глушь парламскую. А ведь лэрд пострадамши. Сам под проклятие попал.

— И под проклятие, и под королевскую немилость, — сочувственно кивала головой супруга управляющего.

— Это все из-за того, что расстроилась свадьба нашей принцессы с леорийским дофином. А я так скажу: Пресветлая ее уберегла от позора. Не дала чистой даганийской девушке скатиться в пучину леорийской распущенности. У них ведь многомужество богомерзкое кругом...

— И не говори, — мечтательно закатила глаза лэра Харди. — А крепкие они небось бабенки. При двух мужьях-то.

— Зато не скучают. Некогда, — хихикнула в кулачок кастелянша.

— И ходят враскоряку! — прервал сплетниц возмущенный бас управляющего. — А ну за работу, бесстыдницы. Хоть бы ребенка постеснялись.

Дамы охнули, подпрыгнули, дружно схватились за декольте и прыснули в разные стороны как мыши от кота.

— Не слушайте их, лэри, — склонился к смутившейся Софи лэрд Харди. — Глупые бабы судят о том, чего не понимают. Выбросьте из головы досужие пересуды, держите лучше пряничка. А герцога все же жалко. Героический был мужчина...

— Почему же был? — подступила к управляющему Софи. — Он ведь жив.

— Разве ж это жизнь, девочка? Это отсрочка казни, — погладил по голове молодую хозяйку лэрд Харди. — Держись подальше от менталистов, — добавил он, уходя, — и Софи с тех пор перестала бояться чудовищ из шкафа, вампиров и прочих ходячих мертвецов.

Ее пугалом стали менталисты. Сколько книг прочла за эти годы ведьмочка, сколько премудростей ментальной магии открылось ей... И все же до сих пор сердце лэри Карр сжималось от ужаса, стоило упомянуть кровавую герцогиню, проклявшую весь род мужа...

Тем удивительнее было, когда проявились способности к менталистике. Видать судьба.

— Достаточно, — ворвался в мысли Софи голос мэтра Брюса. — С медитацией на сегодня покончено, перейдем к опросу. Хотелось бы услышать... — он замолчал, задумавшись. — Расскажи о гранатах, девочка.

— Гранаты известны людям очень давно, — Софи неохотно открыла глаза. — Наши предки называли его "анфракс" что значит "уголек." Древних привлекали темные разновидности этого минерала. Алые всполохи в глубине кроваво-красных пиропов завораживали их. И тем не менее расцветка гранатов не ограничивается только красным цветом. Они могут быть и золотистыми, и коричневыми, и зелеными, и даже белыми. Конечно, это стало известно только с развитием магии Земли. Тогда же разновидности граната получили свои названия: розовый родолит, зеленый гроссуляр, кроваво-красный пироп, желтовато-оранжевый спессартин, вишневый альмандин...

Интересно, что в древности людей интересовали не внешние данные камня, а его внутренняя магическая составляющая. Рыцари,

отправляясь в походы надевали перстни с гранатом и верили, что самоцвет защитит их от яда, коварства и смертельных ранений. Имеются исследования, в которых утверждается, что гранаты способны изгнать бесов из человека. Одна из просветленных сестер лет триста назад написала работу о влиянии пиропов на природу человеческую. Она с полной уверенностью утверждала, что, — Софи задумалась, вспоминая, — душа человеческая всегда стремится к правде, и ежели судья выпьет воду, настоянную на родолитах, то он способен вершить правый суд.

— Как интересно — рассмеялся довольный лэрд Брюс. — Редкостное могущество.

— Прямых доказательств, как вы понимаете, нет, — спрятала улыбку Софи. — Само название "гранат" пришло к нам из Парлама. Оно подчеркивает природную особенность залежей граната — совокупность сросшихся кристаллов, напоминающих плоды гранатового дерева. И все же ювелирная ценность этого удивительного камня долгое время уступала его магическим и лечебным свойствам. Гранаты издавна успешно применяются в медицине, оказывая сильнейшее воздействие на кровеносную систему. Они останавливают кровотечения, нормализуют давление и успешно борются с мигренью. Достаточно носить золотой перстень с гранатом на правой руке.

— Достаточно? — переспросил декан.

— Мэтр, я имею в виду камни, прошедшие через руки артефакторов. Влияние мастера на самоцвет огромно, и все же природной предрасположенностью минералов не стоит пренебрегать. Хотя, в отдельных случаях, например, когда маг хочет скрыть назначение амулета, на камни накладываются заклинания, противоположные их назначению. Я считаю подобные действия издевательством над самой сутью вещей. Куда проще скрыть камень от посторонних глаз, чем извращать его свойства.

— Допустим, у нас нет возможности спрятать амулет.

— Тогда нужно наложить на него иллюзию или воспользоваться крашенными кварцами, легко поддающимися любым модификациям.

— Уговорила, — крикнул декан. — Дальше.

В Леории верят, что гранат — покровитель влюбленных. Мужчины, желая показать искренность и силу чувств, дарят любимым украшения с этим самоцветом. Тем, кто потерял надежду на

взаимность или утратил былую пылкость чувств гранат поможет возродить любовь.

Огненные гранаты — камни новаторов и творцов. Однако, больше всего они благоволят музыкантам, скульпторам и художникам, обеспечивая этим людям прилив вдохновения.

Робким людям пригодится гранатовый талисман, особенно если им недостает упорства и смелости. А вот агрессивные натуры, скрывающие в душе "внутреннего зверя", лучше не носить такие амулеты, дабы не превратиться в настоящее чудовище. Так что далеко не каждый человек может завести дружбу с гранатом.

— Значит, дарим Бену гранатовый перстень, — подвел итог беседы лэрд Брюс. — Что ж, я доволен, а теперь...

— А теперь, — Софи твердо посмотрела на учителя, — я должна сказать вам, что после королевского приема я уеду в Старый камень.

— Куда? — поперхнулся декан.

— В поместье вашего брата Мэйсона, — вежливо пояснила она, с трудом удерживаясь от того, чтобы похлопать кашляющего мужчину по спине. — Лэрда Мэйсона Брюса. И не уговаривайте меня остаться, ничего не получится.

— В самом деле? — развеселился декан.

— Да, — последовало уверенное.

— А как же учебный процесс?

— Пресветлая с ним. Мэтр, ну позвольте съездить в Старый камень, — взмолилась Софи. — Мне это необходимо, поверьте.

— Раз надо — поезжай, — лэрд Брюс прекрасно понял, что спорить в данном случае бесполезно. — Только определись с сопровождающими. Дуэньи, приличия все дела... И не благодари, — остановил он взвизгнувшую от радости ведьмочку. Занятия еще не закончены.

***

Неделя до дня рождения Барти не прошла — пролетела. Сан Саныч и обернуться не успел, как пришла пора собираться на бал. "Золушка, мля(" — думал он, позволяя Патрику наряжать себя к балу.

Слава богу, то есть Пресветлой, что за полгода он привык носить одежду этого мира.

Поперву-то он мучился, путаясь во всех этих сюртуках, вышитых жилетах, панталонах, туфлях с пряжками и, пакость какая, рубашках, отделанных кружавчиками. Типа жабо, твою маму я любил!

От кружевного похабства Краснов отбоярился хотя и не без потерь, а вот от шелковых чулок и туфель не увернулся, да. Была, конечно, мысль надеть мундир, но от нее пришлось отказаться. Не то время и не то место, состояние здоровья и вообще. "Не о том думаешь" — одернул себя Саныч. "Лучше сосредоточься на том, чтобы не запутаться со знакомыми. Алекс тебе сегодня не помощник, если, конечно, не хочешь навернуться в обморок прямо на приеме" — посоветовал себе он.

— Готово, ваша милость, — управившийся с одеванием ушедшего в себя герцога Патрик отошел в сторонку и залюбовался полученным результатом. — Осталось регалии надеть и капельки выпить.

Ох уж эти регалии. Ладно еще родовой перстень. Хуже, что к нему прилагается толстенная золотая цепь, украшенная эмалью и висюльками с какой-то драгоценной хренью. Спасибо Алексу, поржал над страданиями Краснова, но сжалился и подсказал, что можно ограничиться булавкой с гербом. И пусть она увенчана изумрудом с перепелиное яйцо, зато не ерзает и на плечи не давит.

— Красота, — простодушно радовался тем временем камердинер, держа в одной руке стаканчик, в котором плескало зелье, а в другой тонко нарезанный лимончик. — Ежели чего, доктор разрешил еще разок лекарство выпить. На балу, то есть.

— Спасибо ему, — передернулся Саныч, ухватив дольку лимона.

— Так перетопчется, — Патрик целителя терпеть не мог и про себя иначе чем коновалом его не называл. "Только и знает — деньги драть, а вылечить не может. Гнать его в шею" — ответил бы верный герцога Ингарского, если бы его мнением поинтересовались, потому что как никто знал Александр Рокк — глава Тайной канцелярии и младший брат короля так и не оправился после покушения.

Вообще с этим покушением дело было темное. Темное и до сих пор нераскрытое. Да и сама по себе попытка избавиться от младшего ненаследного принца вызывала множество вопросов даже у прямодушного камердинера. Что уж говорить о людях опытных,

прекрасно разбирающихся в политике и прочих интриганских тонкостях?

Очень уж странной была эта попытка убийства. Специфической, интеллигентно говоря, а попросту бабской. Ну в самом деле! Контактный яд, нанесенный на парикмахерские принадлежности. Тут уж или соседские спецслужбы расстарались, или брошенная накануне любовница. И то, и другое равновероятно. Жаль, что у непосредственной исполнительницы уже не спросишь. Померла она. Преставилась в мучениях жутких.

Да и не убийца то была, а невинная жертва. Бедная девочка ни о чем не подозревала, просто радовалась, что ей выпала честь привести в порядок шевелюру его светлости герцога Ингарского. Так и отошла с радостно перекошенной физиономией, вызванной параличом мышц, прямо во время стрижки. Ну и лэрда с собой утащила. Чудо великое, что он покрепче оказался. Вроде уже Серых Пределов достиг, ан нет — вернулся. С того света не иначе. Правда память потерял, заговариваться начал, но это ничего! И с этим люди живут, и с худшим. И еще как! Можно сказать, всем на зависть.

А уж его светлость справится. Всех еще переживет. И отмстит. Особенно той твари, которая задумала и организовала покушение. Обязательно. Патрик в это верил свято.

Ничего, что сейчас хозяин слабенький. Зато по ночам кричать перестал. Близких узнает. И Патрика. А на остальных всяких разных плевать. Может сходит на бал его милость и еще кого вспомнит, а даже если нет — ничего. До другого раза подождать можно. Жизнь впереди долгая и счастливая.

***

Дорога много времени не заняла. Минут пять от силы. Саныч самостоятельно добрался, несмотря на болезнь, за полгода резиденцию брата изучить он успел. Так что усаживаясь в кресло стоящее, на ступеньку ниже трона Барти, чувствовал себя вполне уверенно.

Вроде бы ничего не забыл, думал он, оглядывая полную залу расфуфыренных гостей: к августейшей ручке ее величества приложился, племянниц расцеловал, с племянником пошутил, подарок

брату вручил, вернее поставил в известность, что десять бочонков драгоценного ликера "Изумрудные слезы" благополучно доставлены из Ингара и отдыхают в винных погребах его величества.

Крепчайшая настойка на основе яблочных спиртов включала в себя более восьмидесяти ингредиентов. Янтарно-изумрудная, выдержанная в дубовых бочонках, она сочетала сладость со жгучей горечью и ценилась по весу золота... Знающие люди утверждали, что питье "Изумрудных слез" не только не отнимает здоровья, но даже прибавляет его, причем многократно. Сам Краснов из-за болезни еще не пробовал знаменитую на всю Даганию настойку, но от Алекса слышал, что это настоящая амброзия и нектар, крепостью и сладостью подобный молоку, источаемому сосцами Пресветлой.

Не сказать, чтоб местные сравнения сильно воодушевили Сан Саныча, у которого в прошлой жизни с молоком, а вернее с его усвоением были некоторые проблемы деликатного свойства. Так что на фиг тот нектар, ну его. Другое дело — калгановая настоечка, которую мастерски готовила Катюша. Или, к примеру, "Клюковка" домашняя того же авторства... "А вообще с хорошей "белой" ничего не сравнится," — ностальгически вздохнул герцог, заставляя себя вернуться к действительности. Прием только начинался. "Что там у Барти по плану? Обязательные танцы, обед, после еды плясать будет только молодежь, народ посерьезнее развлечет себя игрой в картишки-шахматульки и прочий бильярд, да... На десерт фейерверк, а после баиньки," — освежил в памяти повестку дня Краснов.

***

Порядок королевского бала оставался неизменным уже более ста лет. Открывался он всегда полонезом. В танце-шествии принимали участие все без исключения приглашенные. Впереди, само собой, его величество с супругой, следом герцог Ингарский с инфантой (славная девочка, хорошо, что не попала в Леорию к тамошним извращенцам), за ними остальные согласно табели о рангах.

После полонеза наступала пора вальсов: даганский медленный вальс, вальс- гавот, вальс-мазурка. За ними следовали леорийская кадрили, па де труа, па де грас и полонез мазурка — особо ожидаемый

юными прелестницами, обожающими флиртовать и кокетничать. Мазуркой первая часть бала и заканчивалась. Кавалеры, завершив танец, вели к столу своих партнерш (насчет пожать и само-собой выпить).

О, что за обеды давались его величеством. Чего на них только не было. Разве что птичьего молока... Хотя в прошлом году придворный повар исхитрился назвать один из нежнейших десертов именно что "Птичьим молоком." И все же не яства были главными на этом пиршестве, а традиции, по которым объяснившиеся в друг-другу в любви молодые люди могли просить короля об особой милости — благословении на брак. И ведь почитай каждый год находились такие смельчаки. Презрев запреты близких и семейные договоренности, припадали он к стопам его величества, получали разрешение и чуть не бегом отправлялись в дворцовое святилище. Свадьбу играть.

Далее танцы продолжались. Королевский бал завершался котильоном, длившемся несколько часов. Юные красавицы до дыр протирали туфельки, теряли сознание от усталости и любви... Фейерверк смотрели лишь самые стойкие.

Саньч, честно пройдясь с племянницей в полонезе, уселся в креслице и от дальнейших плясок, спасибо болячке, уклонился. Вместо этого он наблюдал за придворными. Очень интересно было не только проверить свою память, но и сравнить личные впечатления с рассказами Алекса. Да и вообще интересно. Можно сказать, познавательно. Хотя и несколько утомительно. Может быть лучше расслабиться и понаблюдать за хорошенькой блондиночкой? Единственной, кстати говоря, в этом зале.

"До чего ж хороша. Совсем молоденькая, стройная, но не тощая. Глазки... Ах, какие глазки у лэри. Как там ее? Маргарет София Анжелика Карр, графиня Фризз. Судя по фамилии род древний. Почему я не помню?" — задался вопросом Краснов. Ответить ему мог только Алекс, но он не отзывался, верный данному слову молчать и не отвечивать во время бала. "Ну, не важно" — не стал цепляться к хозяину тела Саньч, не сводя глаз с хорошенькой графини.

"Неизвестно насколько умна эта блондинка и умна ли вообще, но пользоваться достоинствами своей внешности она определенно умеет. Вон какой наряд выбрала. Один только цвет чего стоит" — лениво размышлял Сан Саньч.

Темно-серое почти черное платье хитрого покроя так и льнуло к блондиночке, но только до талии. Ниже оно расходилось широкими складками и вроде как менялось. Словно бы какой-то то ли муар, то ли туман струился до самого пола, Краснов прежде такого не видал. Рукава тоже странными были. Поначалу обычные вроде, а от локтя меняются, превращаясь в марево серое, и тоже стекают до пола. Словно крылья стрекозиные... И украшения на девушке необычные — живые цветы в сияющих серебряных волосах и тонюсенькой талии. На фоне усыпанных драгоценностями гостей это выглядит вызывающе. Будто бы говорит всем эта Маргарет София и прочая-прочая: "Я сама по себе сокровище. Запишите это на бумажке, скурите, а пепел с винцом внутрь употребите."

Может оно, конечно, все не так, может Саныч ошибается, но непохожа белокурая стрекозка на остальных в этом зале. Другая она.

Сопровождение, если не сказать свита, у красавицы тоже необыкновенная. Две девицы гренадерского роста — кровь с молоком. Обе в одинаковых золотистых платьях и беретах на буйных кудрях. При них subtilный паренек ангельской внешности, два одинаковых с лица поганца, по которым ремень плачет, чубатый красавчик, смахивающий на секретаря Барти и мрачный зеленоглазый бледный юноша. Хотя по чести все они кроме subtilного ангелочка и чубатого зеленоглазые адепты Земли.

Неподалеку от молодежной компании расположилась в кресле супружеская чета. "Брюсы," — безошибочно распознал Краснов. Спутать закадычного дружка Барти с кем-нибудь еще было попросту невозможно. Жаль, что в последнее время приятели отдалились друг от друга по неизвестным (пока что) для Саныча причинам. "Помирятся еще" — понадеялся он, веря в здравый смысл брата. Кто же на его месте станет отдалять от себя верных людей?

Старшие Брюсы почти не танцевали — следили за компанией зеленоглазых великовозрастных деток во главе с белокурой Маргариткой. Вообще к ней было приковано множество взглядов. Особенно пристально, почти не таясь, смотрел какой-то придворный хлыщ при мундире и повисшей на руке щуплой девице. "Мать моя, — едва не расхохотался Краснов, в тот момент, когда хлыщ повернулся в его сторону. — Это ж Нэд Грир — сухарь, формалист и зануда. Эка его разбирает. Зацепила, видать девочка." Впрочем, он был не одинок.

Блондиночка тоже то и дело посматривала в сторону статного обер-секретаря, мрачней всякий раз при виде висящей на нем девицы. Нет, Маргаритка, само собой, таилась, не показывала вида, но веселилась скорее напоказ. Краснов это видел вполне отчетливо.

"Любовь" — вздохнул он, от души позавидовав молодым. Где-то в глубине души обиженно вскинулся Алекс, напомнив, что они, между прочим, сами не старые, едва достигшие зрелости мужчины. И нечего киснуть в кресле, изображая старого пердуна на покое. Понравилась девица — иди и пригласи на танец. "А не то я сам высунусь, погляжу на Маргаритку сию" — вместе с нахлынувшей тошнотой пригрозил герцог Ингарский, ясно изъявив свою волю. Решив проявить благоразумие, Сан Саныч поднялся и покорно направился напрямик к белокурой красавице: "Плясать, так плясать. Тем более, что мазурка начинается"

***

Бал не радовал: людно, шумно, громко. "Кавалеры назойливы, их шутки, которые полагается выслушивать с легкой улыбкой, плоские и потасканные, руки этих самых кавалеров, лежащие на талии... Поотрубать бы эти руки по самую шею!" — могла бы сказать Софи, но, конечно, молчала, танцевала, выслушивала всяческий бред и кивала благостно. А еще она смотрела. На поганца Эдварда! На этого бесстыдника! Что он вообще себе позволяет?! Почему разрешает своей, с позволения сказать, невесте обвиваться вокруг себя наподобие лианы? То же мне глициния, мать ее. Такая же ядовитая. И платье желтое дурацкое. Совершенно не идет к ней.

"На редкость вульгарная особа. А он, он... Глаза бы мои на него не глядели. Лучше посмотрю на Шеридана и поговорю с ним. На редкость приятный молодой человек, к тому же отец моей будущей доченьки. Да, именно так. Остановлю свой выбор на нем, а не на этом, этом... Пусть проваливает хоть к невесте, хоть к демонам в преисподнюю! Пресветлая, ну почему он все время попадается мне на глаза негодяй такой?!" — нервничала Софи, старательно держа на лице самое доброжелательное выражение. Хотелось верить, что ее попытки

не пропали даром, и окружающим Хозяйка Серебряного озера кажется самой счастливой девицей в этом зале.

— Позвольте мне иметь удовольствие пригласить Вас, — неожиданно прозвучавший голос заставил Софи вздрогнуть.

Она вскинула глаза, буквально в двух шагах стоял герцог Ингарский и не просто стоял, а протягивал к ней руку. Правую. "Чего ему?" — промелькнула глупая мыслишка, а тело, спасибо ему, тем временем действовало самостоятельно, следуя накрепко вбитой науке. Для начала оно присело в низком реверансе, демонстрируя уважение ненаследному принцу, а после распрямилось, чуть потупило очи, вложило дрогнувшую ладошку в крепкую мужскую руку и полетело, подчиняясь музыке. И герцогу.

Немного пришла в себя Софи лишь в тот момент, когда его сиятельство молодцевато опустил на одно колено, позволяя девушке обойти в танце вокруг себя. При этом смотрел он насмешливо и понимающе, словно насквозь до доньшка видел душу девичью. "Вот тебе и "Ужас Дагании" Котище" — развеселилась Софи, летя на волнах мазурки. Проход, еще один, поворот... "Как хорошо, что он молчит. Нет, не так, — думала Софи, кружась. — Как он хорошо молчит" Она совершенно успокоилась и наслаждалась танцем.

Настала пора меняться партнерами. "За что, Пресветлая?" — едва не застонала лэри, глядя в потемневшие глаза Эдварда Грира.

— Как вы прекрасны сегодня, — дрогнули его губы. — Любоваться вами одно удовольствие.

Дежурный комплимент в устах обер-секретаря его величества взволновал словно признание в любви, а ведь он не сказал ничего сверх предписанного этикетом.

— Пройтись с вами в мазурке — счастье, — сквозь бухающую в ушах кровь услышала она Нэда, уже возвращаясь к герцогу.

— Вы как будто взволнованы, — встретил Софи его светлость. — Неужели зануда Грир умудрился задеть вас, лэри?

— Не понимаю, о чем вы, — пару раз хлопнула ресницами Сонечка. Речь герцога действовала на нее как прекрасное успокоительное.

— Ну и правильно, — одобрил тот. — Хорошеньким девушкам, особенно если они блондинки, положено изображать дурочек.

Что на это ответить Софи не знала, а потому с удовольствием упорхнула прочь от лэрда Рокка. Настала пора следующей фигуры. Вместе с другими дамами она сместилась в центр зала, с тем чтобы изобразить некое загадочное движение веером. Обычно этот момент танца ужасно забавлял Софи, но не сегодня. Ведь рядом с ней оказалась лэри Блэр — та не умеющая одеваться невеста Эдварда. "Вот наказание" — удержать приветливую улыбку оказалось, ох, как непросто.

Зато объятия "Ужаса Дагании" после такого показались Софи тихой гаванью.

— Окажете мне честь?.. — во время последней проходки спросил герцог.

— Прошу прощения, — не расслышала девушка.

— Я насчет обеда, — совершенно по-простецки ответил тот. — Позвольте сопровождать вас?

— Буду рада, — просто ответила она. А потом, вспомнив, что обедать предстоит за одним столом с августейшими персонами, запнулась, покраснела.

— Что? — почувствовал перемену настроения белокурой Маргаритки герцог.

— Боюсь, что ее величество не обрадуется близкому соседству со мной, — неуверенно сказала Софи. — Репутация Хозяек Серебряного озера несколько, как бы это сказать...

— Не продолжайте, — властно остановил мужчина, наконец-то, поняв кто перед ним. Вспомнились рассказы Алекса о могущественных северных ведьмах, которые плевать хотели на всемогущество мужчин. Эдакие местные феминистки. Они почему-то представлялись Краснову здоровенными толстыми тетками навряде свихнувшихся на естественности бодипозитивщиц с небритыми подмышками, а тут такая фея, что мама не горюй. "Спортсменка, комсомолка, отличница" — хмыкнул он и вместе с волной тошноты и боли почувствовал мгновенный отклик симбионта — Алексу тоже было весело.

— Что? — настало время Софи тревожиться.

— Все в порядке, — бодро соврал Краснов, радуясь, что музыка закончилась. — Позвольте предложить вам руку... Исключительно в

плане обеда, — глядя в удивительные аквамариновые глаза, невпопад закончил он.

— Ну если только, — позабыла о неловкости она, благородно приняв неудачную шутку заодно с приглашением.

***

Обед по случаю для рождения его величества Бартимеуса VII заслуживал отдельного упоминания. Вот уже много лет это не какое-то торжественно-мрачное поглощение пищи в парадной столовой за длинным столом, отнюдь. Но и не разудалый средневековый пир, тем более не разгульная оргия с повальной пьянкой и гетерами. Нет, некоторые элементы того, другого и третьего, исключая естественно куртизанок, в организации обеда просматривались. К примеру, роскошь, строгий порядок рассадки гостей, соответственно табели о рангах, музыка опять же.

Но атмосфера вечера, настроение, витающее в зале, были иными, более непринужденными что ли...

В Волшебных Чертогах — любимой зале королевы Анны Марии для гостей были накрыты небольшие, персон на шесть столики. Их изящная сервировка прекрасно гармонировала с общим убранством зала. Белизна тончайшего костяного фарфора перекликалась с цветом, облицованных парламским мрамором стен. Небесно-голубые нежнейшего оттенка скатерти и салфетки перекликались с лазурью куполообразного, расписанного облаками потолка. Позолоченные кривоногие стулья, столы и прочая мебель гармонировали с отделкой стен, представляющей из себя лес. Золотой лес, в котором раздавались негромкие звуки музыки... Оркестр был спрятан на замаскированных хорах, но кого это интересовало, по чести сказать.

В общем, Сан Саныч одобрил: "Георгиевский зал побогаче будет, но где Кремлевский дворец и где Аргайл..." "Хотя с Кусково вполне сравнимо" — вспоминал он дачу графов Шереметьевых ведя Маргаритку к одному из столиков. А то, что своим приглашением на обед лэри Карр задал дополнительной работы распорядителю бала и едва не довел до сердечного приступа церемониймейстера, герцог Ингарский во внимание не принимал. Не по чину.

— Прошу, — подвел он Маргаритку к одному из столиков, дождался пока лакей отодвинет стул для нее и только потом уселся сам. Дурнота против ожидания не прошла. Даже странно, ведь Алекс, держа слово, вновь затаился.

Софи осторожно присела на краешек стула, как заведено, взяла в руки салфетку, но разворачивать ее не торопилась — ждала появления их величеств. И правильно. Не прошло и пары минут, как лэри Карр пришлось подниматься с тем, чтобы поприветствовать августейшую пару.

— Обойдемся без излишнего официоза, дитя мое.

Услышала замершая в глубоком реверансе девушка. Донельзя удивленная она подняла глаза, чтобы увидеть сияющего аки ясно солнышко именинника и его хмурую словно снеговая туча супругу.

— Лишний раз убеждаюсь, что вы, супруг мой, — настоящий отец своим подданным, — поджала губы Анна Мария.

— Как ты мудра, любимая и как прозорлива, — умилился Барти.

— Куда уж мне, — скромно опустила глаза королева.

У Софи, замершей в неудобной позе, если не сказать враскорячку, без привычки начали затекать ноги.

— И как скромна. Одно слово — голубица, — продолжил свою мысль король. — Просто сам себе завидую.

— А уж как я завидую брату, — бесстрашно склонился к ручке Анны Марии герцог Ингарский, героически гася разгорающуюся супружескую ссору. — Честное благородное слово, — серьезно посмотрел на невестку.

— Лъстец, — все еще раздраженно отмахнулась та, но взглянув в побледневшее осунувшееся лицо родича сменила гнев на милость. — Оба лъстецы, — милостиво улыбнулась братьям, позволила усадить себя за столик и только после этого кивнула Софи, разрешая подняться.

Именинника такое самоуправство не обрадовало, но он предпочел промолчать. Не стоило сейчас усугублять недовольство супруги, однако ее поведение необходимо обсудить. После. Наедине. А пока...

***

Софи плохо запомнила обед. Она что-то ела, пила и даже отвечала на вопросы. Наверное, внятно, потому что никто над ней не смеялся, пальцем не тыкал и глаз не закатывал. Хотя это еще ни о чем не говорит. Ведь за столом собрались воспитанные люди, которые могут обсудить ошибки, допущенные северной выскочкой, в другое, более подходящее время. Впрочем, такие мелочи не интересовали Хозяйку Серебряного озера. Все ее внимание занимал герцог Ингарский.

Что-то было в нем такое... Непонятное? Пугающее? Манящее? И да, и нет. "Может быть это знак? Может быть, я просто нашла того самого человека?" — задавалась вопросом Софи. "Правда бабушка всегда говорила, что от королевской семейки нужно держаться подальше, но рядом с так хорошо, несмотря на его..." — тут его подали десерт, и едва оформившаяся мысль упорхнула.

— А что ваш жемчуг, растет? — колупнув ложечкой шарик мороженого, светски поинтересовалась королева. — Всегда, знаете ли, хотелось посмотреть, — де давая никому вставить слова, сказала она.

— Вашему величеству стоит только приказать, — едва не закашлялась Софи. — Хотя, по правде сказать, смотреть там особо не на что. Сами по себе моллюски некрасивы, хотя и растят в себе истинное чудо...

— Чудо, да... — согласилась Анна Мария, готовая то ли попросить, то ли потребовать нечто особое для себя. Она даже открыла рот...

— Милая, а как ты относишься к тому, чтобы пригласить лэри Карр к нам на традиционную пятничную игру? — его величество многозначительно посмотрел на супругу.

— Отличная идея, — королева немного нервно промокнула губы салфеткой. — Карты вряд ли привлекут столь молодую особу, но вот фанты... Да, это отличная идея, дорогой.

Софи настороженно посмотрела на повеселевших супругов и подумала, что бабуля была таки права, завещая держаться подальше от самодержцев. Вечно им что-то нужно от Хозяек Серебряного озера. И ведь не откажешь же. Эх...

Зато герцог Ингарский... Какой интересный мужчина.

"Все проходит" — уверял древний мудрец. И он таки был прав. На счастье Софи обед вскоре закончился. Их королевские величества поднялись из-за стола, подавая пример подданным, и, минуя бальный

зал, напрямиком направились в салон: настало время играть в карты. Их поддержали не только люди в возрасте, но и те, кто предпочитал хороший Вист многочасовому дрыгоножеству под музыку. Некоторые из приглашенных отправились по домам, сочтя момент наиболее подходящим. И только неумная молодежь готовилась к танцам.

Семейство Брюсов разделилось. Старшие решили сыграть по маленькой, а младшие ринулись навстречу котильону, оставив Софи с герцогом. Нет, они не бросили лэри Карр. Просто, в очередной раз побледнев как спитое молоко, Ужас Дагании так зыркнул на подошедших поганок и Бена, что им ничего не оставалось кроме как раскланяться.

— Ну и зачем? — с трудом скрывая раздражение, полюбопытствовала Софи.

— Сам не знаю, — признался Саныч, недоумевая на хрена ж он так выпендрился и девчонку подставил. — Скажите сами.

— Воспитание не позволяет, — пожаловалась она.

— Понимаю и даже сочувствую... — тут Краснов сбился и умолк, потому что к горлу подкатила прямо-таки запредельная горечь, а голову сдавило болью.

— Вам нехорошо, — растерявшись, констатировала Софи.

— Сейчас отпустит, — вслух понадеялся Сан Саныч, но маленькая хозяйка большого озера его уже не слушала. Она отдавала команды королевским служащим, и что удивительно те ее беспрекословно слушались. Причем все: и дежурный маг порталщик, переместивший его светлость с ее милостью в апартаменты герцога, и целитель, и даже Патрик, что вообще не укладывалось в голове.

Дождавшись, когда оказавшийся на редкость жестоким приступ отпустит измученного Саныча, Маргаритка как ни в чем не бывало придвинула к его постели кресло и распорядилась насчет чая, а когда получила его, велела Патрику удалиться и следить, чтобы никто не потревожил покой герцога и не подслушал предстоящий разговор. Она так и заявила: "ОЧЕНЬ. ВАЖНЫЙ. РАЗГОВОР." Камердинер проникся, и ушел, мерзавец этакий, оставляя своего обессиленного господина наедине с хищно улыбающейся Маргариткой.

— Будете пытаться? — попытался пошутить Краснов.

— Если понадобится, — отхлебнула чаю маленькая нахалка.

— Я буду кричать, — поставил ее в известность Ужас Дагании. — Сбежится стража, Барти с женой, племянницы. От вашей репутации не останется камня на камне... — договорил и понял, что шутка зашла куда-то не туда. Не шутят над девичьей честью в этом мире.

— Репутации моего рода такая малость навредить не сможет, — спокойно ответила Маргаритка. — Предшественницы постарались, знаете ли. Так что не тяните время, рассказывайте.

— Вы всерьез рассчитываете на мою откровенность? — рассмеялся Краснов, не обращая внимания на попытки Алекса пробиться и таки выложить все как есть.

— Вообще-то я рассчитывала на это, — девушка оставалась невозмутимой.

— Ха. Ха. Ха, — очень медленно сказал Саныч, хотя смешно ему не было.

— Ну, тогда я сама все расскажу, — она поставила чашку на стол. — Дайте руку, — не сказала, потребовала Маргаритка. — Или испугаетесь? — подначила, видя колебания мужчины.

— Со мной давно не проходят такие номера, — поставил в известность зарвавшуюся девчонку Краснов. — На слабо меня не возьмешь! — закончил он и протянул руку.

Девочка была совсем молоденькой, но точно не душой. Поэтому от улыбок и подначек удержалась, повернула свою роскошную жемчужину внутрь ладони, сграбастала руку Саныча в свои ладошки и прикрыла глаза.

— Прикажете думать о своем недуге, прекрасная лэри? — осведомился тот.

— Я мысли не читать не обучена, — не сразу ответила Маргаритка. — Так что все равно.

— Тогда я буду думать о вашей дивной красоте, — в Сан Саныча не иначе как дьявол вселился. Иначе с чего бы ему вести себя словно сопливый мажор.

— Помолчите, пожалуйста, — попросила она, не открывая глаз. — Вы мне мешаете.

Изготовившийся выдать очередную глупость Краснов захлопнул рот и откинулся на подушку. Алекс внутри одобрительно хмыкнул в том смысле, что давно пора.

— Очень интересно, — после довольно продолжительного молчания, заговорила девушка. — Если бы речь шла о женщине, то я с уверенностью могла бы утверждать, что она беременна.

— Что? — по полной офигел Краснов, не ожидавший от Маргаритки такой подляны. Хотя где-то как-то она и была права.

— Но поскольку вы мужчина... — она, наконец, открыла глаза. — Я склонна думать, что раздвоенность вашего сознания вызвана иными причинами.

— Хотите сказать, что я безумец? — понадеялся Сан Саныч.

— Не угадали, — Маргаритка улыбнулась и погладила Краснова по руке, успокаивая. — Давайте воздержимся от диагнозов, которые могут нервировать вас. Лучше поговорим о средстве, которое в состоянии помочь.

— Давайте, — чувствуя радость Алекса, позволил себе расслабиться мужчина. Ведь скажи Маргаритка хоть еще хоть слово, эту комнату она бы не покинула. Или покинула бы ее герцогиней Ингарской. Хотя все еще может быть.

— Вам нужна жемчужина, — Маргаритка снова закрыла глаза. Краснову даже показалось, что она впала в транс. — Черная жемчужина, — медленно проговорила она. — Крупная. Матовая. Когти... Ее будут держать изогнутые когти из белого золота... Чешуйчатые лапы, удерживающие сокровище. Да будет правильно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Когда его величеству доложили о том, что Алексу вновь стало хуже, он, как и положено, виду не подал. Как ни в чем не бывало доиграл партию, кажется, даже что-то выиграл, для порядка выждал еще некоторое время, а потом, улучив подходящий момент неторопливо и величественно покинул салон. Очутившись в коридоре, Барти с трудом сдерживаясь чтобы не перейти на бег, поспешил к брату.

В гостиной герцога на перехват ему кинулся Патрик, словно цепной пес, охраняющий подступы к спальне.

— Туда нельзя, — взволнованно прошептал верный слуга. — Там ОНА.

И столько в его словах было восхищения и надежды, что не поддаться им было попросту невозможно.

— Давно? — только и спросил король.

— С самого начала.

— И как?

— Тихо.

— Ну, дай-то Пресветлая, — выдохнул Барти. — Я тогда пойду. А ты сторожи. Ежели чего... Ну, сам знаешь...

— Все сделаю, — истово заверил Патрик, отступая куда-то прочь, словно в тених растворяясь.

***

— Что же вы молчите? — первой нарушила повисшую в спальне тишину Софи. — Почему не требуете гарантий, не настаиваете на конфиденциальности? Почему не угрожаете, наконец?

— Прикидываю с чего начать.

— Ну, думайте пока, — беззаботно рассмеялась она, рассыпая по унылой комнате хрустальные бубенчики веселья. — Между прочим, ваше неверие только укрепляет мою уверенность в поставленном диагнозе.

"Интересно почему?" — задумался Краснов, чуя какие-то местные заморочки. "Потому что это Хозяйка Серебряного озера, баран ты иномирный, — не удержавшись, высунулся Алекс. — Раз говорит, что поможет, значит так оно и есть. Соглашайся и немедленно благодари девочку, придурок."

— Пока вы думаете, — задумчиво крутя на пальце родовой перстень, заговорила Софи, — я бы хотела коснуться некоторых деталей нашей сделки.

— Все-таки сделки?

— Не перебивайте. Это в конце концов невежливо. Да, именно сделки. Насколько я понимаю, в бескорыстие и альтруизм вы не верите. Значит, ждете оглашения платы за услуги и молчание. Извольте, я готова ее озвучить: вы подарите мне дочь.

— Что? — по загровку Краснова промаршировала колонна ледяных мурашек, а в голове замелькали отрывки из сказок, в которых нечисть обманом выманивала у глупых мужиков детей. А эта в открытую требует.

— Я хочу от вас ребенка, чего тут непонятного? — разозлилась Софи. В конце концов всему есть предел, даже ее безграничному терпению. — Зачатие должно произойти в начале лета.

— Это как-то связано с положением небесных тел? — сегодняшний день Сан Саныча воистину стал Днем Дурацких Вопросов.

— Скорее с расписанием экзаменов в академии, — растолковала девушка. — Не хочется подвергать малышку лишним испытаниям. А так... Закончу учебу, забеременею и уеду домой.

— А я?.. — игнорируя громовой хохот Алекса, уточнил Краснов.

— При чем тут вы? Живите, как хотите. Занимайтесь делами, можете даже жениться. А я буду растить наследницу рода Карр.

— Мою дочь?

— Технически. На самом деле, получая плату, вы от нее откажетесь. Девочка будет только моей.

— Что же мне с ней даже увидаться нельзя будет? — обиделся за себя и нерожденную еще кровиночку Саныч. — И потом, — он напряженно посмотрел на белокурую ведьму, — ведь может так случиться, что родится мальчик.

— Не может, — отрезала та. — У нас рождаются только девочки, наследницы. И, кстати, можете видеться с дочерью, я, лишенная общения с отцом, буду только рада этому.

— А почему, вы выбрали меня? — не удержался от вопроса Краснов. — Глаз-то с Эдварда Грира не сводите.

— Это так заметно? — впервые за вечер смутилась девушка. И стало заметно, какая она еще юная и неопытная в делах сердечных. — В любом случае неважно.

Я уже не только приняла, но и озвучила решение. Обратной дороги нет. Хотите стать цельным — принимайте мои условия. Не хотите — не надо. Расстанемся по-хорошему. И еще, просто чтобы между нами не было недомолвок... Я остановила свой выбор на вас не из-за денег, которых у меня много, не из-за могущества и даже не из-за магии. Просто рядом с вами тепло, — ее губы дрогнули, на кончиках ресниц повисли слезы, и Краснов против воли почувствовал себя распоследним негодяем. Юная красавица обещает вылечить, предлагает себя в любовницы, а он кобенится как переборчивая хозяйка на базаре. — Да, тепло, — справившись с волнением, закончила она. — К тому же я вас не люблю...

— Это понятно, — подался к девушке Сан Саныч. — Но ведь можете полюбить.

— Я буду стараться не делать этого. Достаточно тех глупостей, которые я уже успела наделать.

— Чем же вам плоха любовь? Прекрасное чувство.

— Очень даже хороша, причем любая: и к ребенку, и к родным людям, и к родине, и к мужчине, но...

— Но?

— Но только не к отцу моей дочери.

— Да почему?

— Будто вы сам не понимаете, — Соня вскочила на ноги. — Маги, среди которых я делаю выбор, словно цепями опутаны обязательствами перед своими родами! Все их действия нацелены на усиление собственной семьи! Не моей! Как глава рода я прекрасно понимаю их, более того сама поступаю точно также. Выйти замуж мне нельзя, ребенка от любимого мужчины тоже.

— Это закон вашего рода?

— Это мое решение. Может быть, кому-то хочется получить частицу любимого, чтобы каждый день видеть его продолжение... Для меня это пытка. Знать, что этот самый любимый с другой и ему до тебя нет никакого дела не по мне.

— Но ведь он может ответить на ваши чувства.

— И что? Будет разрываться между мною и семьей?

— И все же...

— Давайте закончим этот разговор. Лучше скажите, вы согласны на мое условие?

— Да, — под облегченный вздох Алекса согласился Краснов. — Но ждать до лета я не могу.

— В смысле? — растерялась Софи. — А вы насчет лечения, — догадалась девушка. — Не волнуйтесь, ваша светлость, я займусь изготовлением амулета в самое ближайшее время.

— Не сочтите за наглость, но хотелось бы узнать конкретные сроки.

— Давайте посчитаем, — легко согласилась Софи. — Для начала мне нужно съездить домой, чтобы поработать с жемчужницами, потом предстоят ювелирные работы — это уже дело мастеров, и, наконец, магическое воздействие на... — девушка задумалась, прикидывая что-то в уме. — На перстень. Поначалу я думала о подвеске, но нет.

— У... — приуныл Сан Саныч, прикинув объем работ. — Тут и десяти лет не хватит.

— Почему? — не поняла Софи. — За месяц, в крайнем случае за два управимся.

— А как же крупная черная жемчужина? Моллюски их по десять лет растят! Я так понял, что готовой у вас нет.

— Вы такой смешной, — всплеснула руками она.

— Я? — натурально обалдел Саныч, полностью поддерживаемый Алексом. Ни того, ни другого смешными никто не считал. Страшными, опасными, но никак не смешными, а эта пигалица... Ррр.

— Если без подробностей, — уловила мужское настроение она, — то я выберу моллюска, который уже вырастил жемчужину и уговорю его немного изменить ее свойства.

— Немного?

— Ровно настолько насколько это необходимо, — отмахнулась несносная девица. — Не забивайте голову, ваша светлость. Все будет

хорошо.

— Ладно уж, — вынужденно согласился он. — Но мы заключим соглашение.

— Само собой, — она предвкушающе потерла ладошки.

***

К Брюсам Софи вернулась едва живой от усталости. "Все-таки столичная жизнь не для меня" — в сотый раз думала она, позволяя горничной освободить себя от бального наряда. "Вот закончится учеба, и никто не сможет заставить меня хоть на лишний день остаться в Аргайле" — сладко до слез зевала ведьмочка. Хотелось принять ванну и завалиться спать, а вместо этого придется объясняться со встревоженными хозяевами дома и поганками. "Ничего, сейчас потерплю, зато смогу задать пару вопросов лэрду Рэйли и перенести время визита к его родне на более подходящее время" — настроив себя, Софи отпустила служанку и пошла в гостиную, где словно тигры в засаде ее поджидали Брюсы.

Разговор получился не то чтобы тяжелым, но неприятным. В какой-то момент, услышав от лэры Изабеллы легкий упрек в легкомысленности и некоторой распущенности, недопустимой в среде благородных лэри, Софи вспыхнула и напомнила всем присутствующим кто она такая, главой какого рода является, а так же упомянула о репутации этого самого рода. Впрочем, благодаря вмешательству человека горы закончилось все вполне мирно.

— Дорогая, — он многозначительно посмотрел на жену, — не дави на девочку. Она как целитель, не может пойти против своего призвания. Что же касается репутации рода Карр... Как по мне — она прекрасна. Сильные, честные женщины знают, чего хотят и идут к выбранной цели без кривляний и экивоков.

— Ты прав, дорогой, — смутилась прекрасная лэра. — Не обижайся на меня, детка, — она обращалась к Софи, но смотрела на притихших поганок. — Я всего лишь хотела как лучше.

— И вы меня простите, — опустила голову та, сделав себе пометку в памяти, обязательно переговорить с сестрами. Не стоит им развязывать войну со свекровью из-за того, что женщина печется о

репутации Хозяйки Серебряного озера. Ведь скандал, если он, конечно, разразится, может ударить и по Брюсам. И пусть лэра Изабелла должна была подумать об этом раньше, до того, как благословила Бернарда на брак с Эдме и Фионой, женщину можно было понять. И все же, все же...

— Вот и замечательно, — обрадованно прогудел лэрд Рэйли. — Тогда всем спать! А что касается сроков поездки, — голос декана застал Софи уже в дверях. Она торопливо обернулась, не желая пропустить ни слова, — не лучше ли сначала навестить моего брата, а потом уж отправляться в Разрушенный замок? Посуди сама, лэри, задержка в несколько дней не сыграет особой роли. Зато если тебе вдруг придут какие-то мысли по поводу Лероя... Вдруг мальчику можно помочь... А уж после нашего имения и домой отправишься, чтоб два раза не мотаться. И это, — совершенно смутился лэрд Брюс, — я могу с тобой поехать. Вырвусь на пару дней. Если хочешь, конечно.

— Очень хочу. Спасибо вам, лэрд Рэйли, — от всего сердца поблагодарила Софи.

***

В спальне герцога Ингарского едва теплился огонек свечи — Саныч с Алексом еще не спали, ведя безмолвный разговор.

— Хвала Пресветлой, что ты согласился на сделку, — радовался подлинный Ужас Дагании. — У нас появилась реальная надежда на исцеление.

— Ты настолько веришь, что Маргаритка поможет?

— Она пообещала, а слово Хозяйки Серебряного озера дорогого стоит.

— Хорошо бы, — размечтался Краснов. — Но цена?.. Алекс тебя не смущает подобная сделка.

— С чего бы?

— Ну как же? Королевская кровь, появление на свет возможного наследника, заговор против короны...

— Ну ты хватил, — заржал герцог. — Девочка будет принадлежать роду матери. Она ни при каких обстоятельствах не

сможет претендовать на трон. К тому же королем может стать лишь мужчина. Женщина в лучшем случае останется регентшей до совершеннолетия наследника. Наследника! — с удовольствием повторил он. — А у северных ведьм только девки рождаются.

— И что, мальчишек совсем не бывает? — не поверил Саныч.

— Вроде есть какая-то легенда на этот счет. Не помню, — признался Алекс.

— А вообще-то странно все это, — никак не мог успокоиться Краснов. — Не, у нас тоже бабы без мужей рожают. Для себя. Но они сильно постарше. А тут такая Маргаритка белокурая: "Хочу от тебя дочку" — говорит.

— Хозяйки такие, — чувствовалось, что Алекс доволен. — Замуж им нельзя, а то главенство над родом к мужу перейдет, вот и выходят из положения, как могут. Подбирают отца ребенку по своим соображениям, но всегда останавливают выбор на сильнейших магах. Если бы не болезнь Маргаритка к нам и не сунулась, побоялась бы, а так... — он смолк, да и о чем тут говорить? Просто повезло, и все. Прямо в руки приплыли и исцеление, и молодая любовница, и дочь. Не иначе как Пресветлая поворожила.

— Ладно, давай спать, — почесал грудь Краснов. — Устал я. Но знаешь, мне уже сейчас вроде как полегче, даже блевать во время разговора с тобой не тянет.

— Приму за комплимент, — философски откликнулся герцог.

— Наверное это эффект плацебо, — не обратил внимания на слова Алекса Саныч. — Я тебе завтра расскажу, что это такое. И про сына, оставшегося в другом мире, и про жену Катеньку, и про то, как мы с ней о маленькой дочке мечтали.

— Спи уже рассказчик. Будет тебе дочка. Хозяйки слов на ветер не бросают.

И Саныч уснул, и не почувал уже, как счастливый Патрик заботливо подтыкал ему одеяло и гасил ненужный ночник.

***

— Не понимаю, почему этим бесстыдницам до сих пор позволяют показываться в приличном обществе? — грамотно дозируя

возмущение, воскликнула лэра Урсула Лилиана. — Доколе? — она вскинула руки в жесте отчаяния, не забывая любоваться своим отражением в зеркале.

— О ком вы говорите, матушка? — пряча усмешку за бокалом вина, вежливо осведомился Ричард.

Нэд, которому в основном адресовалась фраза, даже ухом не повел. Мрачный и застывший сидел он в кресле у камина, уставившись в огонь.

— О вашей близкой знакомой, мой неразумный мальчик, — поняв, что любимый сын — ее гордость и радость не настроен на разговор, лэра переключилась на младшенького. — Вы не должны забывать, что общение с подобными особами пятнают вашу, а значит, и нашу семейную честь.

— Помилуйте, маменька, обществом лэри Карр, вы ведь именно ее имеете в виду, не гнушаются особы королевской крови, — прикинулся дурачком Дик. — Не так ли, братец?

Эдвард на провокацию не поддался в отличие от своей достойной матери. Та промолчать не смогла.

— Блудница парламская эта ваша лэри, — дама чопорно поджала губы. — Позабывшая о чести куртизанка, которая бегом бежит в мужскую спальню. Даже не скрывается, мерзавка.

— А ведь вы совершенно правы, маман, — уже не скрываясь, насмешничал Ричард. — Порядочная женщина в первую очередь должна быть хитрой и изворотливой. Посещая герцогские спальни, она в первую очередь заботится о конфиденциальности. Все должно быть шито крыто, не так ли?

— Что?! — задохнулась от возмущения лэра Грир, а Нэд дернулся, расплескав коньяк.

— Все, — любезно повторил Ричард.

— Ах, ты! Ишь, как заговорил! Волей матери запрещаю тебе близко подходить к этой распутнице! Не допущу, чтобы она отравила тебя своим ядом!

— Ха-ха-ха. Очень смешно. Браво! Бис! — захлопал в ладоши бесстыжий Дик.

— Ты доведешь меня до могилы, — без сил упала в кресло лэра Урсула Лилиана, не ожидавшая столь бурной реакции на обычную, в сущности, фразу. — Пусть он замолчит, — слабым голосом попросила

она у старшенького, но сначала убедилась, что ее поза величественно-печальна. — Скажи ему Нэд, милый. Умоляю.

— Да, Нэд, скажи! Не молчи! — подхватил Дикон. — Поведай мамочке, как заставил меня волочиться за лэри Карр, которая на самом деле чистый ангел, а не демоница похоти! И не забудь поплакаться, что сам без памяти влюбился в этого белокурого ангела...

— Заткнись! — заорал Эдвард, вскакивая. — Не лезь не в свое дело!

— Да, теперь это дело герцога Ингарского! — выпрямился Ричард. — А ты прошляпил свое счастье, идиот напыщенный!

— Ах, — лэра лишилась чувств, обмякнув в кресле.

— Ты совершенно прав, — в руках Нэда треснул бокал, по пальцам потекла кровь. — Но так будет лучше для всех. И в первую очередь для нее, — разжав руку, он позволил осколкам упасть на пол, некоторое время глядел на них, а потом медленно и спокойно покинул гостиную, даже дверью не хлопнул.

***

Кто бы знал, каких трудов Эдварду стоило сдержаться и не вбить брату его слова в глотку. Хотя на правду не обижаются, да. Но что тогда делать с разрывающей грудь болью? Как жить, зная, что сам, сам, упустил счастье? Сидел, наматывал на кулак сопли, наблюдая, как Ужас Дагании любезничает с Софи. Не остановил, не окликнул, когда она, наплевав на мнение общества, направилась в личные покои герцога. Слушал ядовитые комментарии невесты по этому поводу...

"А ведь вина лери Карр в сущности не велика, — горько усмехнулся он. — На ее месте ни одна из высокородных кудахчущих о распущенности северных ведьм квочек не отказалась бы от предложения герцога Ингарского. И не из страха, нет" "Вообще, Софи можно понять, останавливая кровь, размышлял Нэд. — Попался тебе герцог — хватай и держи крепче. В самом деле не от занудливых же обер-секретарей дочек рожать?"

Только подумал, а перед глазами крошечная белокурая малышка. Его девочка. Его и Софи. И накрыло пониманием, что на все готов

ради того, чтобы когда-нибудь взять ее на руки. Даже оставить род, покинуть службу и псом цепным лечь у ножек той, что всех дороже.

Жаль, что это невозможно. Изгой и предатель не нужен гордой лэри, а если и понадобится, то ему самому немила станет такая жизнь. "Тем более, что отставку мою король не примет, зато, узнав о чувствах, начнет новый виток интриг, итогом которого станет моя свадьба с Софи и уничтожение рода Карр.

А на это я пойти не могу" — кое-как перевязав руку, он улегся на кровать.

***

Несколько недель назад Силия узнала, что такое настоящее счастье и настоящее горе. И теперь не понимала, что с этим делать, и как жить дальше. Вернее знала, но боялась, что сил не хватит.

Ее счастьем стал Лерой Брюс самый лучший, любимый, родной, ненаглядный, нежный, заботливый... Перечислять достоинства супруга Силия могла бесконечно, но при этом она ни на минуту не забывала, что человек, затмивший собой целый свет, — ее самое горькое горе. Понимание того, что через каких-то пять лет его не станет убивало.

Каждую минуту, каждую секунду она думала об этом. Не показывала вида, старательно гнала горькие мысли, смеялась, пряча за улыбкой обливающееся кровью сердце, потому что поклялась сделать для Лероя все, что возможно и, что невозможно тоже. Потому что с его уходом погаснет солнце.

Как могла черная злоба проклятой герцогини свести в могилу Лероя? За что? Почему погаснут живые изумруды его глаз? Во имя чего перестанет биться сердце?

Но больше всего убивала необходимость ежемесячно принимать противозачаточное зелье. Вот уже второй раз свекор приносил ей флакон с опалесцирующей приятной на вкус и запах отравой и следил, чтобы она выпила до капли. Силия не спорила, да что там, она даже нахмуриться или вздохнуть лишний раз себе не позволяла, понимая, насколько нелегко лэрду Мэйсону. И нету никакого способа облегчить его боль. Вернее, их общую...

А так хотелось вырвать у смерти хотя бы частицу возлюбленного — его продолжение, ребенка. Малыша, который даст Силии силы жить.

— Ладно уж, фиалка, — проследив за тем, чтобы в хрустальном фиале не осталось ни капли зелья, рывкнул лэрд Брюс. — Пиши, кому хочешь.

— Я... — от неожиданности флакон выпал из ослабевших пальцев, а потом Силия вскрикнула и кинулась на шею свекру, благодаря и обещая, что напишет Хозяйке Серебряного озера прямо сейчас, а потом всегда-всегда будет вести себя хорошо и вообще...

— Тараторка, — гладил ее по голове мужчина. — Упертая. Наша вся. Настоящая Брюс. Правильно, девочка, всегда делай все, что в твоих силах, никогда не сдавайся и знай, я с тобой. Я вообще за вас с Лероем по колено в кровь встану.

— Спасибо, — хлюпнула носом она. — Так я пойду.

— Иди, фиалка, — отпустил лэрд Мэйсон.

— Заговорщики, — покачал головой Лерой, отступая в тень. Беспечно улыбнувшись, он поспешил в спальню. Впереди у него целых пять лет, если подумать — это не так уж и мало. И ни одного дня понапрасну он не потратит.

***

Хорошо, что накануне Софи была слишком измучена, не имея сил на душевные терзания, она уснула без задних ног и проспала бы Царствие Небесное, если бы не горничная.

— Вставайте, лэри, — настойчиво будила ее служанка, приставленная лэрой Брюс. — Завтракать пора и собираться.

— Куда? — спросонок не разобралась девушка.

— Так в Старый камень, — принялась тараторить горничная. — Хозяин просил напомнить, что отъезд назначен на полдень.

— А сейчас сколько? — сладно потянулась Сонечка.

— Одиннадцать...

Она не успела договорить, а лэри уже вскочила и, прихватив одежду, ринулась в ванную.

— Без четверти одиннадцать, — понеслось ей вслед. — Я уже и ванночку вам набрала, и завтрак в покои принесла, и костюм дорожный приготовила. А пока вы кушать будете, я вам причесочку сделаю. Как раз до отъезда управимся.

— Что ты сказала? — полностью одетая Софи вышла из ванной, подошла к туалетному столику и открыла шкатулку, выпуская на волю волшебные гребешки. Те встрепенулись, вспорхнули и словно пара деловитых бабочек бражников закружились вокруг белокурой головки Хозяйки Серебряного озера.

— А?.. — только и смогла выдавить из себя служанка, тыкая пальцем в сторону летающих гребней. Вот, значит, как Хозяйки причесываются, а она то гадала, кто укладывает их серебряные волосы в короны из кос.

— Наследство, — правильно поняла ее Софи.

— Ага... — энергично кивнула та. — А?..

— А завтракать я не буду, некогда. Лучше скажи лэры Брюс встали?

— Все три как штык, — бытовое волшебство через чур сильно повлияло впечатлительную на горничную, заставив вспомнить отцовский лексикон. Старый вояка был всегда краток, но красноречив.

— Тогда предупреди младших, что я хочу с ними увидеться до отъезда.

— Винса с Терри?

— Эдме и Фиону, — не выдержала общего идиотизма и рассмеялась Софи.

Разговор предстоял непростой. Нужно было предостеречь дерзких кузин от войны со свекровью. Вчера, услышав недовольство лэры Изабеллы, они промолчали, но Софи знала, что поганки не только прекрасно все поняли, но и запомнили, а теперь, наверняка, готовят месть. Нужно их остановить пока не поздно, а для этого...

— Придется признаться им о том, что поиски достойнейшего окончены, — решила Софи, прикинув, что задаром упертые кузины в покое свекровь не оставят. Но вот за взятку... Дождавшись, когда гребешки упорхнут в шкатулку, лэри торопливо пошла в кабинет. Там в потайном ящичке стоящего у окна секретера лежал написанный убористым бабушкиным почерком заветный список.

"Слава Пресветлой, взятка поганками благосклонно принята" — покачиваясь в экипаже, думала Софи. И все же на душе у нее было беспокойно: слишком уж подозрительно переглядывались кузины. "Как бы они несчастную лэру Изабеллу в романе не прописали. Ума хватит, — тревожилась она. — А ведь бедную женщину и так ждут потрясения. Известие о беременности Марты больно ударит по ней. Может быть для начала стоит ограничиться разговором с лэрдом Рэйли?" — покосилась на подремывающего декана она. "Нет, страшно. Лучше погожу пока. Понаблюдаю за течением беременности.." — малодушно дала себе и Брюсам еще немного времени и, чтобы не угрызаться совестью понапрасну, открыла "Минералогию".

Следовало подумать о самоцветах, потенциально способных помочь в борьбе с застарелыми проклятиями крови. "Может быть изумруд подойдет? Как никак, а именно он — камень покровитель магов Земли" — Софи открыла алфавитный указатель и пробежалась глазами по строчкам.

Устаревшее название камня — смарагд, от древнелеорийского — зеленый камень. Современное название «изумруд» в даганский язык пришло из парламского, *imrut*, что значит «сиять».

Наряду с бриллиантом, рубином и сапфиром образует "великолепную четверку" самоцветов первого порядка. Изумруд — чрезвычайно красивый минерал разных оттенков зеленой гаммы с характерным сиянием. Часто имеет различные трещинки, включения других минералов, может быть мутноватым. Абсолютно прозрачные кристаллы насыщенного зеленого оттенка чрезвычайно редки, ценность таких экземпляров зачастую по стоимости превосходит алмазы.

Маги-геммологи выделяют несколько разновидностей изумрудов: Леорийские — отличного качества, цвета молодой травы; Трапиче — также леорийские, но с отличительной чертой — из центра кристалла выходят шесть изумрудных лучей; Парламские — более высокого качества, чем предыдущие, характерного голубоватого оттенка... Лучшие камни привозят из колоний... Дагания, увы, бедна изумрудами.

Лэрд Брюс всхрипнул, и Софи отвлеклась на минуту, а потом подвинулась поближе к окну, украдкой перелистнула пару страниц, содержащих сведения о местах добычи самоцветов, и углубилась в описание лечебных свойств камня.

Целительные свойства смарагда были известны очень давно. Его успешно применяли и применяют для борьбы с падучей, лихорадками и врачевания заболеваний глаз. Хозяева изумрудов избавляются от меланхолии, становятся более спокойными, крепче спят, проще относятся к житейским неурядицам. Камень является оберегом для беременных женщин, он усиливает энергетику взаимодействия матери и ребенка, помогает полноценному развитию малыша, улучшает самочувствие их общее самочувствие. Украшения с изумрудом защищают от дурного глаза. Они эффективно разрешают трудности с зачатием.

Некоторые целители советуют носить камень в непосредственной близости от места, где имеются проблемы, а для глаз и кожи применять умывание изумрудной водой (в жидкость на ночь опускают смарагд, а на утро используют ее).

Изумруд усиливает интуицию и открывает связь с потусторонним миром. Прорицатели с его помощью общаются с душами предков, спрашивают их совета, а также успешно заглядывают в будущее. Достоверно доказано, что маги-воздушники могут призывать с его помощью дождь.

Изумруд называют талисманом матерей и моряков. Он служит защитой от водных катастроф и болезней. Вообще, аура камня притягивает благополучие в семейной жизни — сохраняет верность, поддерживает страсть и помогает найти любовь тем, кто еще не имеет своей половинки.

Смарагд — камень богатства. Если носить его на мизинце, то у владельца проявятся способности налаживания связей, в том числе деловых, улучшатся ораторские навыки, придет успех в делах. Ношение на безымянном пальце также возможно, оно придаст уверенности в любовных делах. Изумруд на указательном пальце поможет преодолеть нерешительность, подарит веру в себя. Кольцо на среднем пальце добавит оптимизма, бодрости, силы противостоять невзгодам.

Дойдя до этого места, Софи задумалась. "Вроде бы неплохо, но неидеально, — решила она. — Стоит еще поискать еще. Может быть алмаз?.." Она перелистнула еще несколько страниц и вновь склонилась над книгой.

Алмаз — король драгоценных камней, превосходящий их твердостью. В самом его названии зашифрованы несокрушимость, твердость и вечность. Известный людям более пяти тысяч лет драгоценным он стал лишь после того, как была открыта огранка, до этого считаясь лишь символом стойкости и веры. Но все изменилось, когда мутный, полупрозрачный алмаз явил таящееся в своей глубине чудо — бриллиант.

Окраска бриллиантов различается от бесцветной до черной, проходя через все грани спектра. И это, не считая, внутренней градации бесцветных камней, чья цена убывает по мере уменьшения прозрачности. Достаточно сказать, что лишь два процента найденных алмазов становятся бриллиантами.

Самыми же дорогими считаются разноцветные бриллианты и вызвано не только их редкостью. Дело в том, что ни один маг Земли с древности и по сей день не нашел причины, влияющей на окраску бриллианта. В составе этих камней нет ни единой примеси, которая могла бы отвечать за тот или иной их оттенок.

Также до сих пор между геомантами ведутся споры по поводу рождения алмазов. Одни говорят, что алмазы — дети Земли, а другие утверждают, что к ним они прилетели со звезд и являются их частью.

Благодаря своей мощной энергетике бриллианты чрезвычайно популярны у целителей. С их помощью лечат болезни легких, желудка, печени и почек. Даже самые серьезные недуги отступают под действием бриллианта. Алмаз прекрасно позволяет уменьшить активность практически любого воспаления и избавиться от болезней кожи.

Свойства алмаза позволяют ему врачевать и душевные недуги. Бриллианты помогают при шизофрении, нервных расстройствах, проблемах со сном. Алмаз также может стабилизировать кровяное давление, нормализовать кровообращение.

Алмазы издавна считались символами материнского счастья. Поэтому украшения с бриллиантом прекрасно подойдут беременным и

рожающим женщинам, снижая вероятность осложнений и болезней плода. Алмаз может помочь там, где все прочие магические ухищрения не привели к успеху.

Целители настоятельно рекомендуют использовать алмазы для заживления ран, в том числе после операций. Особенно хорошо помогает в этих целях настоянная на драгоценном камне вода.

Алмаз — камень очень могущественный, и люди это чувствовали всегда. Он собирает в себе положительную энергию, тем самым укрепляя ауру человека. Таково его главное свойство. Впрочем, это не все. Очень важно помнить, что бриллиант не стоит покупать для себя. Для того чтобы камень раскрыл весь свой магический потенциал, его необходимо либо получить в подарок, либо найти (и огранить) самому. Только тогда бриллиант усилит человеческую энергетику.

Король самоцветов является крайне могущественным оберегом, отводящим от хозяина любое зло. Он в состоянии сделать отважным воином даже крайне робкого человека.

Используются бриллианты и для любовных чар. Одиноким людям, которые долго не могут найти свою пару, он поможет стать счастливыми. До сих пор в Парламе распространен обычай посыпать руки новобрачных алмазной пылью, чтобы их брак был крепким, а любовь вечной.

Цветные алмазы имеют огромное магическое значение, особенно желтые, или, как их еще называют, «змеиные глаза». Пользоваться ими можно только могущественным магам. Слабый гемантус, только приступивший к развитию дара вряд ли сможет выдержать его дикую энергию.

"Очень любопытно, — закрыв учебник, размышляла Софи, но все же чего-то не хватает. Может быть... Может..." От нахлынувших пару раз чувств она даже подпрыгнула на сиденье и едва не запищала, только опасение разбудить декана удержало. А девушка тем временем сызнова листала учебник. Теперь ее интересовал опал.

На всех материках нашей планеты сложены предания об опалах. Они завораживают и пугают, радуют и заставляют задуматься. Интересное сказание хранят леорийские мифы, повествующие о борьбе Пресветлой с демонами. В них говорится, что опалы — божественные слезы счастья, упавшие с небес на землю. Отсюда и пошла уверенность, что сила слез Пресветлой способна наделить

человека даром ясновидения. Парламенты веруют в способность самоцвета защищать от влияния стихий, плохой погоды, называя опалы сыном молнии, "ребенком прекрасным как любовь". Дикари, населяющие колонии, и те не устояли перед красотой опала. Недаром оттуда пришла легенда о богине радуги, спасающейся от назойливого поклонника. Убегая от него, девушка упала и разбилась на сотни разноцветных, мерцающих камней.

На протяжении веков у многих народов опал служил талисманом удачи. Однако, тут из общего ряда выбивается наша родная Дагания. По преданиям древних даганийцев опалы — творение сумасшедшего демона-кузнеца, который сотворил их из детских глаз. Летописи хранят описания множества темных обрядов, совершаемых с помощью самоцвета.

Особенностью опала является собственно опалесценция — особое внутреннее сияние камня. Для прозрачных и белых камней характерно сияние алого, голубого и зеленого цветов. Черные опалы переливаются всеми цветами радуги, огненные — золотисто-оранжевым оттенком.

Еще одной удивительной особенностью опала является содержание воды в минерале. Благородные разновидности этого минерала всегда прозрачны, и водная составляющая в них достигает тринадцати процентов. В редких случаях процент содержания воды в опале достигает двадцати процентов.

Со времен Средневековья и до наших дней целители заметили, что лекарственные свойства опала находятся в прямой зависимости от его цвета. Так голубой опал — идеальный выбор для медитаций. Он освобождает человека от негативных эмоций, вернет здоровый сон, избавит от тревожности. Благородные опалы отгоняют обморочное состояние, успокоят нервы. Розовые опалы регулируют сердечную деятельность. Ежедневный массаж зоны межбровья зеленым опалом поможет улучшить зрение.

Вялым, ослабленным физически людям поможет огненный опал. Он очистит кровь и наполнит человека жизненной энергией. При этом важно, что в периоды черной меланхолии огненный опал оказывает на человека успокаивающее действие.

Опал подходит тем, кто хочет достичь успеха. Это камень успеха и харизмы. Для слабохарактерных натур он станет источником

возникновения страхов и внутренних метаний. Только сильные духом становятся настоящими хозяевами опала. Особенно это относится к черным разновидностям этого самоцвета. Но и тут имеются тонкости. Оправленный в золото черный опал разжигает в людях, склонных к авантюризму и азартным играм, страсти. Эта же разновидность самоцвета используется черными колдунами для проведения обрядов.

Белый опал — полная противоположность своего черного собрата. Это поистине символ чистоты и добродетели. Он поддерживает в своем хозяине терпение и сочувствие к ближнему. Белый опал становится талисманом для целителей и филантропов.

Минералы голубых и синих оттенков приносят удачу. Они помогают направить энергию на достижение поставленных целей. Темно-фиолетовые опалы пробуждают дар ясновидения.

Магические способности огненного опала удивительны. Они зависят от того, кому принадлежит камень: мужчине или женщине. Для сильной половины человечества опал — источник мужской силы и уверенности. Представительниц же прекрасного поля он наделит женственностью, обаянием и мудростью.

Розовый опал подарит покой, гармонию и создаст барьер от болезней и неприятностей вокруг своего обладателя, вернет спокойный сон, отгоняя кошмары.

Статья закончилась, а Софи, пребывая в глубокой задумчивости, все еще продолжала смотреть на страницу учебника. "А что если совместить свойства камней?" — пришла в голову мысль.

— Надумала что-нибудь, девочка? — громом среди ясного неба прозвучал голос декана. Оказывается, лэрд Рэйли давным-давно проснулся и с интересом наблюдал за своей ученицей. — Выкладывай, какие гениальные мысли посетили твою белокурую головку.

— Уж вы скажете, — смутилась Софи. — Насчет гениальности особо.

— И все же, — настаивал на своем он. — Вижу, что придумала что-то. Меня — старого, стреляного воробья на мякине не проведешь.

Несмотря на габариты и лысину этот воробышек был абсолютно прав. Озарение, посетившее Хозяюку Серебряного озера, он просек на раз.

— Понимаете, — медленно начала она, — я все подыскивала камень, способный бороться с проклятиями крови... Воздействие ведь

было на кровь?

— Верно.

— Ну, вот, — Софи взволнованно сжала кулачки, — дойдя до опала, я поняла, что минерал, имеющий в своем составе воду, подходит для этого как можно лучше.

— Дальше, дальше, девочка, — подался вперед лэрд Брюс.

— А ничего пока, — расстроено призналась она. — Кроме, пожалуй, одного...

— Ну, — подбодрил декан. — Что ж из тебя сегодня каждое слово надо клещами тянуть?

— Понимаете, мне кажется, что одного камня тут мало. Нужен дуэт, а то и трио минералов. Жемчуг, опал и...

— И усиливающий их свойства изумруд, — предложил лэрд Рэйли.

— Скорее усиливающий ауру носителя бриллиант, — задумчиво прикусила губку Софи. — И возможно даже не один.

— Очень интересное решение. Как ты понимаешь, все еще нужно обдумать, просчитать. И не раз. Но в целом, очень интересно, да. Только это ведь еще не все, — проницательно глянул он. — Признавайся, девочка, до чего ты еще додумалась.

— Дело в том... — Софи тщательно подбирала слова. — Только не обижайтесь на меня, пожалуйста, мэтр, но идея приехать в Старый камень вдвоем с вами мне разонравилась.

— Вот те нате! — обалдел мужчина.

— Просто это выглядит, как будто к больному приехал крупный специалист.

— И тебе это не нравится, — проницательно прищурился лэрд Брюс.

Софи согласно склонила голову.

— Что предлагаешь? — удивляясь собственной покладистости, спросил человек гора. А про себя подумал, что эта пигалица на диво ловко способна крутить мужчинами. Слава Пресветлой, наделившей Хозяйку Серебряного озера чистой душой и добрым сердцем, а то неизвестно каких дел могла бы натворить белокурая красавица.

— Может быть, я не настаиваю честное слово, только прошу... Может быть вы вернетесь в Аргайл? А в Старый камень я приеду одна. И не в качестве заезжей знаменитости, а как подруга лэри Сайл.

— Вы виделись всего один раз, — напомнил лэрд Брюс, уже понимая, что все равно уступит.

— Неважно, — сверкнула глазами Софи. — Уверена, что Силия мне подыграет.

— Допустим, и что это даст?

— Мы сможем общаться в неформальной обстановке, а это очень важно. К тому же я смогу пригласить Силию с мужем к себе. Там и алтарь рода, и ювелиры, и вообще...

— Мэйсон их одних не отпустит, — попытался спустить маленькую лэри с небес на землю лэрд Рэйли.

— Пусть тоже едет, — отмела эту причину как несущественную Софи. — Разрушенный замок настолько велик, что при желании лэрд Мэйсон и видеться со мной не будет, — она замолчала и умоляюще посмотрела на учителя. Даже ручки, пусть и неосознанно, сложила в жесте мольбы.

— Ладно уж, — сдался он. — Но не торопись радоваться раньше времени. В замок приедем вместе. Не станешь же ты, девочка, выгонять меня — старого, уважаемого человека из возка посреди леса. Ведь порталную станцию проехали уже? Ну, вот видишь. И не хмурься, лэри, скажем, что у меня к брату дело. Тем более, что так оно и есть.

***

Софи очень понравилось родовое гнездо Брюсов. Еще издали, едва увидев величественный замок, она почувствовала мощь родового камня гематогенов.

— Бирюза, — прошептала девушка. — Старая. Позеленевшая. С золотыми прожилками пирита и инкрустацией опалами.

— Что? — вздрогнул лэрд Брюс, не оживавший, что Софи так точно опишет алтарь рода. — Откуда знаешь, Бернард рассказал? Отвечай, лэри!

— Благородные белые опалы. Сияя и переливаясь, они складываются в рисунок, — шептала та, глядя расфокусированными глазами на декана и похоже совершенно не видя его. — Древний ключ

жизни. Я вижу его так же точно, как свое отражение в воде священного озера. Я чувствую его силу. Я его слышу, могу до него дотронуться...

Голос Софи звучал все глуше, а потом она начала заваливаться, спасибо лэрду Брюсу — не растерялся, не дал упасть, подхватил потерявшую сознание девушку.

— Гони! — что есть мочи закричал кучеру. — Скорее в замок. Опоздаем, шкуру с тебя спущу.

Свистнул кнут, всхрапнули лошади, наподдав.

— Терпи, терпи, милая, — упрашивал мэтр. — Сейчас приедем.

Чем приезд в замок мог помочь Софи, лэрд Рэйли представлял слабо. Разве что и правда отнести ее к алтарю. "В крайнем случае так и сделаем, — решил он. — Как-никак ты — родня. Да и природа родового камня схожа с твоей"

Так и просидел всю оставшуюся дорогу, считал минуты, баюкал Софи и понимал, что жизнь снова нашла чем удивить. Он-то, грешным делом, думал, что все уже повидал (особенно после свадьбы Бернарда), а вот поди ж ты, сподобился. Стал свидетелем настоящего трансa. А ведь до сегодняшнего дня был точно уверен, что в транс впадают исключительно дикие ведьмы и не просто так, а после приема сильнейших галлюциногенных зелий.

— Что же ты еще скрываешь, девочка? — глядя в побледневшее лицо Софи, спросил он. — Надеюсь, тебе по плечу этот груз.

***

Софи открыла глаза, увидела знакомый до самой последней завитушки на резных балках потолок и страшно удивилась. Как же так? Вроде бы ехала в Старый камень... а оказалась дома. Странно. Неужели рыжие башни замка Брюсов, рвущиеся в зимнее небо, привиделись ей? Как бы узнать?

— Нэнни, — позвала наудачу.

— Сейчас кликну, — моментально откликнулся смутно знакомый голос. — Погодите минуточку, хозяйюшка!

— Стой, погоди, — велела та. — Иди сюда и рассказывай.

— Ага, — к кровати подбежала недавно взятая в дом девушка. "Как там ее? — напрягла память Софи. Клод вроде. Да, точно, Клод.

Нужно узнать, как она справляется с работой, но это потом"

— Взяли меня, стало быть, на место Марты, — бойко начала девица. — Ну, после того как она замуж выскочила. Дай Пресветлая здоровья ей и Джону, и тетушке вашей! Но прежде всего вам, хозяйюшка! Ежели бы не ваше желание нипочем не увидеть мне этой работы! — на одном дыхании выпалила Клод. Молитвенно сложила руки на груди и преданно уставилась на Софи. Выглядела она при этом такой наивно счастливой, что не улыбнуться в ответ было невозможно.

Вот Софи и не удержалась. Она повернулась на бок и знаком предложила горничной продолжать. Болтушке большего не требовалось.

— Так и служу я, стало быть, в Разрушенном замке, чувствую себя словно у Пресветлой за пазухой, вникаю в тонкости работы камеристки. Знаете, лэри, как много всего знать и уметь надо, чтоб хозяйский гардероб содержать в порядке? Только гладить целая наука! А уход за кружевом? За бархатом? Чистка замши? Ой, да всего не перечислишь, — она махнула рукой, а потом хихикнула виновато. — Вы уж простите меня, хозяйюшка, за болтовню. Это от нервов все.

— А что случилось? — едва успела вставить Софи, как ее снова погребло под словесной лавиной, обрушенной говорливой Клод.

— Так вас привезли, — простодушно поведала она. — Всю такую бледненькую, бесчувственную. Ах, это был настоящий ужас! Жуткий кошмар! Вы в жару и бреду трое суток метались. Все твердили что-то про старую бирюзу да опалы, рвались к алтарю и что-то про птиц Пресветлой кричали. А, да... Еще повторяли, что жемчуг не годится. Мол, только перламутр подойдет.

— В самом деле? — обомлела Софи. — Я такой говорила?

— Своим здоровьем клянусь! Побожиться могу, — стукнула себя кулаком в грудь Клод. — "Жемчуг не годится, а вот перламутр с опалами и бриллиантами — то, что нужно" — повторяли вы раз за разом. Я потому и запомнила, что представила себе этакую красоту. Будто наяву увидела птицу-лебедя. Тело у него опаловое, крылья из мелких пластинок перламутра собраны, нарезанных навроде перьев, а хохолок алмазный. Батюшка, бывало, мечтал такую птичку сотворить. Он у меня ювелиром был не из последних, пока к Пресветлой не отправился. Гарольда Прескотта помните ли, хозяйюшка?

— А?.. — не сразу откликнулась Софи, тоже наяву узревшая дивную опаловую птицу.

— Я про батюшку спрашиваю, не забыли ли?

— Так Гарольд Прескотт — твой отец? Прекрасный был мастер. А ты вообще — гений! — воодушевилась Софи. — Умница, жалование тебе повышу, — она торопливо села на кровати и принялась нашаривать тапочки.

— Ой, куда?! Нельзя, нельзя! — кинулась к ней Клод. — Лежите, хозяйюшка. Целитель не велел пониматься, — она попыталась уложить несознательную пациентку обратно, но встретила неожиданный отпор.

— Пусти! Мне надо!

— Что здесь такое? — на шум заглянул лэрд Харди.

Увидев управляющего Клод пискнула по мышинному и вжала голову в плечи, а Софи, наоборот, обрадовалась.

— Лэрд Бреннан, помогите встать. Мне срочно нужно поговорить с лэрдом Брюсом. Велите сейчас же запрягать...

— Вам нужно лежать и выздоравливать, барышня, — невозмутимо откликнулся управляющий.

— Как же вы не понимаете, — она, наконец-то, вздела ноги в тапочки и попыталась встать на ноги. Не тут-то было. Моментально закружилась голова, перед глазами замелькали мушки. Хорошо, что Клод была наготове — тут же сунулась под руку, поддержала.

— Убедились? — дождавшись, когда юная хозяйка окажется в постели, полюбопытствовал лэрд Харди. — А теперь успокойтесь и послушайте меня. Никаких лошадей запрягать не надо. Если вам пришла охота поговорить с мэтром Брюсом, достаточно просто позвать его.

— Так лэрд Рэйли?..

— Здесь, — сообщил управляющий. — И не один, а в компании с племянником и его супругой.

— Правда?

— Истинная. Теперь вы довольны, барышня?

— Да, — призналась Софи. — Спасибо, лэрд Бреннан.

— Всегда рад, — поклонился тот. — А теперь, если вы успокоились и готовы оставаться в постели, то, позвольте оставить вас в одиночестве. Буквально на несколько минут — добавил мужчина после чего ловко ухватил Клод за ухо и направился к дверям.

Горничная взвизгнула, дернулась, взвыла еще громче, но под взглядом суровых глаз начальства моментально смолкла и посеменила за ним.

— Лэрд Бреннан, — испугалась Софи, что вы делаете? Пустите ее сейчас же.

— И не подумаю.

— С каких это пор вы не подчиняетесь моим распоряжениям и позволяете себе распускать руки с персоналом? — с некоторым трудом Софи приподнялась на постели. Все-таки она была еще слишком слаба.

— Я позволил себе некоторые вольности исключительно из родственных чувств, лэри, — счел своим долгом сообщить управляющий. При этом он остановился и чуть приподнял руку. Бедняжке Клод, чтобы не расстаться с любимым левым ушком, пришлось встать на цыпочки. — Воспитываю племянницу, которая бессовестно манкирует своими обязанностями и совершенно отбилась от рук.

— В самом деле? — растерялась Софи. — И все же, лэрд Бреннан, прошу вас, отпустите Клод. Я ей очень обязана. Если бы не она... Одним словом, пустите.

— Так уж и быть, — неохотно пошел на уступки управляющий.

— Спасибо. И насчет жалования... Прибавьте его Клод.

— Об этом не может быть и речи, — лэрд Харди был неумолим. — Максимум, что я могу сделать это оставить ее на прежнем месте. Не распускайте мне сотрудников, барышня.

— Уж прям, — прыснула в кулачок Софи, которую ужасно развеселило случившееся. — Идите уже, а я обязуюсь честно лежать и ждать Нэнни. — И, лэрд Бреннан... Мне очень понравилась ваша племянница, — она не удержалась и подмигнула Клод.

***

— Солнышко, ягодка, горлинка ясная, как же ты напугала нас, — причитала Нэнни, обнимая и целуя свою ненаглядную воспитанницу.

— Мамуль, пусти ее, задушишь, — уговаривала Эдме. — Наша выхухоль еще слабенькая.

— Какая, прости Пресветлая, выхухоль? — отвлеклась на дочь лэра Нэлианна. — Что ты еще выдумала?

— Серебристая, — вежливо ответила за сестру Фиона, а Эдме, пользуясь случаем, влезла на постель и уместилась рядом с кузиной.

— Не смей так больше делать, — шепнула она Софи.

— Мы чуть с ума не сошли, — Фиона тоже оказалась рядом с сестрами.

— Просто вы прогульщицы, — по очереди обняла их растроганная Софи. — Пользуетесь любой подвернувшейся возможностью пропустить занятия.

— И муж их тот еще прогульщик, — поддержала кровиночку Нэнни.

— А знаешь, кто еще нынче гостит в Разрушенном замке? — Эдме предпочла не кидаться грудью на защиту супруга, а перевести тему разговора.

— Герцог Ингарский, — тут же выпалила Фиона. — Откуда-то узнал о твоей болезни и примчался словно наскипидаренный, прихватив с собой личного целителя.

— Повежливей, девочки, — одернула поганок Нэнни, но им все было нипочем. — Так можно и под закон об оскорблении величества попасть.

— Ужас, летящий на крыльях ночи, — проигнорировала предупреждение матери Эдме.

— Или на крыльях любви? — уточнила Фиона. — Признавайся, сестренка.

— Ну, начинается, — всплеснула руками Нэнни. — Оставьте в покое мою горлинку, девочки. Сейчас не время. Она еще слабенькая.

— И правда, сейчас не время, — нехотя согласилась с матерью Эдме.

— Но мы еще вернемся к этому разговору, — пообещала Фиона. — А пока поправляйся.

— Мы зайдем к тебе попозже, — сказала Эдме.

— После того, как тетюшка поведаст о всех гостях Разрушенного замка, — прыснула Фиона, торопливо покидая спальню.

— Ничего не понимаю, — Софи вопросительно посмотрела на нянюшку.

— Дело в том, детка, — смутилась та, — что нас навестил лэрд Гамильтон.

— И что такого? — не поняла девушка. Она, конечно, не пришла в восторг от перспективы лишний раз общаться с кем-нибудь из Гриров. После осознания своих чувств к Эдварду хотелось бы держаться от всей их семейки подальше, просто чтобы лишний раз не терзать сердце. Но конкретно против дедушки Грира она ничего не имела. Приехал и ладно.

— Не все так просто, милая, — Нэнни нервно теребила кружевной платочек. — Дело в том, что лэрд Гамильтон нездоров. А если быть откровенной, то очень-очень болен. И виноваты в его недуге, некоторым образом, мы.

— Нэнни, не виляй, говори прямо, — потребовала Софи. — Ты чем-то заразила дедушку Грира?

— А? Что? — встрепелась лэра Нэлианна. — Что ты такое говоришь? От бесстыжих сестер гадостей нахваталась?

— Хотела тебя взбодрить. Вижу, что неудачно. Прости за глупую шутку. Я больше так не буду.

— Придется поверить, — обиженно поджала губы Нэнни, но потом сменила гнев на милость и подвинулась ближе к воспитаннице. — Дело в том, что в семействе Гриров произошел ужасный скандал, если не сказать — раскол. Лэра Урсула Лилианна злословила на твой счет. Лэрд Гамильтон стал свидетелем этой отвратительной сцены и как глава рода потребовал не просто прекратить сплетни в адрес Хозяек Серебряного озера в целом, но и в частности велел невестке извиниться перед тобой за клевету и наветы. Та, само-собой, воспротивилась и привлекла на свою сторону мужа. Слово за слово... В итоге Урсула Лилиана отправлена в дальнее имение, сын попал в немилость, возможным наследником главы рода, минуя отца, становится Эдвард, а лэрд Гамильтон слег с сердечным приступом.

— Ох...

— Вот именно. Главное же в том, что полегчало ему только после того, как лекарь догадался привезти лэрда к нам. Видишь ли, в прошлый его визит сюда я осмелилась на подарок — одну из твоих жемчужин. Слава Пресветлой, что лэрд Гамильтон не расставался с

ней. Только благодаря этому и остался в живых. Жемчужина же, отдав все силы, разрушилась...

— Дальше понятно, — Софи прижалась к нянюшке. — Какая же ты у меня замечательная, заботливая, самая-самая лучшая на свете.

— Ну что ты, — смутилась Нэнни. — Главная заслуга принадлежит целителю, а я уж так... Кстати, о целителях... Тебе ведь нужен покой, а тут я с ворохом новостей.

— Зато я не буду дергаться понапрасну.

— Конечно не будешь, — согласилась лэра Нэлианна. — Сейчас поешь, выпьешь лекарства, уснешь и проснешься здоровой.

— И буду рядом с теми, кто меня любит, и кого люблю я, — согласилась Софи.

В первый раз за пару месяцев она чувствовала себя счастливой.

ЭПИЛОГ

Новый день, пришедший на земли Дагании принес новые заботы. Он, как и положено, озадачил каждого, не позабыл ни о сильных мира сего, ни о слабых и ничтожных. Кто-то жаловался и ныл, кто-то с рыданиями рвал на себе волосы, а большинство, прикинув предложенный объем работ, засучили рукава и отправились на борьбу за хлеб насущный.

Лэри Маргарет София Анжелика Карр, графиня Фризз, несмотря на молодость и богатство, тоже не ленилась. Выпив предписанные строгим целителем зелья и закусив ломтиком кровяной даганийской колбаски, она принялась строить планы и на сегодняшний день, и на перспективу.

— Поговорить с лэрдом Брюсом, — определилась с первым пунктом она. — Познакомиться с его племянником, напомнить Силии, что она — моя "лучшая" подруга, навестить Мари, убедиться, что с ней все в порядке, спуститься к камню рода и поработать с жемчугом, договориться с ювелирами... Что еще? — задумалась Хозяйка Серебряного озера, теребя кончик косы. — Не соображу пока. Знаю одно: я не оставлю ни герцога Ингарского, ни Брюсов, ни маленькую Таби. Просто чувствую, что, если помогу им, помогу себе. Вот и все. Может это глупо, но иначе нельзя.

Глоссарий

Дагания — королевство, в котором происходит действие Аргайл — столица Дагании Бартимеус VII — король Дагании

Александр Рокк, герцог Ингарский. Младший брат короля, глава тайной канцелярии

Анна Мария Парламская — королева Дагании

Нэр, нэра — обращение к людям, не имеющим дворянства.

Лэрд, лэра — обращение к людям благородного происхождения.

Маргарет София Анжелика Карр — главная героиня

Нэнни — кормилица, няня главной героини. Она же лэра Нэлианна Мария Каррлайл.

Марта — горничная Софи

Эдме и Фиона Каррлайл — дочь и племянница Нэнни. Они же поганки Лэрд Эдвард (Нэд — принятое сокращение от имени Эдвард)

Грир - обер-секретарь его величества Барти седьмого

Лэрд Роберт Грир — его отец, глава дипломатического корпуса

Лэра Урсула Лилианна Грир — его мать, светская львица

Мартин Крайтон — негоциант, держит лавку колониальных товаров в Слайме

Лэрд Ричард (Дик, Дикон — принятые сокращения от имени Ричард) Грир - младший брат

Лэрд Гамильтон Грир — глава семьи, дедушка Лэрд Гай Вульф — ректор ААМ Рэйли Брюс — зав кафедры Земли.

Таби — домовушка лэрда Брюса Леория — соседнее государство

Парлам — соседнее королевство, южный сосед Дагании

Слайм — провинциальный городишко неподалеку от замка Хозяйки Серебряного озера

Бернард Брюс — третий сын декана факультета Земли

Силия Сайл — студентка факультета Земли, нареченная невеста

Бернарда Брюса Миранда Долэг — студентка ААМ, подруга Силис

Теодор Глэйв — хозяин Холодного мыса Генрих Глэйв — его сын

Лавиния Карр — мать Софи

Базиль — личный слуга Эдварда Грира

Аделина Блэр — невеста Эдварда Грира

Винсент и Теренс Брюсы — близнецы
Мэйсон Брюс — двоюродный брат Рэйли Брюса
Лерой Брюс — сын Мэйсона
Лэрд Бреннан Харди — управляющий Разрушенного замка
Патрик — камердинер индюка, то есть герцога Ингарского
Шеридан Винтер — целитель, номер третий или четвертый (я
запомню) в
списке бабушке Софи